СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1845.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXXVII.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1845.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 — 2155

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ РОМАНОВНЫ ДАШКОВОЙ.

I. Ея записки и ихъ происхожденіе.

Въ 1840 году изданы въ Лондонѣ на Англійскомъ языкѣ «Записки Княгини Дашковой,» ею самою составленныя въ послѣднюю эпоху ея жизни (она скончалась въ 1810 г.). Два или три отрывка изъ нихъ были уже помѣщены въ Русскихъ журналахъ *; мы также намѣрены извлечь нѣсколько любопытныхъ мѣстъ изъ этой книги.

Издательница ея Г-жа Бредфордъ (Bradford), которая въ 1803 году, бывъ еще дѣвицею (Miss Wilmot), пріѣхала въ Россію изъ родины своей, Ирландіи, чтобы провести нѣсколько лѣтъ въ домѣ знаменитой Княгини, вотъ какъ объясняетъ происхожденіе этихъ «Записокъ».

* См. Москвитянинъ 1842. №№ 1 и 2.

«Слушая расказъ о событіяхъ, случившихся въ молодости Княгини, я иногда изъявляла удивленіе, что она не напишетъ исторіи своей собственной жизни. Она улыбалась и говорила, что часто уже слышала это замѣчаніе, но никогда не могла преодолѣть своей неохоты приступить къ такому труду. Осенью перваго года, который я проводила у Княгини (въ 1804), возобновила я тотъ же разговоръ и стала убѣждать ее приняться за работу, представляя, что хотя и безъ того ея занятія очень разнородны (она сама была свой дворецкій, управитель, главный садовникъ, каменщикъ), но съ ея искуствомъ и дѣятельностью у нея все еще остается много часовъ свободныхъ и домашнее горе * тяжело лежитъ на сердцѣ. Наконецъ мнѣ удалось уговорить ее — и она къ величайшему моему удивленію объявила, что трудъ свой посвятитъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я когда-нибудь издала его въ свѣтъ.

Тогда она съ обыкновенною своею поспѣшностію начала Записки въ тотъ самый день, въ который согласилась приняться за нихъ; и съ этой минуты, хотя тетрадь лежала на ея бюро, и она каждый день прибавляла что-нибудь, однако жъ по-видимому этотъ трудъ такъ мало занималъ ее, что остановки ее вовсе не безпокоили, и она никогда

* Въ чемъ оно состояло, того Записки вполнѣ не объясняютъ.

не отказывалась выслушивать безчисленныя просьбы, съ которыми къ ней обращались: казалось, что она не старается сберечь ни единой минуты для своей работы.

Она записывала наскоро, что̀ внушала ей память, и почти никогда не вычеркивала и не перемѣняла своихъ выраженій. Въ немногихъ случаяхъ, когда послѣ припоминала какое-нибудь обстоятельство, пропущенное въ своемъ мѣстѣ, она приписывала его въ концѣ тетради, подъ заглавіемъ: *пропускъ*, съ означеніемъ страницы, гдѣ бы оно должно находиться; но, кажется, такихъ пропусковъ у нея было не болѣе семи, или осьми. Это можетъ служить объясненіемъ нѣкоторыхъ неточностей въ показаніи времени событій.——Она вовсе не назначала этихъ Записокъ къ оправданію своего характера, и я увѣрена, что если бъ кто-нибудь выразилъ такую мысль, она бы съ гордымъ презрѣніемъ положила перо. Въ самомъ дѣлѣ, таково было ея собственное понятіе о своемъ характерѣ, что, по ея мнѣнію, каждое слово ея уже носило въ себѣ очевидность истины.

Когда она опереживала меня нѣсколькими страницами, я начинала переписывать приготовленное сею. Иногда она брала у меня перо изъ рукъ и сама вписывала въ тетрадь мою двѣ-три строки. Такимъ образомъ подвигались Записки. Она брала ихъ

съ собою, когда мы на-зиму переѣзжали въ Москву (изъ деревни), и тамъ поступала точно такъ же. Кажется, онѣ были готовы года въ два.

Подъ-конецъ, говоритъ Г-жа Бредфордъ въ другомъ мѣстѣ, она устала—и, къ крайнему сожалѣнію моему, слишкомъ уже спѣшила. Неразъ я спрашивала ее, зачѣмъ она не записываетъ тѣхъ любопытныхъ расказовъ, которые я отъ нея слышу—и она всегда отвѣчала: мой другъ, у меня нѣтъ авторскаго самолюбія; вы сами можете, или въ предисловіи, или въ концѣ, писать обо мнѣ все, что вамъ вздумается сказать про вашу *Русскую маменьку.*»

Въ самомъ дѣлѣ, Издательница присоединила къ Запискамъ Княгини Дашковой какъ свои письма изъ ея дома, такъ и письма сестры своей, которая также гостила у нея нѣсколько времени: тѣ и другія составляютъ часто занимательное дополненіе къ Запискамъ.

II. Княгиня Дашкова вступаетъ въ должность Директора Академіи Наукъ.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и необыкновенныхъ явленій въ жизни Дашковой было ея

назначеніе Директоромъ Академіи Наукъ. Мы сообщимъ увлекательный расказъ ея объ этомъ событіи и его послѣдствіяхъ.

«Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (въ Декабрѣ 1782) былъ при Дворѣ балъ. Ея Величество, обошедши обычный кругъ и удостоивъ своимъ разговоромъ нѣсколькихъ Фрейлинъ и иностранныхъ Министровъ, обратилась опять ко мнѣ: «Я должна сказать вамъ кое-что особенное, Княгиня, но теперь, какъ вижу, неудобно.» Потомъ Она удалилась отъ меня и, еше поговоривъ съ нѣкоторыми Министрами на другомъ концѣ залы, вдругъ остановилась посреди небольшаго круга, образовавшагося между обѣими половинами собраннаго общества, и, кивнувъ головою, подозвала меня къ себѣ. Я приблизилась, и если бъ въ самомъ дѣлѣ упала съ облаковъ, то не могла бы почувствовать бо̀льшаго изумленія, какъ когда Ея Величество предложила назначить меня Директоромъ Академіи Художествъ и Наукъ.

Мое молчаніе (я сначала не могла произнести ни слова въ отвѣтъ) заставило Ея Величество повторить предложеніе, которое она подкрѣпила множествомъ милостивыхъ и лестныхъ словъ.

«Нѣтъ, Государыня,» отвѣчала я, собравшись наконецъ съ силами, «не могу принять должности, для исполненія которой у меня вовсе нѣтъ нуж-

ныхъ качествъ, и если бъ я не думала, что Вашему Величеству угодно шутить, я бы сказала, что хоть бы сама и не побоялась сдѣлаться смѣшною, однако жъ никогда бы не согласилась повредить славѣ Вашего Величества принятіемъ должности, къ которой я во всѣхъ отношеніяхъ не способна.»

Чтобы побѣдить мои опасенія, Императрица подала видъ, будто принимаетъ отказъ мой какъ знакъ уменьшенія той преданности къ Ней, какую я изъявляла. Конечно всякой, кто имѣлъ счастіе быть близкимъ къ Ея особѣ, испыталъ болѣе или менѣе вліяніе того могучаго краснорѣчія, того искуства, которыя всегда были во власти Ея, когда дѣло шло о убѣжденіи кого-нибудь.

Со мною Государынѣ не нужно было употреблять ни того, ни другаго, потому-что я, по чувству приверженности, столь же неизмѣнной, какъ и безкорыстной, во всякое время была готова повиноваться Ея приказаніямъ. Но въ этомъ случаѣ власть Ея оставалась безъ дѣйствія. «Назначьте меня,» возразила я, «директрисою прачекъ Вашего Величества, и Вы увидите, съ какимъ усердіемъ я буду умѣть служить Вамъ.»

«Не я,» замѣтила Государыня, «а вы шутите, выпрашивая себѣ такое смѣшное званіе.»

«Ваше Величество,» сказала я, «изволите полагать, что хорошо знаете мой характеръ, и однако жъ отъ вниманія Вашего скрылось, какъ много гордости въ моемъ вызовѣ. По моему мнѣнію, человѣкъ облагороживаетъ свое званіе, и если бъ я по Вашей волѣ сдѣлалась начальницею прачекъ, на меня бы смотрѣли какъ на лице, занимающее одно изъ самыхъ почетныхъ и самыхъ завидныхъ мѣстъ при Дворѣ. Правда, я не посвящена въ искуство мыть бѣлье, но ошибки, какія проистекаютъ отъ незнанія въ этомъ дѣлѣ, не могутъ имѣтъ важныхъ послѣдствій, тогда-какъ, напротивъ, всякой промахъ, сдѣланный Директоромъ Академіи Наукъ, былъ бы не только унизителенъ для него самаго, но бросалъ бы невыгодный свѣтъ и на Виновницу его назначенія.»

Ея Величество, не смотря на мои возраженія, настаивала, приводя мнѣ на память тѣхъ людей, которые прежде занимали эту должность, и заставляя сознаться, что они по способностямъ и качествамъ своимъ были ниже меня.

«Тѣмъ хуже для тѣхъ,» отвѣчала «я, кто такъ мало себя уважаетъ, что принимается за дѣло, котораго не можетъ исполнить съ честію.»

«Хорошо,» сказала Государыня, «пусть будетъ по-вашему, хотя отказъ вашъ только утверждаетъ

меня въ томъ мнѣніи, что я никого не могу избрать достойнѣе васъ.»

Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидала окончанія бала, чтобы тотчасъ, по возвращеніи домой, написать Государынѣ и еще рѣшительнѣе изложить причины моего отказа. Пріѣхавъ къ себѣ, я тотчасъ сѣла писать письмо, въ которомъ между прочимъ сказала, что природа, создавъ меня женщиною, тѣмъ самымъ отказала мнѣ въ возможности управлять Академіею Наукъ, и что я, чувствуя ничтожество своихъ литературныхъ занятій, никогда не искала чести быть принятою въ какое бы ни было ученое общество, даже когда въ Римѣ имѣла случай купить это отличіе за нѣсколько червонцевъ.

Была почти полночь, когда я кончила письмо. Нельзя было послать его тогда же къ Государынѣ. Но, не будучи въ состояніи цѣлую ночь терпѣливо ожидать рѣшенія этаго дѣла, я поѣхала къ Князю Потемкину, у котораго еще ни разу не была во всю мою жизнь, и велѣла доложить ему, что непремѣнно должна его видѣть, хотя бы онъ уже былъ въ постели.

Въ самомъ дѣлѣ онъ легъ уже. Я пересказала ему разговоръ мой съ Императрицею въ тотъ вечеръ.

«Я уже слышалъ о томъ отъ Ея Величества,» сказалъ онъ, «и знаю Ея мнѣніе по этому предмету. Она твердо вознамѣрилась ввѣрить Академію Наукъ вашему попеченію.»

«Мнѣ никакъ не возможно,» прервала я, «принять такую должность вопреки всѣмъ обязанностямъ къ самой себѣ. Вотъ письмо, которое я написала къ Ея Величеству, съ рѣшительнымъ моимъ отказомъ. Прочтите его, Князь: тогда я его запечатаю и оставлю въ вашихъ рукахъ съ тѣмъ, чтобы вы потрудились передать его Государынѣ поутру, какъ скоро Она встанетъ.»

Князь Потемкинъ, пробѣжавъ письмо, изорвалъ его на мелкіе лоскутки. Въ крайнемъ удивленіи и гнѣвѣ я спросила, какъ онъ смѣлъ разорвать бумагу, назначенную мною для Ея Величества?

«Успокойтесь, Княгиня,» сказалъ онъ, «и выслушайте меня. Вы искренно преданы Государынѣ; никто въ томъ не сомнѣвается. Зачѣмъ хотите вы огорчать Ее по дѣлу, которое въ послѣдніе два дня исключительно занимало Ея мысли и совершенно овладѣло Ея сердцемъ? Если вы въ самомъ дѣлѣ неумолимы, вотъ вамъ перо, чернила и бумага — напишите письмо ваше сызнова; но повѣрьте, Княгиня, что я, убѣждая васъ, только играю роль человѣка, желающаго вамъ добра. Я долженъ,

сверхъ того, прибавить, что Государыня, уговаривая васъ принять предлагаемое мѣсто, имѣетъ въ виду еще и другую цѣль: Она желаетъ упрочить ваше пребываніе въ Петербургѣ, чтобы чаще видѣться съ вами.»

Гнѣвъ мой, который рѣдко бываетъ продолжителенъ, уже прошелъ. Я согласилась написать болѣе умѣренное письмо, которое камердинеръ мой долженъ былъ отнести во Дворецъ для доставленія Императрицѣ при самомъ Ея пробужденіи поутру. Я убѣдительно просила Князя вмѣстѣ со мною стараться всѣми мѣрами отклонить Ея Величество отъ такаго страннаго назначенія.

Только-что я возвратилась домой, я начала новое письмо къ Государынѣ. Событія вечера до того взволновали и разстроили меня, что я, продолжая писать, до самаго утра даже и не подумала скинуть платье, въ которомъ была при Дворѣ. Въ семь часовъ отослала я свое письмо, и въ отвѣтъ получила отъ Государыни записку, въ которой, послѣ замѣчанія, что я встаю ранѣе Ея Величества, помѣщено было множество лестныхъ и обязательныхъ выраженій, но не сказано ни слова о моемъ отказѣ, который какъ будто остался незамѣченъ.

Въ тотъ же день, подъ-вечеръ, я получила письмо отъ Графа Безбородка, и при немъ копію

Указа, уже препровожденнаго въ Сенатъ, объ опредѣленіи меня Директоромъ Академіи Наукъ и упраздненіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, Коммиссіи, которая въ послѣднее время завѣдывала дѣлами ея въ слѣдствіе жалобы всѣхъ Профессоровъ и другихъ состоявшихъ при ней лицъ на поступки бывшаго Директора, Г. Домашнева.

Смущенная и отъ безпокойства едва помня себя, я приказала никого не принимать, и стала ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, размышляя обо всѣхъ трудностяхъ и заботахъ, которымъ подвергнетъ меня новая должность. Въ числѣ самыхъ непріятныхъ послѣдствій ея представляла я себѣ и то, что она подастъ поводъ ко множеству недоразумѣній между Государынею и мною.

Въ письмѣ Графа Безбородка между прочимъ было сказано: «Ея Величество приказала мнѣ увѣдомить васъ, что вы можете, когда вамъ угодно, поутру или вечеромъ объясниться съ Нею по всему, что относится къ подвѣдомственной вамъ части, и что Она всегда будетъ готова устранить всякое затрудненіе, или препятствіе, какое вамъ встрѣтится при исполненіи обязанностей вашихъ.»

Положеніе мое точно было въ высшей степени затруднительно. Я вовсе не знала, какими основаніями мнѣ руководствоваться въ своихъ дѣй-

ствіяхъ. Къ моему облегченію не было оставлено даже и Коммиссіи, о которой я сейчасъ говорила, и которая, въ первое время, могла бы служить мнѣ существеннымъ пособіемъ.

Первымъ дѣломъ моимъ было — послать въ Академію списокъ Указа съ требованіемъ, чтобы Коммиссія еще два дня оставалась въ дѣйствіи, и чтобы мнѣ немедленно донесли объ устройствѣ всѣхъ частей заведенія и о ходѣ дѣлъ типографіи, доставивъ также имена Библіотекарей и завѣдывающихъ различными кабинетами; наконецъ, чтобы въ слѣдующій день начальники по всѣмъ вѣтвямъ управленія доложили мнѣ о своихъ обязанностяхъ и о предметахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи каждаго. Въ то же время просила я членовъ Коммиссіи сообщить мнѣ всѣ подробности, какія они могли собрать, касательно должности и обязанностей Директора, чтобы я могла составить себѣ общее понятіе о томъ, что̀ мнѣ слѣдовало дѣлать прежде, нежели приступлю къ самому ничтожному дѣйствію; а въ заключеніе я просила этихъ господъ быть самимъ убѣжденными и увѣрить остальныхъ членовъ Академіи, что я первою и священнѣйшею обязанностію сама уже предписала себѣ ко всякому члену этаго ученаго сословія хранить въ полной мѣрѣ то уваженіе и ту довѣренность, какихъ заслуживаютъ разнородныя ихъ достоинства.

Я надѣялась, что такимъ образомъ успѣю въ самомъ началѣ удалить всякой поводъ къ зависти и неудовольствію въ этомъ отношеніи.

На другое утро я была допущена къ Императрицѣ при волосочесаніи. Въ то же время всѣ Секретари Ея Величества и управляющіе отдѣльными частями принимали Высочайшія повелѣнія. Между ними я съ удивленіемъ увидѣла и Г. Домашнева, который подошелъ ко мнѣ съ предложеніемъ услугъ своихъ для наставленія меня на счетъ моей новой должности. Какъ ни была я поражена его храбростью, однако жъ вѣжливо отвѣчала ему, что при охраненіи выгодъ и чести Академіи я намѣрена неизмѣнно держаться однаго правила, именно — дѣйствовать безпристрастно, и при раздачѣ наградъ ея и почестей не принимать въ уваженіе ничего инаго, кромѣ заслугъ; въ разсужденіи же всего прочаго, прибавила я, я нахожусь въ такомъ совершенномъ невѣдѣніи, что сбираюсь прибѣгнуть къ собственному руководству Ея Величества и къ помощи, которую Она милостиво мнѣ обѣщала.

Онъ сбирался-было начать какое-то возраженіе, какъ вдругъ Государыня отворила дверь. Замѣтивъ насъ, Она въ ту же минуту заперла ее, позвонила и черезъ дежурнаго камеръ-лакея приказала мнѣ явиться въ комнату Ея Величества.

«Очень рада, что вижу васъ, Княгиня», сказала Императрица при входѣ моемъ. «Но скажите, какую надобность могъ до васъ имѣть этотъ — — Домашневъ?»

«Онъ хотѣлъ,» отвѣчала я, «дать мнѣ нѣкоторыя наставленія на счетъ моихъ новыхъ обязанностей, при исполненіи которыхъ я въ добросовѣстности, можетъ быть, буду надежнѣе его, но въ учености, боюсь, должна ему уступить, и потому сравненіе съ нимъ будетъ для меня невыгодно. Я не знаю,» продолжала я, «должно ли мнѣ благодарить Ваше Величество за этотъ знакъ добраго мнѣнія обо мнѣ, или, напротивъ, сѣтовать на странное и неслыханное опредѣленіе женщины Директоромъ Академіи Наукъ.»

Государыня увѣрила меня, что Она не только вполнѣ довольна сдѣланнымъ выборомъ, но даже гордится имъ.

«Это въ высшей степени лестно,» сказала я; «но трудъ вести слѣпца скоро сдѣлается обременительнымъ для Вашего Величества.»

«Довольно,» возразила Екатерина, «прошу васъ, перестаньте смотрѣть на это дѣло съ такой смѣшной стороны, и болѣе не говорите со мною такимъ образомъ.»

Выйдя изъ комнаты, я встрѣтила Оберъ-Гофмаршала. Онъ сказалъ мнѣ, что наканунѣ вечеромъ Государыня велѣла ему пригласить меня сегодня къ обѣденному столу Ея Величества, за которымъ я и впредь всегда буду принимаема съ удовольствіемъ; что однако же мнѣ предоставляется полная свобода соображаться въ этомъ отношеніи болѣе съ собственнымъ моимъ удобствомъ и моею охотою, нежели съ желаніями Ея Величества.

Я услышала множество привѣтствій и поздравленій по случаю явнаго доказательства милости и довѣренности Царской. Но нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, видя, что я вовсе не обрадована нежданымъ отличіемъ, были такъ догадливы, что избавили меня отъ выраженій, которыя могли только увеличить мое замѣшательство. Однако жъ вообще это назначеніе возбудило въ высшей публикѣ зависть. Всѣмъ казалось, что для столь почетнаго мѣста совсѣмъ не годится особа съ такими неприродворными пріемами и нравомъ, какъ я.

На третій день послѣ моего назначенія (въ Воскресенье), принимала я у себя Профессоровъ и другихъ чиновниковъ Академіи. Я сказала имъ, что намѣреваюсь завтра посѣтить Академію, и просила ихъ помнить, что всегда, когда они пожелаютъ объясниться со мною по какому-нибудь дѣлу, домъ мой открытъ для нихъ.

Весь тотъ вечеръ я читала разныя представленныя мнѣ донесенія, съ твердымъ намѣреніемъ отыскать нить для лабиринта, въ который я попала, и въ совершенномъ убѣжденіи, что каждый шагъ мой будетъ предметомъ строгой критики, и что малѣйшая ошибка съ моей стороны подвергнетъ меня порицанію.

Я ознакомилась также съ именами важнѣйшихъ членовъ Академіи, и на другое утро, прежде, нежели отправилась туда, посѣтила я знаменитаго Эйлера, который зналъ меня уже нѣсколько лѣтъ и всегда оказывалъ мнѣ особенное благорасположеніе. Въ негодованіи на поступки Домашнева онъ совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Академію, развѣ когда представлялась возможность противодѣйствовать, заодно съ другими, вреднымъ распоряженіямъ бывшаго Директора, о которыхъ онъ неразъ письменно представлялъ Государынѣ.

Этотъ ученый былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ математиковъ своего вѣка. Сверхъ того онъ былъ свѣдущъ почти во всѣхъ наукахъ; а сила его духа и постоянная дѣятельность такъ были необыкновенны, что онъ, даже потерявъ зрѣніе, вовсе не ослабилъ своихъ умственныхъ трудовъ. Съ помощію Г. Фусса, мужа его внуки, который читалъ ему вслухъ и писалъ по его диктовкѣ, онъ готовилъ множество матеріаловъ, служившихъ къ обо-

гашенію изданій Академіи, даже въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ его смерти.

Я просила его не оставлять меня въ то утро, чтобы мнѣ при первомъ вступленіи моемъ въ должность Начальницы ученаго Общества имѣть нѣкоторую опору въ его сопутствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я обѣщала, что если ему неудобно, или тягостно сопровождать меня, то я въ случаяхъ обыкновенныхъ не буду его безпокоить. Моя просьба, казалось, польстила ему. Его проводилъ до моей кареты сынъ его, непремѣнный Секретарь Академическихъ засѣданій, котораго я также пригласила съ собою. Къ намъ еще присоединился внукъ его, на которомъ лежала обязанность вести знаменитаго слѣпца.

Вошедши въ залу засѣданій, я тотчасъ обратилась къ собравшимся тамъ Профессорамъ и членамъ, и изъявила сожалѣніе о скудости собственныхъ моихъ ученыхъ заслугъ, но сослалась на глубокое уваженіе, какое питаю къ Наукѣ, замѣтивъ, что самымъ вѣрнымъ залогомъ этаго можетъ служить присутствіе Г. Эйлера посреда тѣхъ, которыхъ я просила сопровождать меня при посѣщеніи Академіи.

Послѣ этаго краткаго привѣтствія я заняла свое мѣсто, и увидѣла, что Г. Штелинъ, Профессоръ Аллегоріи, какъ его звали, сѣлъ на кресла рядомъ съ

Директорскими креслами. Этотъ человѣкъ, котораго ученость, можетъ быть, согласовалась съ наименованіемъ, его отличавшимъ, получилъ свой необыкновенный титулъ въ царствованіе Петра III, и вмѣстѣ съ тѣмъ произведенъ былъ въ Статскіе Совѣтники. Гордясь чиномъ, соотвѣтствующимъ Генералъ-Маіорскому, онъ полагалъ, что имѣетъ право на первенство между членами Академіи. По этому я, обратясь къ Г. Эйлеру, сказала: «сядьте, гдѣ вамъ угодно; какое мѣсто вы ни займете, *ваше* мѣсто вездѣ будетъ первымъ.»

Эта неприготовленная дань почтенія къ его дарованіямъ произвела самое благопріятное дѣйствіе — и не на однихъ его родственниковъ. Между присутствовавшими Профессорами не было ни однаго (за исключеніемъ Профессора Аллегоріи), который бы не раздѣлялъ ихъ удовольствія и со слезами на глазахъ не отдавалъ справедливости заслугамъ и превосходству благороднаго старца.

Изъ залы собраній я отправилась въ Канцелярію, гдѣ ведется переписка по всѣмъ дѣламъ, касающимся финансовой и хозяйственной части Академіи. Здѣсь ожидали меня всѣ чиновники, каждый на своемъ мѣстѣ. Я имъ замѣтила, что весь городъ говоритъ объ упущеніяхъ и безпорядкахъ, которые завелись при бывшемъ Директорѣ и не

только истощили доходы Академіи, но еще обременили ее долгами.

«Съ этихъ поръ,» сказала я, «мы должны общими силами стараться уничтожить эти злоупотребленія; и такъ-какъ ни одной части управленія не надобно дать притти въ упадокъ, то самымъ прямымъ и дѣйствительнымъ къ тому средствомъ будетъ — обращать исключительно на нужды и пользы Академіи всѣ способы, какими она располагать можетъ. Съ этою цѣлью я рѣшилась ни самой не обогащаться на ея счетъ, ни позволять кому-либо изъ моихъ подчиненныхъ малѣйшаго присвоенія казенной собственности; и если бъ только мнѣ удалось склонить каждаго къ строгому соблюденію этаго правила, то я бы въ самомъ скоромъ времени могла наградить усердныхъ и достойныхъ, кого производствомъ, кого прибавкою жалованья.»

Журналъ, который прежде ежегодно издавался при Академіи двумя книжками въ-четвертку, въ послѣдствіи сжался въ одну, а теперь и совсѣмъ былъ прекращенъ за неимѣніемъ потребныхъ литеръ для печатанія. Типографію нашла я въ величайшемъ разстройствѣ. За совершеннымъ недостаткомъ всѣхъ принадлежностей станки оставались безъ дѣйствія. Одною изъ первыхъ моихъ заботъ было—привести ихъ въ порядокъ и снабдить годными литерами. Такимъ образомъ вскорѣ опять вышли двѣ книжки

журнала Академіи, составленныя, большею частію, изъ статей Г. Эйлера.

Князь Вяземскій, какъ Генералъ-Прокуроръ Сената, испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія, нужно ли привести меня къ присягѣ, требуемой отъ всякаго, кто вступаетъ въ Государственную службу.

«Непремѣнно,» отвѣчала Императрица; «вѣдь Я не секретно назначила Княгиню Дашкову Директоромъ Академіи, и хотя Я конечно не имѣю надобности въ новомъ подтвержденіи ея вѣрности Мнѣ и Отечеству, однако жъ обрядъ этотъ будетъ тѣмъ пріятенъ для Меня, что придастъ ея опредѣленію всю ту гласность и торжественность, какой Я желаю въ этомъ случаѣ.»

Князь Вяземскій прислалъ своего Секретаря сказать мнѣ, что на другой день онъ будетъ ожидать меня въ Сенатѣ для принятія обычной присяги. Я не безъ нѣкотораго смущенія думала объ этомъ публичномъ обрядѣ, хотя и знала, что всѣ, отъ высшаго до низшаго, при поступленіи въ службу, призываются къ клятвенному произнесенію обѣта вѣрности. На слѣдующій день я въ назначенный часъ явилась въ Сенатъ. Чтобы попасть въ церковь, мнѣ надобно было пройти черезъ комнату, гдѣ Сенато-

ры собираются для своихъ совѣщаній, и я увидѣла, что всѣ они сидятъ на своихъ мѣстахъ. Они встали, когда я вошла, и тѣ, съ которыми я была короче знакома, выступили впередъ, чтобы принять меня.

«Вы удивляетесь, милостивые государи,» сказала я имъ; «я и сама не менѣе вашего дивлюсь причинѣ моего появленія между вами — тому, что я должна присягать Государынѣ, которая такъ давно уже владѣетъ всѣми лучшими чувствами моего сердца. Но обязанность, предписанная для всѣхъ, необходимо должна быть выполнена и мною; и вотъ отъ чего происходитъ странность, что женщина очутилась въ стѣнахъ вашего святилища.»

Когда кончился обрядъ, въ продолженіе котораго я, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, мучима была самымъ тягостнымъ чувствомъ неловкости и застѣнчивости — то я попросила Генералъ-Прокурора доставить мнѣ всѣ бумаги, какія къ нему поступили на счетъ неудовольствій Академіи при моемъ предмѣстникѣ. «Надѣюсь», прибавила я, «что, узнавъ, въ чемъ заключались съ одной стороны жалобы, поданныя на экс-Директора, а съ другой объясненія, представленныя имъ въ свое оправданіе, я буду въ состояніи рѣшить хотя отчасти, какъ мнѣ вести себя.»

III. Академія Наукъ при Княгинѣ Дашковой.

Сочинительница продолжаетъ:

«Чрезвычайно трудно было мнѣ разобрать счеты по двумъ родамъ суммъ, составлявшихъ доходы Академіи. Къ первому принадлежали суммы экономическія, проистекавшія изъ ея сбереженій и оборотовъ, а ко второму — штатныя. Какъ тѣ, такъ и другія были истрачены, и счеты ихъ, которые должны бы по обоимъ родамъ быть особые, смѣшаны были въ величайшемъ безпорядкѣ.

Академія была должна разнымъ книгопродавцамъ въ Россіи, Франціи и Голландіи. Не желая просить у Ея Величества экстреннаго пособія на удовлетвореніе ихъ требованій, я придумала къ тому другое средство — предложила продавать книги, напечатанныя въ Академической типографіи, тридцатью процентами ниже установленной цѣны. Эта мѣра вскорѣ поставила меня въ возможность уплатить тѣ долги, и такъ-какъ доходъ, отсюда проистекавшій, постепенно увеличивался, то я назначила достаточный капиталъ для замѣны остававшихся за казною штатныхъ суммъ, которыя находились въ рукахъ Государственнаго Казначея, упомянутаго Князя Вяземскаго. Деньги, такимъ образомъ нако-

плявшіяся, могли бы при другихъ обстоятельствахъ служить къ приращенію экономическихъ способовъ, которые, какъ плодъ заботливости Директора, состояли въ полномъ его распоряженіи и обыкновенно обращались на расходы непредвидѣнные, а потому и не внесенные въ первоначальную смѣту, какъ-то: на награды, на покупку новыхъ изобрѣтеній, на пополненіе недостатковъ суммъ штатныхъ, а также и на издержки, какія могутъ представиться въ случаѣ внезапнаго возвышенія цѣнъ на разные предметы.

Въ Училищѣ было только семнадцать учениковъ, а число молодыхъ художниковъ, воспитывавшихся на счетъ Академіи, не превышало двадцати однаго. Мнѣ удалось увеличить количество первыхъ до пятидесяти, а послѣднихъ до сорока. По моему старанію, при Академіи остался Г. Фуссъ (молодой человѣкъ, о которомъ я говорила, внукъ Г. Эйлера, просившій увольненія), и ему прибавлено жалованья, такъ же, какъ и Г. Георги, не менѣе его достойному такаго отличія.

Не прошло еще года, какъ я успѣла увеличить оклады Профессоровъ и завести три новые курса лекцій по части математики, геометріи и естественной исторіи, которыя всѣмъ желавшимъ преподавались безденежно Русскими Профессорами на отечественномъ языкѣ. Я сама часто посѣщала эти лек-

ціи и съ удовольствіемъ видѣла, какъ сыновья нѣкоторыхъ небогатыхъ дворянъ и многіе изъ молодыхъ офицеровъ гвардіи усердно пользовались публичнымъ преподаваніемъ. Каждый Профессоръ, по окончаніи курса, получалъ въ вознагражденіе по двѣсти рублей изъ экономическихъ суммъ.» — —

IV. Неудовольствія съ Княземъ Вяземскимъ.

«При отправленіи должности моей,» расказываетъ Княгиня Дашкова въ другой Главѣ, «я вскорѣ испытала много непріятностей со стороны Генералъ-Прокурора Князя Вяземскаго. То онъ оставлялъ безъ вниманія мои представленія въ Сенатъ о производствѣ членовъ Академіи, заслужившихъ отличія, то онъ вовсе не присылалъ мнѣ бумагъ, которыхъ я требовала касательно границъ между губерніями Имперіи, намѣреваясь издать точныя ландкарты. Наконецъ онъ однажды не посовѣстился спросить моего Казначея, почему онъ, принося ему всякій мѣсяцъ отчетъ въ употребленіи штатныхъ суммъ, не представляетъ такаго же отчета о суммахъ экономическихъ? Немедленно послѣ этаго я въ письмѣ къ Ея Величеству просила объ увольненіи меня, изъясняя, что Князь Вяземскій хочетъ подвергнуть меня такой отвѣтственности, какой никогда, отъ самаго основанія Академіи, не было воз-

лагаемо на Директора, ни даже на моего предмѣстника, хотя его честность была болѣе-нежели сомнительна. Вмѣстѣ съ тѣмъ представила я Государынѣ, что я сама, по особенному усердію, испросила позволеніе ежемѣсячно доносить объ экономическихъ суммахъ непосредственно Ея Величеству, а за цвѣтущее состояніе ихъ неразъ удостоивалась изъявленія Высочайшаго удовольствія; почему я и просила Ея Величество вѣрить, что никогда я не позволю Генералъ-Прокурору присвоять себѣ правà Директора, необходимыя для благосостоянія Академіи; а тѣмъ еще менѣе допущу, чтобы честность мою оскорбляли малѣйшимъ сомнѣніемъ.

Въ слѣдствіе этаго Князь Вяземскій получилъ отъ Государыни выговоръ, а мнѣ Ея Величество велѣла не думать болѣе объ его затѣяхъ. Надобно сознаться, что это былъ человѣкъ дѣловой съ дарованіями, въ службѣ отличался онъ точностію и порядкомъ, но былъ необразованъ и чрезвычайно мстителенъ. Онъ долго не могъ мнѣ простить, что я приняла подъ свое начальство такихъ людей, которыхъ онъ преслѣдовалъ и, лишивъ мѣстъ, оставилъ безъ куска хлѣба. Было еще обстоятельство, которое немало способствовало къ его ожесточенію противъ меня. Академія издавала новый Журналъ, въ которомъ сама Государыня иногда наполняла нѣсколько страницъ. Я также работала для

него. Изъ другихъ сотрудниковъ особенно дѣятеленъ былъ адвокатъ Козадавлевъ, помѣщавшій въ немъ и прозу и стихи. Во всякой статьѣ, сколько-нибудь отзывавшейся сатирою, Князь Вяземскій непремѣнно видѣлъ намеки на себя, или на свою жену, особливо послѣ того, какъ онъ узналъ, что и Державинъ участвовалъ въ этомъ журналѣ. Державинъ, по его старанію, отставленъ былъ отъ должности; потому можно было предполагать, что онъ, какъ поэтъ, котораго всѣ читали и хвалили, не упуститъ воспользоваться легкимъ способомъ мести, бывшимъ въ рукахъ его.

И послѣ я во многихъ случаяхъ терпѣла тягостныя послѣдствія непріязни Князя Вяземскаго. Однажды раздраженный, онъ не переставалъ уже противодѣйствовать всѣмъ моимъ намѣреніямъ, клонившимся къ общему благу, стараясь препятствовать даже и такому несомнѣнно-полезному дѣлу, каково было изготовленіе новыхъ исправныхъ картъ губерніямъ, которыхъ границы еще не были означены на бумагѣ со времени послѣдняго раздѣленія Имперіи. Учрежденіе о губерніяхъ, первый рѣшительный шагъ ко введенію порядка и образованности внутри Государства, было подвигомъ, истинно достойнымъ Великой Екатерины. Благодаря этому постановленію, дороги сдѣлались безопасны и удобны. Внутренняя торговля оживилась, и приращеніе

частнаго богатства вскорѣ обнаружилось въ улучшившемся состоянiи городовъ. Въ губернскихъ городахъ построены были, на иждивенiи общественномъ, церкви и великолѣпныя зданiя для Губернаторовъ. Но всего важнѣе, что Государыня (которая не могла примириться съ старинною Русскою пословицею: *до Бога высоко, до Царя далеко* — т. е. когда дѣло идетъ объ отысканiи правосудiя) учредила въ губернiяхъ суды разнаго рода и гражданскую полицiю, чѣмъ утвердила общественную безопасность и благосостоянiе — блага, которыя были несовмѣстны съ существовавшею до того времени необходимостiю ѣхать за двѣ, за три тысячи верстъ, чтобы найти правосудiе.

Вмѣсто того, чтобы снабжать меня нужными документами къ облегченiю мнѣ изданiя картъ — чего можно бы было ожидать, судя по должности, какую онъ занималъ — онъ поставилъ себѣ правиломъ останавливать, или задерживать всѣ тѣ свѣдѣнiя, которыя Губернаторы, по просьбѣ моей, препровождали въ Академiю. Но такъ-какъ я не хотѣла безпрестанно утруждать Государыню жалобами, то я въ такихъ случаяхъ призывала на помощь терпѣнiе.»

На этотъ разъ мы не пойдемъ далѣе. Для насъ было бы легче изложить своими словами су-

щность представленныхъ отрывковъ; но мы предпочли труднѣйшую работу, въ увѣренности, что для читателя гораздо занимательнѣе нашего будетъ собственный расказъ Княгини Дашковой, хотя и въ переводѣ.

Я. Гротъ.

Гельзингфорсъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЬ КРЫЛОВЪ.

I.

9-го Ноября 1844 года Россія лишилась человѣка, незабвеннаго для нея. Скончался *Иванъ Андреевичь Крыловъ.* Достаточно этаго имени, чтобы выразить вполнѣ, что̀ утратили Русскіе всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, люди съ высшимъ образованіемъ, и люди едва грамотные, лица, занимающія важнѣйшія должности, и неизвѣстныя частныя лица, блестящіе таланты, воспитатели, наставники— и всѣ, кому еще предстоитъ въ жизни, въ какой бы то ни было степени, умственное развитіе. Едва понятно, какъ могъ этотъ человѣкъ, одинъ, безъ власти, не обладавшій ни знатностію, ни богатствомъ, жившій почти затворникомъ, безъ усиленной дѣятельности, какъ онъ могъ проникнуть духомъ своимъ, вселиться въ помышленіе милліоновъ людей, составляющихъ Россію, и остаться навѣкъ присутственнымъ въ ихъ умѣ и памяти. Но онъ дошелъ

до этаго легко, тихо, свободно и самъ едва сознавая необъятность и высоту своего безпримѣрнаго успѣха.

Богъ ниспослалъ ему *благодать слова.* Все могущество, доступное на землѣ человѣку по отношенію къ равнымъ ему, заключено въ этомъ неизъяснимомъ дарѣ. Мы всѣ постигаемъ, чувствуемъ и мыслимъ, а въ слѣдствіе того и говоримъ, или пишемъ — только не всѣ равно. Слово есть полный образъ духовности въ человѣкѣ. Силы духа неисчислимо разнородны и разнообразны. Въ полнотѣ совершенства своего, по какой-то чудесной способности, онѣ все создаютъ въ такомъ дивно-прекрасномъ видѣ, въ такой гармоніи съ обще-человѣческою духовностію, какъ сама Природа. Міръ внѣшній, окружающій человѣка, вмѣщается въ его душу, гдѣ мы называемъ его внутреннимъ міромъ. Первый существуетъ въ одномъ неизмѣнномъ образѣ. Другой, по различію воспріемлющихъ, до безконечности разновиденъ. По этому слово, будучи полнымъ образомъ, какъ я сказалъ, духовности въ человѣкѣ, всегда показываетъ внѣшній міръ согласно не съ подлинникомъ, а съ принятыми имъ въ душѣ особенностями.

Въ Крыловѣ мы видѣли передъ собою вѣрный, чистый, совершенный образъ Русскаго. Его индивидуальную духовность всего точнѣе можно уподо-

бить слитку самороднаго золота, нигдѣ не проникнутаго даже песчинкой посторонняго минерала. Эту, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ натуру воспитаніе, обстоятельства жизни, связи и отношенія, влеченіе вкуса, и — безъ сомнѣнія, всего болѣе — ясный умъ образовали такъ полно, твердо и высоко, что во всѣхъ явленіяхъ, даже въ каждомъ элементѣ ея дѣятельности все типически выражало Русскій міръ. До чего ни прикасалась, на что ни взглядывала, чѣмъ ни отзывалась духовность человѣка, такъ счастливо образовавшагося и окрѣпшаго въ убѣжденіяхъ, все въ ея могучемъ словѣ являлось истиннымъ, точнымъ и полнымъ. Внутренній міръ Крылова до такой степени хранилъ тождество съ внѣшностію, окружавшею его; художническій умъ его въ такой тонкости постигалъ легчайшіе оттѣнки и особенности Русскаго смысла, положеній, привычекъ, языка, звуковъ, красокъ, ощущеній и духа, что слово его съ появленія въ головѣ до послѣдней обстановки въ поэтическомъ созданіи, каждымъ движеніемъ, каждою чертою, въ совершенствѣ выполняло свое призваніе.

II.

Всѣмъ извѣстно, что Крыловъ не отвергалъ отъ себя общаго достоянія людей мыслящихъ — знаній

и счастливыхъ произведеній, обработанныхъ на другихъ языкахъ. По своимъ понятіямъ, сужденіямъ, по своей жизни, привычкамъ и прекрасно-очищенному вкусу, по любви къ талантамъ и личнымъ успѣхамъ въ нѣкоторыхъ художествахъ (на прим: въ рисованіи, музыкѣ), онъ былъ равенъ всѣмъ самымъ образованнымъ людямъ высокаго разряда. Еще болѣе скажу: природа надѣлила его способностію быстро и легко усвоивать другіе языки. Слѣдовательно онъ, подобно всѣмъ современникамъ, находился подъ тѣмъ вліяніемъ иноземнымъ, которому не безъ основанія мы приписываемъ частое отсутствіе въ насъ самобытности и народности. Между-тѣмъ онъ духомъ своимъ такъ былъ крѣпокъ и неодолимъ; умъ его такъ былъ строгъ и вмѣстѣ гибокъ, что на соображеніяхъ и исполненіи его не осталось и слѣда подчиненности или увлеченія, ни пріема заимствованнаго и отзывающагося смѣшеніемъ разнородныхъ движеній, а напротивъ каждое вызываемое имъ лице и складъ его мыслей облекались самымъ разительнымъ образомъ въ Русскую физіономію. Народность его произведеній заключается не въ одномъ прекрасномъ употребленіи чисто-Русскаго языка, народныхъ поговорокъ, не въ одномъ вѣрномъ описаніи костюмовъ, быта Русскаго, нравовъ, привычекъ, добрыхъ и дурныхъ нашихъ качествъ, нѣтъ: въ его словѣ живо обрисованы полныя сцены нашей духовной жизни съ зародыша идеи, или съ перваго взгляда, молчаливо остановившагося на

предметѣ, до конца умственной работы, или до послѣдняго явленія въ дѣйствіи. Наружное положеніе, самый ходъ внутреннихъ ощущеній, столкновенія съ побочными препятствіями, напряженіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, улыбка удачи и грубое восклицаніе промаха выставлены на судъ и наслажденіе зрителя не въ общихъ, или только приблизительныхъ чертахъ, а въ яркой недѣлимости, которую учено-геніальной кистію всю сорвалъ живописецъ съ Русскаго натурщика.

Однѣ природныя способности, безсознательно устремленныя на искуство, объемлющее столько разнородныхъ матеріаловъ и для каждаго изъ нихъ требующее столько гибкости и утонченности всѣхъ эстетическихъ силъ, не могли бы вынести Крылова на ту высоту, которой онъ, по общему, единогласному признанію, достигнулъ какъ народный Русскій писатель, если бы онъ свѣтлымъ и независимымъ своимъ умомъ, со всею истиною и точностію, не опредѣлилъ для себя гармонически теоріи своего искуства. Но теорія его, въ каждомъ созданіи, въ каждомъ стихѣ, даже въ каждомъ выраженіи высказывающаяся явственно, неуловима для исполненія. Она, какъ органическая жизнь въ Природѣ, всегда будетъ возбуждать любознательность, изумленіе; но по ея законамъ никто самъ не создастъ творенія, равнаго тому, которое изучаетъ.

III.

2 Февраля 1838 года исполнилось Крылову семдесятъ лѣтъ отъ рожденія. Торжественно и умилительно выразилось въ это время чувство всеобщаго уваженія къ его несомнѣннымъ заслугамъ Отечеству. Юбилей, праздневанный здѣсь въ тотъ день, когда исполнилось пятдесятъ лѣтъ съ появленія въ печати первыхъ его стихотвореній, конечно на всѣ послѣдніе годы его жизни оставилъ въ душѣ его сладостнѣйшія воспоминанія. Дань любви, признательности и почтенія выразилась такъ свободно, единодушно и полно, что, въ честь частнаго человѣка, едва ли бывалъ когда подобный праздникъ.

Есть небольшая біографія Крылова, напечатанная въ Генварѣ 1844 года (Звѣздочки ч. IX, стран. 34—60). Тамъ подробно описано все, бывшее на юбилеѣ. Эта біографія очень замѣчательна. Ее составила одна дама, много вывѣдавшая подробностей о дѣтствѣ Крылова, какъ видно, изъ разговоровъ съ нимъ. Сердце умной и любящей женщины понимало, на чемъ всего занимательнѣе остановить вниманіе. «Часто спрашивала я нашего несравненнаго Ивана Андреевича (говоритъ сочинительница его біографіи) о дѣтскихъ его склонностяхъ, о томъ, проявлялся ли въ младенчествѣ его геній; но онъ мнѣ всегда отвѣчалъ: — И, матушка, я былъ дитя какъ и всѣ, игралъ, рѣзвился, учился не от-

лично, иногда меня даже и сѣкали. — — «На тринадцатомъ году своей жизни (продолжаетъ она) Иванъ Андреевичъ лишился отца. Мать сдѣлалась для него земнымъ Провидѣніемъ, какъ бываютъ всѣ матери для дѣтей своихъ. Она съ материнскою проницательностію открыла способности своего сына, и старалась развить ихъ, не смотря на ограниченность своихъ средствъ. Андрей Прохоровичъ (отецъ Крылова) не оставилъ послѣ себя почти никакаго состоянія, но оставилъ нѣсколько книгъ, которыя собиралъ въ продолженіе своей жизни. Эта библіотека лежала не въ богатыхъ шкафахъ, но въ полуразвалившемся сундукѣ, въ пыли и безпорядкѣ. Марья Алексѣевна (мать Поэта) вывела на свѣтъ эти спрятанныя сокровища, и сама себѣ составила планъ образованія своего сына. Желая пріохотить его къ ученію, она обѣщала давать ему награду, когда онъ прилежно будетъ читать съ нею въ положенные часы. Маленькому Крылову понравилось это распоряженіе. Онъ охотно принимался за книги, усердно читалъ, и каждый разъ получалъ гривну или двѣ—мѣди. Тогда деньги были очень дороги; тогда ими очень дорожили. И когда маленькой Крыловъ сдѣлался владѣтелемъ капитала въ нѣсколько рублей; то онъ считалъ себя богачемъ. Мать его, чтобы не пріучить его къ корыстолюбію, къ желанію копить деньги, или къ другой крайности — тратить ихъ на пустяки, придумала очень хорошее средство: она замѣчала ему,

что у него изорваны перчатки, старъ картузъ, и совѣтовала на свои деньги купить и то и другое. Молодой Крыловъ радовался, что могъ самъ доставать себѣ необходимыя вещи, выбиралъ хорошія свѣтлыя перчатки, щегольскій картузъ — и все это очень берегъ, потому-что мы всегда какъ-то болѣе дорожимъ тѣмъ, что пріобрѣтаемъ своимъ трудомъ, нежели тѣмъ, что намъ достается даромъ. — — Мать его хотѣла и съ Французскимъ языкомъ употребить тоже средство, которое такъ хорошо удалось съ Русскимъ. Она, не зная ни слова по-Французски (между-тѣмъ мальчикъ успѣлъ ознакомиться съ этимъ языкомъ, поучившись нѣсколько у гувернёра-Француза, жившаго у Губернатора: это происходило въ Твери, гдѣ служилъ передъ кончиною своею отецъ Поэта), заставляла сына читать на этомъ языкѣ въ положенные часы, и давала награды. Но Французская грамота не такъ легко давалась Крылову, какъ своя родная. Онъ рожденъ былъ человѣкомъ чисто-Русскимъ, и потому-то къ его природѣ не легко прививалось что-нибудь иностранное. Ему скучно было читать на языкѣ мало знакомомъ. Онъ бѣгло повторялъ слова и фразы, которыя зналъ наизустъ, перевертывалъ листы, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда пройдетъ положенный часъ. Марья Алексѣевна, можетъ быть, и догадывалась, на какія хитрости подымался ея сынокъ; но она дѣлала видъ, будто ничего не замѣчаетъ, и продолжала давать ему положенное на-

гражденіе. Ему стало скучно бормотать безъ связи и толку заученыя фразы, да и совѣстно обманывать добрую свою мать. Онъ рѣшился читать съ пользою и понимать, что читаетъ. Вотъ для того онъ взялъ лексиконъ, началъ пріискивать каждое незнакомое слово, и такимъ образомъ скоро научился по-Французски.»

IV.

Приведенные мною расказы драгоцѣнны. Они такъ близко знакомятъ читателя съ дѣтствомъ Поэта. Все, чѣмъ бы захотѣлось, въ этомъ родѣ, теперь пополнить дальнѣйшія событія жизни Крылова, уже невозможно. Только самъ онъ изъ устъ своихъ могъ снабдить женскую любознательность подобными подробностями. Не менѣе занимательно тамъ же расказано и о первыхъ опытахъ авторства Крылова, о первыхъ его знакомствахъ послѣ переѣзда съ матерью изъ Твери въ Санктпетербургъ (на прим: съ Дмитревскимъ, Брейткопфомъ), о началѣ его службы, о кончинѣ матери его и проч. Не думаю, чтобы въ бумагахъ Крылова нашлись «Записки о жизни его.» Онъ былъ, какъ я и сочинительница біографіи согласно замѣтили, *по-преимуществу Русскій человѣкъ.* А Русскіе ничему въ себѣ не удивляются, ничего не признаютъ въ

собственныхъ дѣлахъ за чрезвычайное и любопытное. Только особенныя и слишкомъ рѣдкія обстоятельства при воспитаніи или въ первой молодости выводятъ нѣкоторыхъ изъ этаго *смиренномудрія*. По смерти своей великіе люди наши оставляютъ въ достояніе Исторіи только три наслѣдства: послужной списокъ, нѣсколько анекдотовъ — и то, если случайно переживутъ ихъ ближайшіе изъ современниковъ — и гласныя дѣла свои. Всякой согласится со мною, чѣмъ можно поживиться изъ послужнаго списка Крылова? Самый продолжительный періодъ его службы прошелъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ отдѣленіемъ Русскихъ книгъ. Историческія дѣла его — это *Басни Крылова*. Тутъ конечно есть надъ чѣмъ поработать и грамматику, и филологу, и поэту, и историку, и критику высшихъ совершенствъ поэзіи, и даже критику вообще изящныхъ искуствъ. Но всѣ труды ихъ войдутъ только въ область верховнаго человѣковѣдѣнія, а не въ біографію. Басни же Крылова, просто какъ дѣла его, всѣ уже знаютъ наизустъ. Мнѣніе свое о литературныхъ его заслугахъ я изложилъ за нѣсколько передъ симъ лѣтъ (Современника т. IX, стран. 57—70, *первой нумераціи*). Въ изложеніи своемъ я разсматривалъ его въ трехъ отношеніяхъ отдѣльно: 1. какъ *поэта вообще*, т. е. художника, который все, доступное обработыванію душевныхъ силъ, лучшими орудіями языка пересоздаетъ въ ясные, полные и живые образы, представляющіе изъ обла-

сти своей какъ бы *вторую* природу со всѣми вѣчными ея законами; 2. какъ *баснописца*, т. е. спеціальнаго поэта, который на всякую свою мысль набрасываетъ легкой, прозрачный покровъ аллегоріи; который въ каждомъ существѣ чувствуетъ проявленіе чего-то человѣческаго, подобно жителю Индіи, вѣрующему въ переселеніе душъ; однимъ словомъ, поэта, которому въ одно и тоже время съ одной стороны всякая вещь говоритъ о человѣкѣ, а съ другой всякое о немъ помышленіе принимаетъ какой-нибудь изъ чувственныхъ образовъ, населяющихъ вселенную; наконецъ 3. какъ *Русскаго писателя*, т. е. автора, который явленія Русской жизни со всѣми частностями, прикосновенными къ этой идеѣ, изображалъ въ Русскихъ стихахъ съ поэтическою вѣрностію, поразительно и неизгладимо; который въ душѣ своей хранилъ такую симпатію ко всѣмъ окружающимъ его явленіямъ, что, говоря о нихъ, прямо и удивительно мѣтко попадалъ на выраженія, обороты рѣчи, разстановку словъ, даже на самые звуки, исключительно отличающіе нашъ языкъ отъ языковъ иностранныхъ; автора, у котораго человѣкъ и его дѣйствія, мысль и слово, образъ и его очертаніе не иначе возникали въ умѣ и воображеніи, какъ подъ неизмѣннымъ типомъ народности нашей.

Трудно найти человѣка, котораго жизнь была бы до такой степени обогащена анекдотическими

событіями, какъ жизнь Крылова. По своему характеру, привычкамъ и образу жизни онъ безпрестанно подвергался тѣмъ случаямъ, въ которыхъ выражаются рѣзкія особенности ума, вкуса, добродушія или слабостей. Если бы можно было собрать въ одну книгу всѣ эти случаи и сопровождавшія ихъ явленія, она составила бы въ нѣкоторомъ смысмѣ энциклопедію Русскаго быта и Русскаго человѣка — въ видѣ Крылова. Къ сожалѣнію, Гнѣдичь, вѣрнѣе всѣхъ хранившій въ памяти своей лучшее изъ этой любопытной энциклопедіи, все унесъ съ собою въ могилу, маленькую только часть оставивъ въ наслѣдство друзьямъ своимъ, изъ которыхъ иные то же умерли, а другіе *странствуютъ далече*...

V.

С. Н. Глинка, по кончинѣ Крылова, прислалъ мнѣ небольшую о немъ выписку изъ своихъ «Записокъ». Я изъ нихъ приведу здѣсь то, что сколько-нибудь послужитъ къ пополненію будущей біографіи Поэта. С. Н. Глинка только тремя годами моложе Крылова. И-такъ на его сказанія положиться можно. «Иванъ Андреевичь (написано у него) гласно сталъ заниматься литературою въ осьмидесятыхъ годахъ. Съ капитаномъ гвардіи Рахмановымъ началъ онъ тогда издавать *Почту духовъ*. Съ 1792

года имя его сдѣлалось извѣстнѣе. Съ Клушинымъ и другими товарищами онъ сдѣлался редакторомъ *Санктпетербургскаго Зрителя.* Здѣсь между прочимъ напечатана остроумная повѣсть его въ прозѣ: *Каибъ.* Сочиненіемъ басень онъ занялся послѣ поѣздки въ Москву, гдѣ Дмитріевъ, прочитавъ первые опыты его въ этомъ родѣ поэзіи, присовѣтовалъ ему не оставаться при одной попыткѣ. Тамъ Князь Шаликовъ въ это время (1805), подъ покровительствомъ Дмитріева, приступилъ къ печатанію журнала: *Московскій Житель.* Въ немъ, въ одно и тоже время, помѣщены были: *Письмо* Дмитріева о цѣли, духѣ и направленіи повременныхъ изданій, и басня Крылова: *Разборчивая Невѣста.* Съ этой эпохи Иванъ Андреевичь писалъ почти исключительно басни. Первое изданіе ихъ явилось въ 1809 году. Жуковскій въ *Вѣстникѣ Европы* произнесъ о нихъ замѣчательное свое мнѣніе, которое перешло въ послѣдствіи времени и въ полное собраніе сочиненій его. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* также замѣчено было издателемъ о басняхъ Крылова, что въ расказѣ есть новыя и живыя выраженія. Не вхожу здѣсь (продолжаетъ С. Н. Глинка) ни въ какой разборъ: басни Крылова *разобрала* цѣлая Россія. Упомяну только о моемъ свиданіи съ нимъ, когда онъ жилъ еще въ домѣ Императорской Публичной Библіотеки. При входѣ моемъ онъ лежалъ на софѣ съ книгою въ рукахъ. То былъ Греческій Эзопъ. «Вы снова перечитываете Эзопа?» сказалъ я. — Учусь

у него, — возразилъ Иванъ Аидреевичь. «Это удѣлъ генія,» прибавилъ я; «умъ обыкновенный встрѣчаетъ предѣлъ; геній идетъ впередъ, далѣе, мечтая о совершенствѣ. Виргилій завѣщалъ, чтобы сожгли его Энеиду; хорошо сдѣлали, что не послушались его. Латинская словесность лишилась бы вѣнца славы своей. Впрочемъ и нашъ Державинъ сказалъ:

Учиться никогда не поздно.

Знаете ли, что Лафонтенъ и Дмитріевъ и вы упустили самую разительную, или, какъ нынче говорятъ, *геніальную* черту въ баснѣ Эзопа: Дубъ и Трость?» — Какъ это? — спросилъ Иванъ Андреевичь. «А вотъ какъ,» отвѣчалъ я: «въ паденіи Дуба Эзопъ представилъ паденіе гордыни, спѣси, презорства; въ торжествѣ Тросточки торжество кротости, скромности, смиренія. Лафонтенъ почти піитическою трубою передалъ эту басню. У него Дубъ простоналъ: Прекрасно расказана эта басня и у Дмитріева и у васъ. Но Дубъ только палъ. Спѣсь, падая тихомолкомъ, въ удаленіи отъ зрителей, коё-какъ утѣшится. Но, что Дубъ палъ къ стопамъ смиренной Тросточки, вотъ что больно спѣси и гордынѣ.» Крыловъ привсталъ, подалъ мнѣ трубку и сѣлъ. Я закурилъ и продолжалъ:» Лафонтенъ правду сказалъ, что Эзоповы басни драма во ста дѣйствіяхъ. Онъ вывелъ въ нихъ всю природу отъ Кедра до Иссопа. И въ нихъ каждый въ чемъ-нибудь себя

узнаетъ, и что-нибудь найдетъ для себя. Я говорю это о сущности вымысловъ; но въ поэзіи и Лафонтенъ и Дмитріевъ и вы побѣдители. У васъ, Иванъ Андреевичь, въ басняхъ своя жизнь, свое неотъемлемое достоинство. Замѣтилп, и я повторяю, что вы всѣмъ дѣйствователямъ вашихъ басень передали во всемъ самобытность Русскую. Переводчикъ вашихъ басень, г. Маскле, человѣкъ очень умный и знающій вполнѣ Русскій языкъ, не достигъ своей цѣли. Переводъ его не имѣлъ успѣха за границею. Снова повторяю: жизнь вашихъ басень—въ Русскомъ словѣ и въ вашей поэзіи.» Поговоривъ еще немного, я всталъ, а Иванъ Андреевичь сказалъ: — Сергѣй Николаевичь! насъ, старыхъ знакомыхъ, теперь немного осталось. — «Да,» отвѣчалъ я, «и старикъ Шатровъ умеръ.» Это было послѣднее мое свиданіе съ Крыловымъ. Я познакомился съ нимъ еще въ прошедшемъ столѣтіи, у Московскаго сибарита, любителя словесности и гостепріимца всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ и вообще писателей, Ѳ. Г. Карина. Я пережилъ ихъ всѣхъ; грустно! Но Крыловъ не умеръ: геній не умираетъ Басни его сдѣлались общимъ народнымъ сокровищемъ. Онъ первый изъ Русскихъ писателей (заключаетъ С. Н. Глинка) увѣнчался торжествомъ юбилея — и это перейдетъ въ исторію Императора Николая Перваго.»

VI.

Съ поэтическимъ талантомъ, въ раннемъ еще дѣтствѣ открывшемся (опера *Кофейница* написана авторомъ 15-ти лѣтъ), Крыловъ отъ природы получилъ самый твердый, самый ясный, самый здравый умъ. Обстоятельства жизни ему не позволили систематически во-время образовать эти рѣдкія дарованія. Онъ принужденъ былъ начать службу ребенкомъ и проводить лучшія лѣта за дѣлами и между людьми, гдѣ ничего не было общаго съ его наклонностями и назначеніемъ. Но изъ положенія, такъ сказать, безплоднаго, тягостнаго и даже насильственнаго, душа его умѣла вынести на жизнь много полезнаго. Онъ лицемъ къ лицу ознакомился съ мыслящею нуждою; разглядѣлъ, постигнулъ и оцѣнилъ людей на разныхъ ступеняхъ гражданскихъ; онъ проникнулся стихіями народности не изъ книгъ, не изъ расказовъ, а вдыхая ихъ самъ въ себя какъ участникъ и дѣйствователь. Эта съ одной стороны опытность, прикоснувшаяся не ко многимъ изъ самыхъ извѣстныхъ писателей нашихъ, съ другой стороны врожденная способность понимать до тонкости всѣ оттѣнки поступковъ и мнѣній людей, занимающихъ высшій слой общества, способствовали Крылову съ равнымъ успѣхомъ вполнѣ нравиться во всякомъ кругу. Онъ не былъ чуждъ ничему, принятому людьми. Я помню, что

одинъ изъ умнѣйшихъ случайныхъ людей отзывался о немъ такъ: «Я больше всѣхъ писателей люблю Крылова; съ нимъ можно и поговорить о дѣлѣ, и поболтать, и съ удовольствіемъ пообѣдать, и даже въ карты поиграть.» Послѣдняя забава, въ молодости его, едва не обратилась въ его страсть. Гнѣдичь расказывалъ, что нѣкогда для нея онъ готовъ былъ всѣмъ жертвовать. Увѣряли даже, будто покойный Государь Александръ Павловичь, благодѣтельствовавшій ему столько же, какъ и благополучно Царствующій Императоръ, узнавъ о томъ, сказалъ: «Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ; а жаль будетъ, если онъ проиграетъ талантъ свой.» Удивительно ли, что человѣкъ, который успѣвалъ работать для журналовъ, для службы, для театра, который былъ веселымъ товарищемъ въ разгульномъ собраніи, и умѣлъ одушевить, даже украсить самый блестящій кругъ, удивительно ли, что онъ сдѣлался любимцемъ высшей въ С. Петербургѣ аристократіи? Передавая нѣкоторыя біографическія черты Графа Александра Сергѣевича Строганова (Современника т. XXXI, стран. 126), я упомянулъ уже, въ какомъ отношеніи Крыловъ находился къ его дому. Точно также онъ былъ пріятнѣйшимъ гостемъ во многихъ другихъ семействахъ значительныхъ людей. Но, какъ всѣмъ конечно памятно еще, вполнѣ душой и сердцемъ принадлежалъ онъ дому А. Н. Оленина.

Наступаетъ время, съ котораго говорить о Крыловѣ становится мнѣ удобнѣе, потому-что многое изъ того удалось самому мнѣ видѣть. Это 1811 годъ. Меня привезли тогда въ С. Петербургъ—и хоть изъ казеннаго заведенія, въ которое помѣстили меня, трудновато было находить доступъ къ свѣту, но мнѣ посчастливилось посмотрѣть на Крылова въ одну изъ лучшихъ для него эпохъ. Послѣдовало открытіе Императорской Публичной Библіотеки. Нѣсколько лѣтъ ежегодно праздновали это событіе торжественнымъ публичнымъ собраніемъ—и каждый разъ учреждалось тутъ чтеніе новыхъ сочиненій замѣчательнѣйшихъ въ то время литераторовъ. Въ первый разъ увидѣлъ я Крылова, когда онъ читалъ въ этомъ собраніи только-что написанную имъ басню: *Похороны*. Никто лучше его не умѣлъ дать чтеніемъ всей прелести, выразительности и разнообразной игры чуднымъ красотамъ его басень. Онъ не читалъ, а въ полномъ смыслѣ раскaзывалъ, не напрягая нисколько силы голоса, не прибѣгая никогда къ искуственному протяженію звуковъ, или къ эффектности въ ихъ окончаніи. Тогда Крылову было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ. Но отъ излишней полноты и обыкновенной у него во всемъ небрежности онъ казался гораздо старѣе. Совершенную съ нимъ противоположность представлялъ Гнѣдичь, какъ методою чтенія, такъ и всею своею наружностію. Онъ до изысканности любилъ все щеголеватое, стараясь соблюдать въ строгости пріемы и движенія свѣтска-

го человѣка изъ лучшаго общества. Желая сообщить художническую выразительность чтенію своему, Гнѣдичь соразмѣрялъ высоту или пониженіе голоса съ пространствомъ самаго мѣста, заранѣе готовилъ движенія, смотря по смыслу стиховъ; нѣкоторые изъ нихъ выговаривалъ медленно, на-распѣвъ, другіе глухо и едва слышимо. Нельзя однако же отнять у него справедливости, чтобы онъ не достигалъ цѣли своей: часто отъ его чтенія, особенно Омеровскихъ экзаметровъ, начинало невольно что-то шевелиться въ груди слушателя и движеніе крови измѣнялось. Онъ читалъ въ упоминаемомъ собраніи свою небольшую поэму: *Рожденіе Омера.*

VII.

Съ 1805 года до поступленія въ Библіотеку Крыловъ писалъ преимущественно для театра. Въ это время имъ сочинены комедіи: *Модная Лавка*, *Урокъ дочкамъ* и опера: *Илья богатырь*. А. Н. Оленинъ умѣлъ соединить на службѣ при Библіотекѣ многія извѣстныя лица изъ литераторовъ. Кромѣ Крылова и Гнѣдича тамъ же были: знатокъ Славянской филологіи А. Х. Востоковъ, переводчикъ нѣкоторыхъ трагедій Расина М. Е. Лобановъ, первый въ Россіи библіографъ В. С. Сопиковъ; а въ послѣдствіи времени: Поэтъ Баронъ

А. А. Дельвигъ и — тогда только еще писатель для театра—М. Н. Загоскинъ. Домъ Оленина всегда оставался центромъ соединенія писателей Русскихъ. Изъ Москвы переселившись въ сѣверную столицу, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ и — по выходѣ изъ Лицея — Пушкинъ тамъ встрѣчались другъ съ другомъ часто, или ужъ по крайней мѣрѣ по Воскресеньямъ. Знаменитые иностранцы (на прим: Баронъ А. Гумбольдтъ), пріѣзжая въ С. Петербургъ, тутъ находили лучшее Русское общество литераторовъ, ученыхъ и художниковъ. Оленинъ былъ Президентомъ и Академіи Художествъ. Кромѣ просвѣщеннаго и радушнаго хозяина, тамъ было существо — олицетворенная доброта и участіе, Е. М. Оленина, урожденная Полтарацкая. Человѣкъ безсемейный и не обремененный дѣлами, Крыловъ привыкъ почитать этотъ домъ родственнымъ для себя. Его любили и даже баловали тамъ какъ ребенка. Всѣ свои привычки и прихоти онъ находилъ у нихъ предупрежденными. Когда лѣта, соединившись съ его поэтическою лѣностью, отучили его отъ разсѣянности и многочисленныхъ посѣщеній, онъ выѣзды свои изъ дома ограничилъ единственно семьею Олениныхъ и Англійскимъ клубомъ, который сохранилъ надъ нимъ права свои до послѣднихъ годовъ его жизни. Крыловъ, при сознаніи великаго таланта своего, всегда скромный и самые блестящіе успѣхи свои чистосердечно приписывавшій счастливымъ обстоятельствамъ своей жизни, трогательно,

не разыгрывая театральной роли, во всеуслышаніе высказалъ въ одномъ изъ стихотвореній своихъ сердечную, можно сказать, безпримѣрную признательность передъ А. Н. Оленинымъ за его неизмѣнную любовь къ нему. Посылая экземпляръ басень своихъ однаго изъ безчисленныхъ изданій, вотъ что ему написалъ онъ и послѣ напечаталъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ.*

Прими, мой добрый Меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженья.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ, говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженья,
Хоть, можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь —
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь.
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что, на меня
Щедротъ Монаршихъ лучь склоня,
Лѣнивой Музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта.
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ томъ назову?
При мысли сей мое живѣе сердце бьется.
Прими жъ мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не лестью онъ дается.

книгу за страницей — и чѣмъ былъ романъ глупѣе, тѣмъ онъ, по собственному его признанію, оставался имъ довольнѣе. Случалось, что такимъ образомъ одну и ту же книгу въ разное время перечитывалъ онъ по нѣскольку разъ. Въ отдѣленіи Русскихъ книгъ помощникомъ Крылова былъ Сопиковъ, уже старикъ, но крѣпкой здоровьемъ, проведшій какъ книгопродавецъ большую часть жизни за систематическою раскладкою книгъ и обогащенный свѣдѣніями по Русской библіографіи. Это былъ кладъ для Ивана Андреевича. Русскихъ книгъ поступаетъ въ Библіотеку несравненно болѣе, нежели на другихъ языкахъ. Но Сопиковъ успѣвалъ все устраивать, какъ нельзя лучше — и Крылову оставалось только любоваться исправностію по обязанности, на немъ лежавшей.

Но когда вышелъ въ отставку Сопиковъ, и въ помощники одного Поэта явился другой, не менѣе его по природѣ лѣнивый, то нерѣдко приходилось и Крылову озабочиваться. Баронъ Дельвигъ не чуждался должности. Онъ даже съ пристрастіемъ полюбилъ ее — но не для водворенія системы, или составленія каталога, а для обогащенія себя знаніями. Здѣсь онъ въ молодые годы пріобрѣлъ эту удивительную начитанность, которая его ввела какъ современника во всѣ тайны нашей литературы. Я сошелся съ Дельвигомъ при самомъ началѣ его и моего вступленія въ свѣтъ и въ литературу. Отъ

Лицейскаго порога до самой кончины его это соединеніе сохранило одинъ, ровный, чистый характеръ. Мнѣ свѣдомы были каждое въ немъ ощущеніе и каждая мысль. Въ отношеніи къ Крылову, онъ былъ, какъ и всѣ, искреннимъ почитателемъ его таланта и всей душою любилъ его какъ человѣка. Не смотря на неудобства по общей ихъ службѣ, что могло бы другихъ разсорить, они всегда оставались въ лучшихъ отношеніяхъ, потому-что Крыловъ никогда не былъ холоденъ къ истинному таланту въ другомъ. Они, сколько могли, старались нести тяготы другъ друга. Крыловъ придумалъ тогда картонные въ видѣ толстыхъ книгъ футляры, въ которые по авторамъ и вкладываются многочисленныя брошюры (преобладающая отрасль Русской словесности). Между-тѣмъ Библіотека попрежнему наполнялась ежедневно посѣтителями, изъ которыхъ едва ли не бо̀льшая часть приходила туда для бесѣды съ кѣмъ-нибудь изъ замѣчательныхъ лицъ, ей принадлежавшихъ. Въ это время и я могъ примкнуть себя къ безчисленному сонму людей, которымъ удалось войти въ ряды знакомыхъ Ивана Андреевича. Что касается до него, онъ рѣдко могъ похвалиться, чтобы хорошо кого-нибудь помнилъ. Это и не удивительно. Со всѣхъ сторонъ, иностранцы и соотечественники, писатели и читатели, безпрестанно являлись къ нему, кто съ тетрадію, кто съ книгою, кто съ письмомъ, кто съ фразою — и всѣмъ имъ онъ долженъ былъ показывать видъ,

что съ участіемъ будетъ хранить память о столь пріятномъ знакомствѣ. Никогда не забуду забавной сцены, какую представляли одинъ передъ другимъ— Крыловъ, отъ кого-то получившій передъ тѣмъ экземпляръ идиллій, и элегическій поэтъ, въ первый разъ къ нему явившійся. Ивану Андреевичу пришло на умъ, что онъ видитъ своего идиллика (именъ не помнилъ онъ), а потому и поспѣшилъ благодарить его за пріятный подарокъ, котораго сладость будто бы онъ уже успѣлъ вполнѣ вкусить. Другой, исполненный совершеннаго неуваженія къ этому сочиненію, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, и внутренно страдалъ отъ мысли, за кого его принимаютъ. Короче познакомясь съ Крыловымъ, въ послѣдствіи времени, я иногда шутилъ надъ притворствомъ его, къ которому онъ долженъ былъ прибѣгать, кланяясь, или отвѣчая множеству незнаемыхъ имъ людей. Онъ скромно отшучивался и со всею серьёзностію всякой разъ изъяснялъ мнѣ, что не онъ одинъ, а всѣ вообще люди въ подобномъ отношеніи состоятъ къ другимъ, и что на долю каждаго изъ насъ всегда приходится больше такихъ, которые знаютъ насъ, нежели такихъ, которыхъ мы знаемъ.

IX.

У Крылова нельзя было не замѣтить самаго тонкаго чувства и быстраго соображенія, когда онъ

судилъ о произведеніяхъ литературы и вообще о каждомъ предметѣ. Получивъ первое изданіе Ламартина: *Méditations poétiques*, Баронъ Дельвигъ и я показали эту новость Ивану Андреевичу, бывшему съ нами въ Библіотекѣ. Онъ внимательно просмотрѣлъ во многихъ мѣстахъ разныя пьесы, прочелъ нѣсколько изъ нихъ вполнѣ — и, отдавая книгу, сказалъ: *«да, стихи довольно густы.»* Въ самомъ дѣлѣ, сравнительно съ предшественниками, Ламартинъ Русскому читателю болѣе всего на первый разъ могъ кинуться въ глаза только полнотою стиховъ, звуковъ и картинъ — но не болѣе. Еще прежде него мы наслаждались высокою поэзіею Жуковскаго, который и точнѣе, и глубже, и возвышеннѣе его. Крыловъ сознавалъ въ Жуковскомъ талантъ независимый и энергическій. Онъ постоянно сохранялъ къ нему въ душѣ своей чувство братства и дружбы. Шутя и любезничая съ нимъ, онъ бывалъ пріятно-остроуменъ. Разъ, на вечерѣ у Жуковскаго, Крыловъ чего-то искалъ въ бумагахъ на письменномъ столѣ. — Что вамъ надобно, Иванъ Андреевичь? — спросили его. «Да вотъ какое обстоятельство,» отвѣчалъ онъ: «надобно закурить трубку; у себя дома обыкновенно я рву для этаго первый попадающійся мнѣ подъ руку листъ; а *здѣсь* нельзя такъ: вѣдь здѣсь за каждый лоскутокъ исписанной бумаги, если разорвешь его, отвѣчай передъ потомствомъ.» Есть очень любопытная картина, представляющая кабинетъ Жуковскаго, когда онъ жилъ въ томъ отдѣленіи

Зимняго Дворца, которое называлось Шепелевскимъ. Тамъ видишь группы людей въ разныхъ положеніяхъ. Это портреты литераторовъ и другихъ лицъ, собиравшихся у него. Всѣхъ замѣтнѣе и живописнѣе тутъ Крыловъ рядомъ съ Пушкинымъ. Кромѣ эстетическаго сужденія, у Ивана Андреевича объ авторахъ были соображенія другаго рода. Онъ въ каждомъ изъ нихъ желалъ найти *достоинство человѣческое*, т. е. такія правила, такую жизнь, которыя бы не только не стыдили авторской гласности, но и благопріятствовали бы ей. Онъ говорилъ, что отдѣленіе дарованія отъ нравственнаго достоинства въ одномъ и томъ же лицѣ несовмѣстно съ гражданскою жизнію. По-этому онъ не входилъ безъ разбора въ близкія литературныя связи, оказывая впрочемъ всякому, по всегдашней скромности своей, вѣжливость и привѣтливость. Но онъ любилъ быть въ обществѣ людей, имъ искренно уважаемыхъ. Онъ тамъ бывалъ веселъ и вмѣшивался въ шутки другихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ, зимой, разъ въ недѣлю, собирались у покойнаго А. А. Перовскаго, автора *Монастырки*. Гостепріимный хозяинъ, при концѣ вечера, предлагалъ всегда гостямъ своимъ ужинъ. Садились немногіе; въ числѣ ихъ всегда бывалъ Иванъ Андреевичъ. Зашла рѣчь о привычкѣ ужинать. Одни говорили, что никогда не ужинаютъ, другіе, что перестали давно, третьи, что думаютъ перестать. Крыловъ, накладывая на свою тарелку кушанье, промолвилъ тутъ: «а я, какъ мнѣ кажет-

ся, ужинать перестану въ тотъ день, съ котораго не буду обѣдать.»

Для своихъ литературныхъ мнѣній Крыловъ не искалъ подпоры въ журналахъ. Впрочемъ однажды и онъ бросилъ публикѣ эпиграмму на несправедливаго критика. Это было при появленіи *Руслана и Людмилы.* Иванъ Андреевичъ безъ сомнѣнія лучше другихъ умѣлъ цѣнить высокой талантъ Пушкина. Прочитавъ какой-то скучный и ошибочный разборъ первой его поэмы, онъ напечаталъ четыре стиха:

«Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.»

Если утонченный умъ, достоинство и особенное чувство приличія такъ неизмѣнно сопровождали Крылова во всѣхъ его частныхъ сношеніяхъ, можно вообразить, до такой степени онъ былъ внимателенъ къ своимъ поступкамъ въ случаяхъ болѣе серьёзныхъ. Онъ имѣлъ счастіе пользоваться, какъ я упомянулъ, личнымъ благоволеніемъ двухъ Монарховъ и взысканъ былъ ласками всѣхъ Особъ Императорской Фамиліи. При его погребеніи всѣ присутствовавшіе видѣли на груди его букеты цвѣтовъ, которые, при жизни, какъ святыню, хранилъ онъ, когда ихъ

удостоивала присылать ему Государыня Императрица Александра Өеодоровна. Подобное благорасположеніе оказываемо было ему покойною Государынею Маріею Өеодоровною. Ея Величество часто изъявляла желаніе видѣть его у Себя въ Павловскѣ. Вмѣстѣ съ нимъ тамъ бывали и другіе изъ тогдашнихъ почетныхъ литераторовъ нашихъ. Извѣстно, что покинутое теперь обыкновеніе пудриться нѣсколько лѣтъ сохранялось при жизни Императрицы Маріи Өеодоровны. Крыловъ, являясь къ Ея Величеству, никогда не забывалъ убираться въ пудру. Государыня, обращаясь къ нему, часто встрѣчала его слѣдующею шуткою: «вы, можетъ быть, пріѣхали и несовсѣмъ для Меня, но (показывая на его напудренную голову) это я ужъ беру прямо на Свой счетъ.» Памятникомъ его пребыванія въ Павловскѣ и свидѣтельствомъ глубочайшаго чувства признательности къ Вѣнценосной Благотворительницѣ осталась для насъ его басня: *Василекъ*, которую однажды Ея Величество, по отъѣздѣ его, нашла въ одномъ изъ альбомовъ, разложенныхъ для удовольствія посѣтителей въ *Розовомъ Павильонѣ*.

X.

Пушкинъ напечаталъ анекдотъ о Крыловѣ, какъ надъ его головою нѣсколько лѣтъ висѣла боль-

шая картина, сорвавшаяся съ однаго гвоздя и чуть только державшаяся на другомъ, угрожая неминуемымъ паденіемъ на диванъ, гдѣ сиживалъ Иванъ Андреевичь, и какъ онъ не безпокоился объ этомъ, въ увѣренности, что рама, въ случаѣ паденія картины, непремѣнно должна описать косвенную линію и миновать его голову (Сочиненія А. Пушкина; т. XI, стран. 159). Расказъ Пушкина знакомитъ нѣсколько читателя съ характеромъ жилища, съ безпечностію и вмѣстѣ съ математическимъ умомъ Крылова. Много было оригинальнаго въ этомъ человѣкѣ, въ его взглядѣ на вещи и въ его привычкахъ. Спокойствіе, доходившее до неподвижности, составляло первую его потребность. Читая, или просто сидя въ размышленіи (я не заставалъ его ни разу за работою у письменнаго стола, котораго и не было у него), или принимая у себя посѣтителей, онъ обыкновенно курилъ, прекомодно расположившись на диванѣ. Сигара его, во время разговоровъ, потухала безпрестанно. Тогда онъ звонилъ. Входила служанка съ зажженною маленькою восковою свѣчкой, которую приносила безъ подсвѣчника. На овальный столъ краснаго дерева, передъ нимъ находившійся, она накапывала воску и ставила передъ нимъ свѣчку, что повторялось почти ежеминутно. Послѣ изобрѣтенія химическаго способа доставать огонь онъ уже никого не безпокоилъ. Все вокругъ него, столы, стулья, этажерки, вещи на нихъ, покрыто было пылью, такъ-что не безъ затрудненія

надобно бывало ухитриться, чтобы сѣсть передъ нимъ, не давъ ему почувствовать непріятнаго своего ощущенія. Лѣтомъ у него всегда была открыта форточка, въ которую влетали съ Гостинаго Двора голуби, располагаясь на шкапахъ его, на окнахъ, за книгами, въ вазахъ, какъ въ собственныхъ гнѣздахъ. Соръ, перья, пухъ дополняли картину домашняго его опрятства. Разговаривая, безпрестанно мысли свои онъ пояснялъ вамъ апологами, для чего находилъ содержаніе въ каждомъ предметѣ, въ каждомъ человѣкѣ, въ окно попадавшемся ему на глаза. У него была до конца жизни свѣжая память. Въ числѣ расказовъ, которые передавалъ онъ съ одушевленіемъ, особенно помню я воспоминанія его о пожарахъ. Его такъ всегда занимали они, что не было ни однаго изъ нихъ (разумѣется, когда доходила до него вѣсть о томъ), на который смотрѣть не отправлялся бы онъ, хоть съ постели. Особенно врѣзалось въ его памяти единственное зрѣлище, когда на Невѣ близъ взморья горѣли камели. Думаю, что по этой причинѣ и описанія пожаровъ въ его басняхъ такъ поразительно-точны и оригинально-хороши.

Въ числѣ множества воспоминаній Крылова были драгоцѣнныя для его сердца. Однажды, лѣтомъ, шелъ онъ гдѣ-то по улицѣ, на которой передъ домами разведены садики. Онъ замѣтилъ, что недалеко отъ него за отгородкою играли дѣти

и съ ними была дама, вѣроятно мать ихъ. Прошедши это мѣсто, Иванъ Андреевичъ случайно оглянулся туда — и видитъ, что дама брала на руки дѣтей поочередно, поднимала ихъ надъ заборчикомъ и глазами своими показывала на него каждому изъ нихъ. О другомъ случаѣ, пославшемъ Крылову какъ автору и неожиданное удовольствіе и неожиданный урокъ смиренія, уже раскасано было мною въ Современникѣ (Т. XXII, стран. 43, *первой нумераціи*). У него въ самой большой расплохъ всегда оставалось довольно присутствія духа, чтобы поправиться. Какъ-то выпросилъ онъ у А. Н. Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ къ себѣ для прочтенія. Это было роскошное изданіе описанія Египта, которое составлено во время кампаніи Наполеона. Поутру, за своимъ кофе, усѣвшись на придѣланномъ подлѣ окна возвышеніи, гдѣ стоялъ маленькой столикъ, Крыловъ положилъ на него книгу и, поддерживая ее рукою, любовался прелестными гравюрами, приложенными къ тексту. Вдругъ стулъ его покачнулся. Усиливаясь сохранить равновѣсіе, въ-торопяхъ онъ схватился рукою за блюдечко; чашка, опрокинулась на книгу— и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ тоже мгновеніе Крыловъ бросился въ кухню, отдѣлявшуюся узенькимъ коридорчикомъ отъ залы, гдѣ случилось несчастіе, схватилъ ушатъ съ остававшеюся въ немъ водою, втащилъ его въ залу — и, кинувъ разогнутую книгу на полъ, сталъ вед-

ромъ поливать ее изъ ушата. Служанка, видѣвшая все это изъ кухни и коридора, опромѣтью бросилась на верхъ къ Гнѣдичу, призывая его на помощь и давая намеками чувствовать, что Иванъ Андреевичь не въ своемъ умѣ. Гнѣдичь, пересказывая объ этомъ, театрально говаривалъ такъ: «Вхожу; на полу море; Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льетъ на книгу воду. Я въ ужасѣ кричу. Онъ продолжаетъ.» Наконецъ, опорожнивъ ушатъ, Крыловъ изъяснилъ Гнѣдичу, что безъ воды не было никакаго способа вывести пятна кофе изъ книги, на которой, въ самомъ дѣлѣ, когда она просохла, ничего не осталось замѣтнаго, кромѣ желтой полоски на краяхъ страницъ.

XI.

О замѣчательной способности Крылова къ иностраннымъ языкамъ я замѣтилъ уже выше. Когда-то разговорились у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе Древнихъ языковъ. Крыловъ не былъ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и оспаривалъ его противъ Гнѣдича. Желая представить когда-нибудь несомнѣнное доказательство своихъ словъ, онъ дома шутя принялся за Греческой языкъ. Безъ помощи учителя, въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ узналъ всѣ грамматиче-

скія правила. Послѣ, съ лексикономъ, прочиталъ онъ нѣкоторыхъ авторовъ, менѣе трудныхъ; наконецъ, восходя отъ легкаго все выше и выше, онъ уже не затруднялся въ чтеніи Омера. Тогда, къ изумленію и радости Алексѣя Николаевича, онъ предложилъ въ обычномъ обществѣ Воскресныхъ друзей, чтобы Гнѣдичь проэкзаминовалъ его по Омеру. Опытъ оказался въ полной мѣрѣ удовлетворительнымъ. Замѣчательно, что Крыловъ, съ дѣтства и до старости, чувствовалъ странную антипатію къ языку Латинскому — и никогда бы не рѣшился (какъ самъ говорилъ мнѣ) посвятить ему столько трудовъ, сколько въ старости положилъ онъ на Греческой, безъ всякой цѣли, кромѣ удовлетворенія минутной прихоти. Дѣйствительно, онъ прочиталъ все, что дошло до насъ любопытнаго на Греческомъ языкѣ — и не увлекся ничѣмъ для перевода на Русской. Его даже не соблазнила Одиссея. Между-тѣмъ онъ способенъ былъ побѣждать трудности. Напрасно воображаютъ, что легкіе стихи его сами текли съ пера. Кто сравнитъ басню его: *Дубъ и Трость*, какъ она первоначально имъ переведена была изъ Лафонтена и какъ онъ напослѣдокъ принудилъ себя передѣлать ее, тотъ убѣдится, что счастливые стихи его стоили ему долговременной работы. Эту басню десять разъ онъ передѣлывалъ, принося перечитывать ее къ Гнѣдичу, который, въ подобныхъ случаяхъ, бывалъ неумолимъ, такъ-что Баронъ Дельвигъ разъ

сравнилъ его съ извѣстнымъ тогда въ С. Петербургѣ щеголемъ, заставлявшимъ своего портнаго перешивать одно и тоже платье по нѣскольку разъ. Собраніе Греческихъ классиковъ уложилъ Крыловъ все на полу подъ своею кроватью, доставая оттуда, по надобности, того, или другаго автора, когда, нѣжась въ постелѣ, сбирался читать по-Гречески. Достигнувъ цѣли своей, онъ уже никогда не протягивалъ руки подъ кровать, гдѣ толстый слой пыли наконецъ совсѣмъ покрылъ священную древность. По прошествіи двухъ, или трехъ лѣтъ, однажды, вспомня о своей Греческой библіотекѣ, онъ протянулъ-было туда по привычкѣ руку, но ничего тамъ не нашелъ, кромѣ маленькаго остатка разрозненныхъ томовъ. Служанка его, замѣтивъ, что эти пыльныя книги валяются безъ нужды, придумала имъ полезное назначеніе: каждый разъ, когда приходила топить печку подлѣ кровати Ивана Андреевича, она разрывала по книжкѣ и подкладывала листы подъ дрова, чтобы они скорѣе разгарались.

XII.

Не одинъ Кантъ достигнулъ всемірной славы, проведши цѣлую жизнь только въ томъ городѣ, въ которомъ онъ родился. Тоже можно сказать и о Крыловѣ. Поѣздки его въ Москву и Ригу ничего

не значили въ сравненіи съ тою неизмѣнною осѣдлостію, которая владѣла имъ въ продолженіе бо̀льшей и замѣчательнѣйшей части жизни. Почти съ 1805 до кончины своей онъ не покидалъ С. Петербурга. Даже лѣтомъ предпочиталъ онъ оставаться въ городѣ, изрѣдка посѣщая друзей на ихъ дачахъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ проводилъ онъ по нѣскольку недѣль у Олениныхъ въ Пріютинѣ, которое даже воспѣто было стихами (*Стихотворенія Гнѣдича*; стран. 91.). Денежныхъ средствъ у него всегда было достаточно для умѣренныхъ прихотей. Со времени перваго изданія своихъ басень онъ пользовался постоянно хорошими доходами сверхъ того, что было жалуемо ему отъ Монаршихъ щедротъ. Періодъ обильнѣйшій появленіемъ новыхъ его басень, были годы существованія *Бесѣды Любителей Русскаго Слова*, т. е. съ 1810 по 1816. Въ каждой изъ напечатанныхъ Обществомъ книжекъ встрѣчаешь непремѣнно по нѣскольку новыхъ басень Крылова.

Поѣздка за границу однажды явилась-было и къ нему какъ искушеніе, какъ болѣзнь бо̀льщей части достаточныхъ у насъ людей. Выгодно продавши одно ихъ своихъ изданій на чистыя деньги, онъ увидѣлъ себя обладателемъ порядочнаго капитала, который, какъ лишнюю вещь, захотѣлось ему промотать, что говорится, по-барски. Но въ дальній и чуждый край на-старости пуститься Крылову одно-

му — это было невозможно. Онъ обратился къ сосѣду и другу своему Гнѣдичу, подговаривая его на замышленное странствованіе. Поэтъ отвѣчалъ Поэту прекрасными стихами, которые дошли до сердца и защитили друзей отъ *добровольнаго креста*, какъ называлъ В. Г. Тепляковъ страсть къ путешествіямъ. Вотъ эти достопамятные стихи Гнѣдича.

Надежды юности, о милыя мечты,
Я тщетно васъ въ груди младой лелѣялъ!
Вы не сбылись: какъ лѣтніе цвѣты
Осенній вѣтеръ васъ развѣялъ.
Свершенъ предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ;
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ, и сердце безъ желаній!
Куда жъ, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти,
Что годы съ юностью у сердца похищаютъ?
Желанья пылкія, крылатыя мечты,
Съ весною дней умчась, назадъ не прилетаютъ.
Другъ, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я — не Аріель,
Эѳира легкій сынъ, весны любимецъ вѣчной.
Отъ неизбѣжнаго удѣла для живыхъ
Онъ на землѣ одинъ уходитъ:
Утраченныхъ, летучихъ благъ земныхъ,
Счастливецъ, онъ замѣну вновь находитъ.
Удѣлъ прекраснѣйшій судьба ему дала,

Завидное существованье!
Какъ златокрылая пчела
Кружится Аріель весны въ благоуханьѣ;
Онъ пьетъ амврозію цвѣтовъ,
Перловыя Авроры слезы;
Онъ въ зной полуденныхъ часовъ
Прильнетъ и спитъ на лонѣ юной розы.
Но лишь приближится ночей осеннихъ тьма,
Но лишь дохнетъ суровая Зима,
Онъ съ первой ласточкой за Лѣтомъ улетаетъ;
Садится радостный на крылышко ея,
Летитъ онъ въ новые, счастливые края —
Весну, цвѣты и жизнь все новымъ замѣняетъ.
О, какъ его судьба завидна мнѣ!
Но намъ ее въ какой искать странѣ?
Въ какой землѣ найти утраченную младость?
Гдѣ жизнію мы снова разцвѣтемъ?
О другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы радость
Погубимъ, можетъ быть, въ краю чужомъ.
За счастіемъ бѣжа подъ небо мы чужое,
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣтъ —
Святую дружбу, жизни лучшій цвѣтъ
И счастье душъ прямое.

XIII.

Деньги, не истраченныя на поѣздку въ чужіе края, безпокоили Крылова. Онъ предался новой

фантазіи. Если нельзя, или уже поздно разъѣзжать ему бариномъ по Европѣ, такъ зачѣмъ не жить ему по-барски въ С. Петербургѣ? Вотъ онъ заказываетъ лучшему мастеру во всѣ свои три комнаты богатую мебель и обиваетъ ее шелковою матеріею. Повсюду ставятъ ему изъ магазиновъ серебро, бронзу, фарфоръ, алебастръ и хрусталь. Полы покрываются прекрасными Англійскими коврами. Буфетъ принимаетъ въ себя модные сервизы и прочія принадлежности богатыхъ столовъ. Устроившись такимъ образомъ, Крыловъ назначаетъ день и проситъ къ себѣ на обѣдъ семейство Олениныхъ съ избранными общими ихъ друзьми. Всѣ въ восхищеніи отъ каждой вещицы у Ивана Андреевича. Удовольствовавшись первымъ и единственнымъ опытомъ суетности, онъ тутъ же понялъ, что это не прибавило ему счастія, что привычкамъ его нужны только спокойствіе и поэтическая лѣнь. На всю новую свою роскошь набросилъ онъ покрывало добраго, стараго невниманія, замкнулъ буфетъ — и уже ни разу съ тѣхъ поръ никого не звалъ пялить глаза на суету сует. Въ гостепріимную форточку по-прежнему налетѣли голуби и украсили матомъ дружбы своей всѣ блестящія издѣлія столичныхъ мастеровъ. Пепелъ сигаръ разсыпался съ его халата на диваны и ковры. Въ позднее однако же время и померкшій этотъ кабинетъ Крылова сохраненъ для потомства искусною рукою художника. Великая Княгиня Марія Николаевна приказала для

Себя перенести его на картину, которая находится и теперь у Ея Высочества.

Такъ онъ доживалъ въ Библіотекѣ мирные дни свои. Старость его не привела съ собою немощей. Онъ отяжелѣлъ, но не одряхлѣлъ. Еще безъ насилія себѣ онъ принималъ приглашенія новаго поколѣнія литераторовъ, въ которыхъ сознавалъ и таланты и человѣческое достоинство. Друзья Жуковскаго всегда оставались и его друзьями. Таковы были постоянныя сношенія его съ Княземъ П. А. Вяземскимъ и Баратынскимъ. Въ послѣдніе годы я встрѣчалъ его на обѣдахъ у Графини Е. П. Ростопчиной и на вечерахъ у Князя В. Ѳ. Одоевскаго. Онъ сохранялъ всю свою любезность и веселость, принимая съ трогательною признательностію самые легкіе оттѣнки вниманія къ его привычкамъ и вкусу. Онъ особенно любилъ настоящія Русскія кушанья, которыми и старались угощать его. Ни одинъ органъ чувствъ не измѣнилъ ему. Хоть зрѣніе и ослабѣло, но съ помощію очковъ онъ могъ читать все, кромѣ собственнаго почерка, что впрочемъ происходило отъ удивительной и всегдашней его неразборчивости. Года за полтора до кончины его, я пришелъ къ Ивану Андреевичу попросить его аутографъ. Близъ него въ комнатѣ мы ни лоскутка не нашли его почерка. Служанка принесла съ чердака цѣлую корзину басень, его рукою переписанныхъ. Выбравъ для меня листокъ,

онъ въ очки разсмотрѣлъ заглавіе, написанное довольно крупно, но стиховъ и по догадкѣ не могъ разобрать.

XIV.

Подъ-конецъ жизни своей, кажется, года за четыре передъ симъ, оставилъ онъ службу въ Библіотекѣ, и переселился на Васильевскій Островъ, гдѣ въ 1-ой линіи нанялъ очень покойную квартиру въ домѣ купца Блинова противъ 1-го Кадетскаго Корпуса. Рѣже началъ выѣзжатъ онъ, даже и въ Англійскій клубъ. Но все у него была пара прекрасныхъ лошадей и самая модная откидная Англійская карета. Ближайшимъ сосѣдомъ его сдѣлался избранный имъ въ послѣдствіи времени и въ его душеприкащики Я. И. Ростовцовъ, который чаще всѣхъ сталъ навѣщать Поэта. Дни его были однообразны. Но никогда онъ не жаловался на одиночество и скуку. Уже прошло семь лѣтъ, какъ онъ пересталъ писать басни, изъ которыхъ послѣднею была: *Вельможа.* Вотъ что говоритъ объ этой эпохѣ сочинительница біографіи, изъ которой я уже заимствовалъ нѣсколько подробностей о дѣтствѣ Крылова. «Теперь ему 75 лѣтъ. Онъ усыновилъ семейство одной своей крестницы, благотворитъ ему и печется о немъ. Его окружаютъ малютки; они любятъ и ласкаютъ его, какъ бы же-

лая возблагодарить за пользу, которую онъ приноситъ всѣмъ дѣтямъ на Руси. Онъ же особенно любитъ изъ дѣтей своей крестницы одну маленькую дѣвочку, Наденьку, которую самъ научилъ читать и которою особенно занимается.» Въ самомъ дѣлѣ, онъ и мнѣ много расказывалъ о необыкновенной понятливости этаго ребенка и замѣчательной его способности къ музыкѣ. Приходя къ нему послѣ полудня, или вечеромъ, я заставалъ его съ этими дѣтьми за обѣдомъ, или за чаемъ.

8 Февраля 1844 года С. Петербургскій Университетъ праздновалъ первое свое двадцатипятилѣтіе. Крыловъ, Почетный Членъ Университета съ его основанія, получилъ приглашеніе на праздникъ, который долженъ былъ происходить во Вторникъ. Часу въ одиннадцатомъ утра, наканунѣ этаго дня, входитъ въ комнату ко мнѣ Иванъ Андреевичъ въ мундирѣ. «Что это значитъ?» — Ахъ, усталъ! дайте отдохнуть. Высоко всходить къ вамъ. — Я усадилъ его и узналъ, что онъ, взглянувъ не очень внимательно на печатное приглашеніе, ошибся днемъ. Еще къ бо̀льшему огорченію моему я услышалъ отъ него, что онъ на тротуарѣ передъ главнымъ подъѣздомъ поскользнулся и упалъ. «Вы Ректоръ; такъ будьте свидѣтелемъ усердія моего къ Университету», продолжалъ Иванъ Андреевичъ. Черта всегдашней его вѣжливости и уваженія общественныхъ приличій. Я упросилъ его, чтобы не

безпокоился онъ пріѣзжать завтра, тѣмъ болѣе, что холодъ доходилъ тогда до 20 градусовъ. Мнѣ однако посчастливилось въ тотъ же Великій Постъ еще разъ принять его у себя въ домѣ. Онъ явился въ Университетскую залу на концертъ, который ежегодно устраиваютъ изъ своего артистическаго круга наши Студенты. Тотъ концертъ, о которомъ я говорю, былъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ въ прошедшую зиму, потому-что въ немъ участвовала знаменитая Віардо-Гарція. Крыловъ, какъ знатокъ музыки и нѣкогда самъ отличный музыкантъ, былъ въ восторгѣ. Изъ залы онъ прошелъ ко мнѣ, чтобы еще потолковать о пріятномъ вечерѣ и вмѣстѣ напиться чаю. Къ большому удовольствію своему Крыловъ тогда сошелся у меня съ Княземъ Г. П. Волконскимъ, тоже истиннымъ музыкантомъ и въ душѣ и на дѣлѣ. Вечеръ этотъ у всѣхъ насъ сохранился живо въ памяти — и послѣ едва ли кто изъ насъ видѣлся съ Иваномъ Андреевичемъ.

XV.

Предсмертная болѣзнь его, послѣдовавшая отъ несваренія пищи въ желудкѣ, продолжалась нѣсколько дней. То, что въ этой старости прекратило жизнь, въ прежнее время конечно прошло бы благополучно. На ужинъ себѣ (сбылось предсказаніе

его объ этихъ ужинахъ) онъ приказалъ подать протертыхъ рябчиковъ и облилъ ихъ масломъ. Помощь врачей оказалась недѣйствительною. Я. И. Ростовцовъ не оставлялъ его въ эти дни. Крыловъ, въ полной памяти, не оказавъ никакаго знака малодушія, покорился волѣ судьбы. За нѣсколько часовъ до кончины, разговаривая съ Яковомъ Ивановичемъ, онъ еще по привычкѣ вводилъ апологи въ свои рѣчи— и шутя сравнилъ себя съ крестьяниномъ, который, наваливъ на возъ непомѣрно-большую поклажу рыбы, никакъ не расчитывалъ излишне обременить своей немощной лошади, только потому, что рыба была сушеная. Наконецъ Яковъ Ивановичь, желая приготовить его къ исполненію Христіанскаго долга, спросилъ его какъ бы случайно:—Не мнительны ли вы, Иванъ Андреевичь? — «Я?» отвѣчалъ онъ; «а вотъ я вамъ раскажу, какъ я не мнителенъ. Давно какъ-то, лѣтъ сорокъ назадъ, я почувствовалъ онѣмѣніе въ пальцахъ одной руки. Показываю доктору. Онъ спрашиваетъ меня какъ вы: не мнителенъ ли я? Нѣтъ, говорю. Такъ у васъ, продолжалъ онъ, будетъ параличь. Да нельзя ли помочь? спросилъ я. Можно; вамъ надобно всю жизнь не ѣсть мяснаго и быть вообще очень осторожнымъ.» — Какъ же вы поступили? перервалъ его Яковъ Ивановичь. — «Мѣсяца два я исполнялъ предписаніе доктора.» — А потомъ? — «А потомъ, какъ видите, до сихъ поръ все ѣмъ. Вотъ какъ я не мнителенъ,» заключилъ Крыловъ.

Съ тихимъ умиленіемъ встрѣтилъ онъ Отца своего духовнаго и съ благодарностію принялъ все, что утѣшительнаго предлагаетъ Христіанину Религія. Вѣсть о кончинѣ его опечалила каждое Русское сердце. Кто только могъ, всѣ пришли проводить его до тихаго пристанища. Но, посреди столь торжественнаго и общаго свидѣтельства истины, что Крыловъ есть народный писатель, расказываютъ, будто какой-то невѣрующій Нибуръ тутъ же подвергалъ и этотъ фактъ сомнѣнію.

Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить Высочайшее соизволеніе на сооруженіе памятника въ Санктпетербургѣ великому человѣку Россіи.

Плетневъ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Молитва св. Ефрема Сирина. *Бесѣды на святую Четыредесятницу.* Въ 12; 162 стран. Харьковъ.

«Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья;
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья —
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи!»

Такъ незабвенный Поэтъ нашъ выразилъ смыслъ умилительной молитвы, которой подлинныя слова сочинены святымъ Ефремомъ Сиринымъ. Они краснорѣчивымъ проповѣдникомъ города Харькова взяты были главною темою для его поученій къ братіи во время святой Четыредесятницы. Одиннадцать

проповѣдей составилъ и произнесъ онъ, объясняя глубокой смыслъ каждаго слова, содержащагося въ молитвѣ. «Не безъ особенной причины (начинаетъ онъ) молитва сія такъ усвоена святому и великому посту, что многократно повторяется на каждомъ Богослуженіи. Безъ сомнѣнія, это сдѣлано св. Церковію по тому, что, при всей краткости сей молитвы, въ ней сокрыто великое богатство святыхъ мыслей и чувствъ, и весьма ясно изображены наши нужды духовныя. Посему мы поступимъ сообразно намѣренію св. Церкви и нашей духовной пользѣ, если обратимъ сію молитву въ предметъ нашихъ собесѣдованій, и разсмотримъ порознь каждое прошеніе, въ ней заключающееся. Такимъ образомъ откроется передъ нами цѣлый ликъ святыхъ добродѣтелей, коими должно украшать свою душу каждому, и явится цѣлое темное полчище грѣховъ и пороковъ, отъ коихъ надобно беречь свое сердце. И безъ напоминанія, вѣроятно, извѣстно многимъ (продолжаетъ проповѣдникъ), что это молитва св. Ефрема Сирина. Въ дополненіе къ сему, скажемъ, что св. Ефремъ принадлежитъ къ числу величайшихъ Подвижниковъ благочестія, кои украшали собою древнюю Церковь Христіанскую. Человѣкъ онъ былъ по плоти, но Ангелъ по духу и совершенствамъ. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ св. Ефремъ оставилъ міръ и вселился въ пустыню, гдѣ долговременное пребываніе, безъ наставниковъ, содѣлало его учителемъ Востока и свѣтиломъ вселенныя. Са-

мымъ любимымъ предметомъ и созерцаній и поученій Ефремовыхъ было покаяніе. Церковь Сирская, къ коей принадлежалъ онъ по мѣсту обитанія, имѣла въ немъ все — и учителя Вѣры, и обличителя нравовъ, и питателя во время глада, и чудотворнаго врача отъ болѣзней, и защитника отъ еретиковъ и язычниковъ. Вообще уваженіе за всѣ сіи добродѣтели, еще при жизни св. Подвижника, простиралось до того, что поученія его читались по Церквамъ непосредственно за св. Писаніемъ. Изъ такаго-то ума и сердца проистекла молитва, нами разсматриваемая — изъ ума Богопросвѣщеннаго, изъ сердца, пламенѣвшаго любовію къ Богу и ближнимъ, совершенно очищеннаго и освященнаго Благодатію.» Избравъ такъ счастливо содержаніе проповѣдей, сочинитель умѣлъ прекрасно сохранить въ нихъ самый способъ собесѣдованія. Его сердечное убѣжденіе въ истинѣ предлагаемаго сообщаетъ каждому его слову особенную силу и увлеченіе. Онъ нигдѣ не отступаетъ въ рѣчахъ своихъ отъ первыхъ условій истинно-Христіанскаго поученія — кротости, простоты, ясности и опредѣлительности. Но всѣ эти качества убѣжденія и смиренномудрія, въ его устахъ, получаютъ могущество и власть самаго возвышеннаго краснорѣчія.

2. *Исторія царствованія Императора Александра I*, для чтенія юношества (съ портретами и картинами). Двѣ части. Въ 12; 204 и 271 стран. Спб.

Частныя исторіи предназначаются съ одной стороны къ объясненію, пополненію и развитію интереса исторіи общей, а съ другой стороны къ совершенствованію слога, очищенію вкуса и возбужденію полезной любознательности. Ежели сочинитель частной исторіи есть литераторъ съ дѣйствительнымъ талантомъ и вполнѣ удовлетворяетъ призванію своему; то онъ несомнѣнно достигаетъ той и другой цѣли, издавая сочиненіе свое. Мы съ благодарностію принимаемъ книги въ этомъ родѣ и тогда, когда онѣ полезны хоть въ которомъ-нибудь одномъ изъ двухъ отношеній, опредѣленныхъ выше. Разсматриваемое нами теперь сочиненіе лишено красокъ и того характера историческихъ сказаній, которымъ они такъ незамѣтно ставятъ насъ зрителями прошедшаго. Совершенствъ обще-литературныхъ еще менѣе въ этой книгѣ. Въ ней собраны матеріалы эпохи, которую надлежало бы одушевить, обособивъ ее какъ что-то цѣлое и живое. Мы не думаемъ, чтобы юношество, для котораго назначена книга, извлекло изъ нея дѣйствительно какую-нибудь пользу. Оно, напротивъ, можетъ послѣ чтенія остаться съ ложною идеею значительности эпохи и ея отношенія къ предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ событіямъ въ Европѣ.

3. *Повѣсть о великой битвѣ Бородинской*, бывшей 26-го Августа 1812 года. Въ 16; 189 стран. Спб.

Сочинитель Повѣсти расказомъ своимъ, вѣроятно, надѣялся распространить между простымъ народомъ извѣстіе о происшествіи, давно со всѣми подробностями сохраняющемся въ памяти, умѣ и воображеніи образованныхъ людей. Для этаго, какъ вѣрное, по его мнѣнію, средство, избраны имъ простонародный тонъ, нѣсколько-старинный языкъ и самое заглавіе. Но краски давно-прошедшаго времени такъ же чужды современному намъ простому народу, какъ и людямъ образованнымъ. Предметъ, или содержаніе Повѣсти, носитъ въ себѣ самомъ, т. е. въ натурѣ своей, всѣ принадлежности, обработываемыя искусствомъ. О событіи новѣйшемъ писать для простаго народа надобно въ его нынѣшнемъ тонѣ, нынѣшнимъ языкомъ, что все конечно далеко ушло отъ XII вѣка. Это смѣшеніе эпохъ и языка противорѣчитъ здравому смыслу, не говоря о другихъ требованіяхъ литературы, будетъ ли оно допущено въ низшій разрядъ словесныхъ произведеній, или въ высшій. Одна пародія поддерживается такаго рода умышленными шутками.

4. *Исторія царствованія Императрицы Екатерины II*, для чтенія юношества (съ портретомъ и картинами). Двѣ части. Въ 12; 237 и 180 стран. Спб.

См. книгу подъ № 2.

5. *О жизни Генералъ-Маіора Вольховскаго*. Въ 8; 23 стран. Харьковъ.

Эта небольшая біографія содержитъ одно простое исчисленіе прекрасныхъ дѣлъ человѣка, по многимъ отношеніямъ незабвеннаго. Генералъ Вольховскій получилъ воспитаніе въ Царскосельскомъ Лицеѣ и вышелъ оттуда на службу вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Барономъ Дельвигомъ и нѣкоторыми другими лицами, которыя пріобрѣли всеобщую извѣстность. Въ этомъ первомъ выпускѣ онъ былъ первый между товарищами какъ по успѣхамъ въ наукахъ, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Во всю жизнь, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не отступалъ онъ отъ тѣхъ правилъ, съ которыми вышелъ изъ Лицея. Сочинитель біографіи ведетъ читателя отъ первой эпохи въ жизни Вольховскаго до самой его кончины — и вы съ какимъ-то отраднымъ чувствомъ видите передъ собою лице кроткаго Христіанина по душѣ, образованнѣйшаго человѣка по уму, строгаго Стоика по жизни.

6. *Мѣсяцословъ на 1845 годъ.* Въ 8; 232 стран. Спб.

Ежегодно Императорская Академія Наукъ улучшаетъ это изданіе, какъ со стороны внѣшней, такъ и внутренней. Уже нѣсколько лѣтъ она украшаетъ его, прилагая ко всѣмъ экземплярамъ очень хорошо выгравированные портреты Особъ Императорской Фамиліи. Нынѣшній разъ къ мѣсяцослову приложенъ портретъ Е. И. В. Государя Великаго Князя

Николая Николаевича. Разнообразныхъ извѣстій, столь необходимыхъ для каждаго въ ежедневномъ быту, годъ отъ году вносится въ книжку все болѣе и болѣе. Между прочимъ вы находите тутъ: 1. Еврейскій и Мухаммеданскій календари, 2. Систему міра, 3. Величину и обращеніе небесныхъ тѣлъ, 4. Вѣдомость о числѣ учебныхъ заведеній по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1843 годъ, 5. Вѣдомость о количествѣ золота и серебра, добытаго въ Россіи въ 1843 году, 6. Таблицу цѣнности главныхъ родовъ монеты и кредитныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи въ Россіи, 7. Хронологическое показаніе достопримѣчательнѣйшихъ естественныхъ событій, 3. Исчисленіе важнѣйшихъ Высочайшихъ Указовъ, изданныхъ въ 1843 году, 9 Благотворительныя заведенія въ С. Петербургѣ, 10. Табель, показывающую, въ какіе дни производится въ С. Петербургской Ссудной Казнѣ пріемъ, выкупъ и продажа закладовъ на 1845 годъ, 11. Цѣны на мѣста въ почтовыхъ экипажахъ, и проч. и проч.

7. *Отчетъ Общества Садоводства за 1843 годъ.* Въ 8; 19 стран. Моск.

Общество состоитъ подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества вѣдѣніемъ. Отчетъ касается прихода, расхода и остаточныхъ суммъ не только по самому Обществу, но сверхъ того по Школѣ

садоводства, при немъ находящейся, и по имѣнію Студенецъ. Дѣйствія и успѣхи каждой изъ этихъ частей свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ ихъ состояніи.

8. *Очерки южной Франціи и Ниццы.* Изъ дорожныхъ записокъ 1840 и 1842 годовъ. *М. Ж-к-вой.* Двѣ части. Въ 8; 317 и 342 стран. Спб.

Сочинительница передаетъ читателямъ впечатлѣнія, полученныя ею въ путешествіи, и собственныя свои ежедневныя занятія. Это прекрасно написанный журналъ, въ которой входитъ все, что интересовало путешественницу. Женская любознательность, такъ отличающаяся отъ мужской своею настоятельностію и раскрытіемъ множества частностей, оживила расказы автора чертами граціозными и разнообразными. Расказывая на прим: о разныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ въ Ліонѣ, сочинительница прибавляетъ: «Но ни одно заведеніе не оставило во мнѣ такаго глубокаго впечатлѣнія, какъ Больница неизлечимыхъ, подъ завѣдываніемъ Сестеръ святаго Іосифа. Она была основана въ 1822 году дѣвицею Перренъ (Perrin), дочерью богатаго Ліонскаго негоціанта. Дѣвица Перренъ осталась сиротою и единственною наслѣдницею значительнаго имѣнія на двадцать-пятомъ году возраста. Конечно, она могла бы еще найти счастіе и любовь; но смерть похитила у нея много милаго,

близкаго сердцу; а кто многое потерялъ, тотъ боится уже привязанности земной. Вѣра указала ей другое счастіе, другую любовь, неизмѣнную, непреходящую. Дѣвица Перренъ обратила въ капиталъ все наслѣдственное имѣніе свое, купила домъ въ отдаленномъ предмѣстіи, близъ древней церкви, нѣкогда, говорятъ, бывшей языческимъ храмомъ, и на остальной капиталъ завела Больницу, которую назначила для неизлечимыхъ. Со всѣхъ сторонъ безнадежное страданіе устремилось къ пріюту, и она сама, еще въ цвѣтѣ лѣтъ, полная жизни, богатая всѣмъ, что даетъ счастіе въ свѣтѣ, принимала больныхъ, ходила за ними, врачевала раны и служила страждующимъ до той самой минуты, когда тѣлесныя силы измѣнили наконецъ этой высокой душѣ, и она перешла въ міръ, ея достойный, на 39 году отъ рожденія, и проведя 14 лѣтъ въ своемъ великомъ подвигѣ. Послѣ ея кончины, Больница перешла въ завѣдываніе городскихъ властей; но долгъ худо исполняетъ дѣло любви. Градоначальники рѣшились призвать Сестеръ святаго Іосифа — и съ тѣхъ поръ Больница находится подъ ихъ надзоромъ. Ихъ всего двенадцать. Начальница сама показывала намъ свое заведеніе. Больныя раздѣлены по заламъ: въ одной слѣпыя всѣхъ возрастовъ; въ другой помѣшанныя въ младенчествѣ; далѣе — уроды, изувѣченныя, покрытыя неизлечимыми ранами. Я видѣла страдалицу, которая 18 лѣтъ лежитъ безъ всякаго движенія. Въ той же

комнатѣ лежало дитя лѣтъ четырехъ и играло нарѣзанными бумажками. При нашемъ приближеніи, оно приподняло головку, и блѣдное личико его оживилось улыбкою. Оно протянуло ручки къ начальницѣ. Несчастное дитя отъ самаго рожденія безъ ногъ и осуждено на вѣчное страданіе. Въ особенной комнатѣ содержатся одержимыя падучею болѣзнію. Я спѣшила войти въ церковь, гдѣ всѣ эти страдалицы слушаютъ слова утѣшенія и обѣтованія блаженства въ иномъ мірѣ, гдѣ ждетъ ихъ награда терпѣнія. Я видѣла ихъ кухню, аптеку, шкафы съ бѣльемъ. Заведеніе увеличилось со времени вступленія Сестеръ. Теперь въ немъ уже 52 постели и скоро будетъ 60. Но не то удивляло меня, а эта жизнь, вся посвященная служенію больнымъ, этотъ тяжелый крестъ, который несетъ молодая послушница, осужденная на непрерывное зрѣлище человѣческаго страданія и немощей, безъ всякой награды, безъ всякихъ видовъ корыстолюбія. Гдѣ беретъ она силы для такаго самоотверженія? какъ умѣетъ столько любить? Мнѣ понятно уединеніе и постъ анахорета, молчаливая келья Картезіанца и даже отчужденіе Сестры живой гробницы (sépulcre vivant): тамъ самое уединеніе питаетъ энтузіасмъ— и тамъ удерживаетъ обѣтъ. А здѣсь, гдѣ нѣтъ обѣтовъ, гдѣ жертва свободна и произвольна до конца, и какая жертва! — признаюсь, я съ истиннымъ уваженіемъ смотрѣла на этихъ Сестеръ, которыя, какъ Ангелы, ниспосланные въ юдоль пла-

ча, изливали отраду и утѣшеніе между несчастными, ихъ окружавшими.»

9. *Самопожертвованіе.* Романъ *М. Воскресенскаго.* Четыре части. Въ 12; 196 стран. Моск.

Люди, ищущіе въ чтеніи книгъ развлеченія, средства сбыть съ рукъ несносное время, примутся конечно съ обыкновеннымъ своимъ удовольствіемъ за эту литературную новость — и останутся очень довольны, что въ ихъ крайности послана имъ нежданая помощь. Но для знатоковъ искуства, для взыскательныхъ судей произведеній таланта тутъ ничего нѣтъ, кромѣ ежедневной, скучной затѣи писателя, не за дорогую цѣну сбывающаго посильные труды свои. Кажется, въ такихъ обстоятельствахъ, мы находимъ болѣе удовлетворенныхъ, нежели требующихъ. И-такъ, по большинству голосовъ, это все очень хорошо.

10. *Тетушкины мемуары.* Въ 12; 79 стран. Моск.

Шуточное это сочиненіе еще разъ подтвердило замѣчаніе наше, что многіе изъ Русскихъ писателей потому только пускаются въ авторство, что ихъ соблазнитъ новостью какое-нибудь названіе книги, или особенный тонъ ея. Когда-то покойный Г. Ѳ. Квитка (одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей по юмору, простотѣ и вѣрности расказовъ) печаталъ:

Мемуары Евстратія Мякушкина (Современника т. XXI, стран. 1. *второй нумераціи*), а другой авторъ, И. П. Мятлевъ, то же покойный, обратилъ общее вниманіе на свое сочиненіе самымъ шутливымъ тономъ: вотъ неизвѣстный поэтъ нынѣ и воспользовался готовыми темами для своихъ новыхъ подвиговъ. Онъ написалъ Тетушкины *мемуары*.

11. *Герои преферанса*, или душа общества. Оригинальная комедія-водевиль въ трехъ картинахъ. Сочиненіе актёра *П. И. Григорьева 1-го*. Въ 16; 170 стран. Спб.

Лучшею похвалой сочиненію служитъ то, что оно привлекаетъ въ театръ почти весь городъ. Это еще доказываетъ и другую истину: какъ легко замѣчается публикою самый легкій шагъ къ истинному призванію комедіи, которая должна всѣ красоты свои почерпать изъ современныхъ нравовъ, не воображаемыхъ авторомъ, а дѣйсгвительныхъ. Мы конечно не помѣщаемъ страсти къ преферансу въ число коренныхъ слабостей Русскаго общества: это временная болѣзнь. Но и она, единственно потому, что не вымышлена, а схвачена въ свою пору и на своемъ мѣстѣ, разшевелила любопытство и даже довела зрителей до энтузіасма. Что жъ бы могло послѣдовать, если бы благородная комедія явилась на сценѣ со всѣми своими красотами національными?

12. *Полный самоучитель, или легчайшій способъ научиться Россійскому языку.* Въ 8; 94 стран. Моск.

Авторъ вѣроятно не знаетъ, что есть Русскій языкъ, а Россійскаго нѣтъ. Но по предлагаемому имъ способу нельзя выучиться и Русскому языку, не только Россійскому; а убѣдительнѣйшее доказательство нашего мнѣнія заключено въ его самой книгѣ. Вѣрно, прежде, нежели рѣшился открыть тайну эту другимъ, авторъ самъ покушался воспользоваться ею; однако же попытка осталась безуспѣшною.

13. *Балясы.* Въ 16, 18 стран. Моск.

Обыкновенно балясы *точатъ*; а здѣсь вы найдете балясы топорной работы. Что за шутки, что за тонъ, что за предметы, что за языкъ! И все это еще кому-нибудь должно же нравиться, по крайней мѣрѣ самому сочинителю!

14. *Иванъ болванъ.* Въ трехъ частяхъ. Сочиненіе *Ѳедора Пальмова.* Въ 12; 82 стран. Моск.

См. книгу подъ № 13.

15. *Трактатъ о преферансѣ.* Составилъ С. К.

Наконецъ для нашихъ писателей отыскался предметъ, о которомъ стали говорить они съ сердечнымъ убѣжденіемъ, *con amore*. Надобно думать, что и читателей, отвѣчающихъ имъ душою, найдется довольно. И такъ дѣло это приняло натуральное движеніе. Критикѣ остается только радоваться подобнымъ явленіемъ. Она ничего не требуетъ вообще отъ литературныхъ трудовъ, кромѣ знанія дѣла и любви къ нему.

II.

16 *Творенія Святыхъ Отцовъ* въ Русскомъ переводѣ. Повременное изданіе при Московской Духовной Академіи, съ прибавленіемъ духовнаго содержанія. *Годъ второй. Книжка 3*. Въ 8; 184, 293 и 372 стран. Моск.

17. *Русскій Историческій сборникъ*, издаваемый Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Редакторъ профессоръ *Погодинъ*. *Томъ VI*. Въ 8; 469 и 60 стран. Моск.

18. *Медицинскій энциклопедическій лексиконъ*. *Книжка девятая*, обработанная *Леемъ*. Въ 8; 128 стран. Спб.

19. *Труды* Императорскаго *Вольнаго Экономическаго Общества* за 1844 годъ. *Треть вторая.* Въ 8; съ 371 до 715 стран. Спб.

20. Бесѣды Русскаго купца *о торговлѣ.* Бесѣда 2-я, 3-я, 4-я, и 5-я Въ 8; съ 17 до 81 стран. Спб.

*

P. S. Явилось на Французскомъ языкѣ сочиненіе *Графа Ростопчина*: *Histoire Universelle* въ двухъ томахъ, прекрасно изданное въ Москвѣ въ 8; IX, 460 и 474 стран. Мы увѣрены, что читатели наши съ такимъ же удовольствіемъ примутъ выписываемое здѣсь предисловіе автора, съ какимъ и мы читали его: тутъ видно все — и слогъ, и характеръ сочиненія, и основная идея науки.

«Cet ouvrage n'était point destiné à paraître au grand jour; il avait été composé uniquement pour mes enfans; des raisons particulières m'ont décidé à le faire imprimer et à y mettre mon nom. Ecrit saus aucune prétention littéraire, son seul but est de faciliter l'étude de l'histoire à la jeunesse. J'ai tâché de rendre les faits d'une manière concise et claire, j'ai été sobre de dates et surtout de réflexions. Ces longues disserta-

tions qu'on trouve dans tant d'auteurs sur les événemens qu'ils décrivent, ne sont pas du tout à là portée de l'intelligence du bas âge, et souvent elles sont contraires aux opinions du maître. C'est, à mes yeux, un devoir, impérieux pour tout père, dont l'esprit est cultivé, d'apprendre lui-même l'histoire à ses enfans. Cette étude est la seule qui lui donne les moyens de former le coeur et l'esprit d'êtres chéris, de rectifier leur jugement, de leur inculquer ses opinions, sa manière d'envisager les choses. Un cours d'histoire par un père à ses enfans, doit être en même temps un cours de morale et de conduite à suivre pendant la vie. Le récit des actions des hommes, des événemens politiques, et des révolutions survenues à la surface du globe, lui suggéreront des réflexions qui tour-à-tour, lui donneront les moyens d'enflammer et de refroidir à volonté l'imagination de ses élèves, de leur apprendre à discerner le mal du bien, la véritable grandeur d'âme de l'ambition, en un mot, à juger les hommes, les actions et les faits. Je le répéte, un père, ne doit pas confier à un étranger le soin d'enseigner l'histoire à ses enfans; c'est un saint devoir, le plus beau des droits de l'homme, de se personnifier en ceux qui porteront un jour son nom, d'en faire des citoyens vertueux et capables de bien servir leur patrie.»

Въ вышедшихъ двухъ томахъ содержится расказъ до вступленія Октавія Августа на Римскій

престолъ. Впереди ожидаютъ автора и его читателей интереснѣйшія событія, которыхъ изложеніе доставитъ отцу еще болѣе средствъ достигнуть прекрасной его цѣли.

=

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

1. Импровизаторъ, или *молодость и мечты Итальянскаго поэта.* Романъ Датскаго писателя *Андерсена.* Переводъ съ Шведскаго. Въ 8; 598 и II стран. Спб.

Римъ, Неаполь, Венеція и нѣсколько другихъ историчесчки-замѣчательныхъ мѣстъ — вотъ сцена, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Главные герои романа: бѣдный молодой человѣкъ Антоніо, получившій образованіе по милости однаго вельможи, Римскій молодой дворянинъ Бернардо и пѣвица Анунціата. Есть еще нѣсколько эпизодическихъ лицъ. Но все это одна форма, легкая цѣпь для соединенія удивительно-вѣрно схваченныхъ картинъ, въ которыхъ соединено все лучшее въ природѣ и художествахъ Италіи. Никогда, можетъ быть, не была еще она такъ живо, такъ ново, такъ занимательно и вмѣстѣ просто изображена, какъ у Ан-

дерсена. Это безъ сомнѣнія отъ того, что онъ не только поэтъ, но и художникъ въ душѣ, что онъ изучилъ ее не изъ книгъ, а собственнымъ созерцаніемъ, что онъ принесъ туда въ душѣ всю счастливую воспріемлемость просто прекраснаго человѣка и вмѣстѣ ученаго, что онъ полюбилъ Италію — и слѣдственно говорилъ о ней въ полнотѣ чувства. Переводомъ романа мы обязаны тому же мастерскому перу дамы, которая въ прошломъ году переводомъ «*Семейства*» изъ Фредерики Бремеръ, Шведской писательницы, возбудила столь общій энтузіасмъ къ рѣдкому и особенно въ нашу эпоху счастливому таланту сѣверной романистки. Говорить о гибкости и точности языка, о вѣрности перевода въ идеяхъ, тонѣ и краскахъ, о самостоятельности слога переводчицы значило бы передавать снова нашимъ читателямъ то, что сами они лучше насъ почувствовали во время чтенія этихъ двухъ переводовъ. Мы не можемъ не радоваться, что, для чистыхъ удовольствій семейнаго круга, для образца мыслей и описаній возрастающему поколѣнію обоего пола, для утѣшенія мыслящихъ людей, разочаровавшихся переводами романовъ *неистовой школы*, обстоятельства намъ представили средство сообщить публикѣ помощію Современника эти драгоцѣнности, защищающія нашу эпоху отъ множества справедливыхъ противъ нея обвиненій.

2. *Краткая физика тѣла человѣческаго.* Сочиненіе *I. К. Е. Циммермана.* Перевелъ съ Нѣмецкаго *В. Горуновичь.* Въ 8; IV и 120 стран. Спб.

Наука почти ничего не пріобрѣтаетъ для совершенствованія своего отъ подобныхъ книгъ, которыя можно назвать извлеченіями изъ трудовъ предшествовавшихъ. Между-тѣмъ любознательные люди, не изъ класса медиковъ, вѣроятно съ любопытствомъ прочтутъ этотъ переводъ, изъ котораго могутъ они ознакомиться съ устроеніемъ тѣла своего.

3. *Общая и частная технологія,* составленная профессоромъ *Поппе.* Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Въ 8; 592 стран. Съ 16 листами чертежей. Спб.

По плану автора, въ первой части, которой переводъ на Русскомъ языкѣ нынѣ вышелъ, соединены основанія технологіи, заимствованныя изъ механики, химіи и физики. Вторая часть будетъ содержать изложеніе каждаго изъ важнѣйшихъ ремесленныхъ производствъ порознь. Если бы авторъ внимательнѣе былъ къ новѣйшимъ открытіямъ въ наукахъ, служащихъ основою технологіи, книга его принесла бы существенную намъ пользу, особенно, если бы и переводчикъ исполнилъ свой трудъ съ знаніемъ дѣла. Къ сожалѣнію, такъ за-

мѣтно со стороны того и другаго равнодушіе, даже, можно сказать, пренебреженіе къ обязанности, на нихъ лежащей, что литература и ученые ничего не пріобрѣли отъ появленія этаго сочиненія въ печати. Можетъ быть, другое найдемъ мы въ частной технологіи, которой по этому обстоятельству нетерпѣливо ожидаемъ.

4. *Искуство пріобрѣтать и сохранять превосходную память*, неоднократно съ успѣхомъ испытанное и основанное на законахъ здраваго разсудка. Сочиненіе доктора философіи *Эвальда Гартенбаха*. Нереводъ съ Нѣмецкаго. Съ шестаго изданія. Въ 12; 57 стран. Моск.

Заманчивое названіе и многочисленныя изданія оригинала могутъ привлечь къ приведенной книгѣ многихъ читателей. Надобно между-тѣмъ правду сказать, что въ сущности это одно изъ тѣхъ сочиненій, которыя не соотвѣтствуютъ ожиданію покупателей, не представляя никакихъ положительныхъ данныхъ къ достиженію предположенной цѣли. Что память изощряется упражненіемъ, какъ физическія силы укрѣпляются гимнастикою — это всѣмъ давно извѣстно.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. *Жизнь Вилльяма Шекспира*, Англійскаго поэта и актёра, съ мнѣніями о немъ и объ его твореніяхъ Русскихъ и иностранныхъ писателей. *Изданіе третіе*, пересмотрѣнное и умноженное, съ портретомъ Шекспира. Въ 8; 95 стран. Моск.

2. *Воспоминанія о Наполеонѣ* гг. Арно, Годена, Юлія Жанена, Барона Мортемара, и проч., собранныя и приведенныя въ порядокъ *Эмилемъ Марко де-Сент-Илеромъ*. Переводъ съ Французскаго. *Изданіе второе*. Въ 8; 350 стран. Моск.

3. На сонъ грядущій. Отрывки изъ вседневной жизни. Томъ I. *Сочиненіе Графа В. А. Соллогуба*. Въ 8; 421 стран. Спб.

4. *Учебная всеобщая географія*, изданная *Николаемъ Гречемъ*. *Изданіе новое*, исправленное. Три части. Въ 8; 248, 122 и 190 стран. Спб.

5. *Краткая ариѳметика*, служащая къ легчайшему обученію малолѣтнаго юношества, въ вопросахъ и отвѣтахъ состоящая, въ двухъ частяхъ, составлена *Матвѣемъ Максимовымъ* по новѣйшей методѣ, руководствуясь лучшими иностранными писателями по сей части, какъ-то: Франкеромъ, де ла Круа, Беллавенемъ, и проч. *Изданіе третіе*, съ напечатаннаго въ 1841 году, съ дополненіемъ. Въ 12; 156 стран. Моск.

6. *Физіологія*, изданная для руководства своихъ слушателей *Алексѣемъ Филомаѳитскимъ*. *Изданіе второе*, исправленное. Часть I. Въ 8; 370 стран. Моск.

О ЧТЕНІИ ДЛЯ ДѢТЕЙ ПЕРВАГО ВОЗРАСТА,

новомъ сочиненіи А. О. Ишимовой.

Книга, подъ названіемъ: *Чтеніе для дѣтей перваго возраста, сочиненіе Александры Ишимовой*, только-что вышла изъ печати. Въ ней содержится 412 стран. въ 12 д. л. Три прелестныя картинки, для которыхъ предметы взяты изъ текста, украшаютъ книгу. Но существенное достоинство ея составляютъ самыя пьесы, въ ней помѣщенныя. Разнобразныя формы ихъ: расказы, разговоры, описанія, разсужденія, повѣсти и проч., только прикрываютъ полезные уроки и развитіе знаній, столь трудныхъ для дѣтей перваго возраста. Сочинительница, въ предисловіи своемъ, говоритъ, что она старалась тутъ соединить приготовительныя свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобы въ дѣтяхъ свободно совершилось душевное и умственное развитіе, безъ котораго всѣ послѣдующія знанія безполезны. Какая важная истина для родителей заключается въ

этихъ короткихъ словахъ! Ученіе во второмъ возрастѣ дѣтей не принесетъ имъ никакой пользы, если первые уроки не приготовили души ихъ къ воспріятію полныхъ представленій, идей и самыхъ истинъ. Способъ развитія наукъ, ясность и точность ихъ опредѣленія, привлекательный языкъ и тонъ преподаванія — уже извѣстно, до какаго совершенства все это доведено сочинительницею, написавшею столько книгъ, которыя, можно сказать, однѣ и служатъ незамѣнимо при воспитаніи, и четвертый годъ издающею превосходный журналъ (Звѣздочку), двумя отдѣленіями своими удовлетворяющій потребности старшаго и младшаго возраста. Въ новомъ ея сочиненіи особенно достойны вниманія и даже удивленія тѣ статьи, въ которыхъ она для начинающихъ развиваетъ Географію, Исторію, Ариѳметику и даже Грамматику. Книги, по достоинству внутреннему, равной новому сочиненію А. О. Ишимовой, мы не знаемъ на другихъ языкахъ.

ДЛЯ НОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ НА СОВРЕМЕННИКЪ 1845 ГОДА.

Александръ Сергѣевичь Пушкинъ основалъ *Современникъ* и началъ издавать его съ 1-го Генваря 1836-го года. Журналъ выходилъ тогда, какъ нѣкоторыя изъ *Англійскихъ Обозрѣній*, *четыре раза въ годъ* и содержалъ въ каждомъ томѣ, или номерѣ, *двадцать печатныхъ листовъ*. По сравненію съ другими Русскими журналами многимъ казалось, что объемъ *Современника* не современенъ. *Пушкинъ* думалъ иначе. Онъ лучше всѣхъ зналъ, сколько у насъ истинно-ученыхъ людей и сколько писателей съ несомнѣнными дарованіями. Не предназначая открыть свое изданіе всѣмъ и каждому, а только желая сохранить въ немъ изъ современнаго одно достойное вниманія просвѣщенныхъ читателей, онъ не измѣнилъ первой своей мысли — и *Современникъ*, окруженный книгопродавческими изданіями, сдѣлался единственнымъ пріютомъ, достойнымъ немногихъ избранныхъ. Въ немъ языкъ, тонъ суж-

денiй, слогъ, основныя начала мыслей, выборъ предметовъ — все сохраняло принадлежности лучшихъ талантовъ и лучшаго общества. Въ началѣ 1837 года скончался *А. С. Пушкинъ*. Его друзья, *В. А. Жуковскiй и Князь П. А. Вяземскiй*, соединивши труды свои съ трудами нѣкоторыхъ другихъ литераторовъ, издавали *Современникъ* въ продолженiе *1837 года* по плану и въ объемѣ основателя его. Изданiе этаго года, по ихъ желанiю, обращено было въ пользу семейства *Пушкина*. Нынѣшнiй издатель и редакторъ *Современника*, *П. А. Плетневъ*, принялъ прямо отъ нихъ этотъ журналъ въ исключительное свое завѣдыванiе, Первый томъ его редакцiи *Современника* явился 1-го Генвари 1838 года. Редакторъ, ни въ чемъ не отступивъ отъ направленiя, сообщеннаго журналу *Пушкинымъ*, ввелъ только необходимую полноту въ библiографiи, такъ что въ *Современникѣ* помѣщаются теперь отзывы *непремѣнно* о каждой новой Русской книгѣ. Въ такомъ видѣ, со всею исправностiю перiодическаго изданiя, *Современникъ* продолжался подъ новою редакцiею ровно *пять лѣтъ*, т. е. до конца 1842 года. Находя болѣе выгоднымъ для читателей получать своевременно извѣщенiя о новыхъ книгахъ и самыя произведенiя лучшихъ авторовъ, какъ и прежде постоянно участвовавшихъ въ *Современникѣ*, *Плетневъ* рѣшился издавать свой журналъ ежемѣсячно, ничего не измѣняя въ сущности его и не увеличивая годовой платы за полученiе *Современ-*

чика. Номеръ или книжку, выходящую въ 1-ое число каждаго мѣсяца, опредѣлено составлять изъ *семи печатныхъ листовъ.* Изъ такихъ трехъ номеровъ выходитъ одинъ прежній томъ. Въ этомъ видѣ въ первый разъ изданъ былъ *Современникъ* 1-го Генваря 1843 года. Такъ онъ продолжаемъ былъ безъ измѣненій въ теченіе 1843 и 1844 г.

Для любителей избраннаго чтенія, заботливо собирающихъ лучшія сочиненія, теперь, изъ всѣхъ книжекъ *Современника*, вышедшихъ въ продолженіе *девяти лѣтъ*, составилось *36 томовъ* чтенія поіятнаго, разнообразнаго, полезнаго и вполнѣ удовлетворяющаго ихъ образованному уму и разборчивому вкусу. Будущій историкъ Русской литературы, изучая у насъ движеніе *Наукъ и Изящной Словесности* въ послѣднее передъ симъ десятилѣтіе, въ *Современникѣ* найдетъ не только полную картину умственной жизни Россіи, но и первоначальное появленіе сочиненій тѣхъ авторовъ, которыхъ трудами процвѣтаетъ Литература наша. Вотъ указатель, когда и кто въ *Современникѣ съ 1836 до 1845 года* помѣщалъ сочиненія свои изъ тѣхъ Лицъ, которыхъ имена уже принадлежатъ *Исторіи Наукъ, или Изящной Словесности.*

В. А. Жуковскій 1836, 1837, 1838, 1840, 1842, 1843 и 1844. *А. С. Пушкинъ* 1836. *Найденныя по смерти его сочиненія, которыя онъ не успѣлъ напе-*

чатать, помѣщены въ Современникѣ 1837, 1838, 1839 и 1841. *Такимъ же образомъ напечатана въ Современникѣ* 1837 *рукопись Н. М. Карамзина: «О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ до смерти Екатерины II.» Д. И. Давыдовъ* 1836. *Князь П. А. Вяземскій* 1836, 1837, 1838, 1842 и 1844. *Е. А. Баратынскій* 1836, 1837, 1838, 1839, 1840, 1841, 1842, 1843 и 1844. *Ѳ. Н. Глинка* 1837, 1838, 1841, 1842. 1843 и 1844. *Г. Ѳ. Квитка (Основьяненко)* 1838, 1839, 1840, 1841 и 1842. *М. Ю. Лермонтовъ* 1837 и 1838. *О. П. Шишкина* 1837 и 1840. *Н. М. Языковъ* 1836, 1837, 1841, 1842, 1843, и 1844. *М. П. Погодинъ* 1837. *А. О. Ишимова* 1837, 1838, 1839, 1840 и 1841. *А. П. Зонтахъ* 1838. *А. А. Подолинскій* 1837. *С. П. Шевыревъ* 1837. *М. Н. Загоскинъ* 1837. *Графиня Е. П. Ростопчина* 1837, 1838, 1839, 1840, 1841, 1842 и 1843. *Князь В. Ѳ. Одоевскій* 1836, 1837, 1839 и 1843. *В. Г. Бенедиктовъ* 1837, 1838 и 1841. *А. Н. Муравьевъ* 1836 и 1837. *В. И. Даль (Луганскій)* 1837, 1838, 1839 и 1842. *Н. В. Гоголь* 1836 и 1842. *Графъ В. А. Соллогубъ* 1838.

Въ послѣдствіи времени приведены здѣсь будутъ имена и тѣхъ Особъ, которыя учеными, или литературными своими трудами постоянно участвовали въ составленіи *Современника*, но — еще не издавъ отдѣльно собранія сочиненій своихъ, или только недавно представивши опыты счастливыхъ своихъ

талантовъ, либо ученыхъ успѣховъ — не утвердили за собою общенародной извѣстности.

Духъ, направленіе и характеръ *Современника* можно выразить словами: *самобытность*, *истина* и *безпристрастіе*. Никогда не увлекался онъ тѣмъ, что въ модѣ, хоть это лучшій способъ къ наружному успѣху журнала. Онъ положилъ въ основаніе ученія своего начàла чистыя, вѣчныя, которыми поддерживается и животворится общественный и частный человѣкъ. Согласить волю съ мыслію, желаніе съ необходимостію и пролить въ душу свѣтъ, хранимый *религіею*, *нравственностію и идеею человѣчества* — вотъ что занимало усилія редакціи. Она тщательно искала гармоніи между своими основаніями и дополненіями къ нимъ изъ литературъ иностранныхъ. Скандинавскій міръ, куда еще не заглядывали издатели другихъ журналовъ, довольствуясь-пока противохудожественными новостями міра Франціи, Скандинавскій міръ преимущественно представилъ *Современнику* въ лучшихъ писателяхъ своихъ эту гармонію между его ученіемъ и ихъ благотворными правилами. Потому-то писатели Скандинавскаго сѣвера и вошли въ него какъ дополненіе къ господствующимъ въ немъ началамъ. Въ послѣднее время даже помѣщены въ немъ цѣлые два романа: Шведской писательницы Фредерики Бремеръ — *Семейство* и Датскаго сочинителя Андерсена — *Импровизаторъ*. Оба эти произведе

нія представляютъ въ частяхъ своихъ рядъ плѣнительныхъ картинъ, связанныхъ только легкою нитью повѣствованія. Между-тѣмъ въ каждой Главѣ есть полное изображеніе: у Бремеръ — сценъ домашней жизни ея соотечественниковъ, а у Андерсена жизни поэта-художника въ Италіи. Все это, по духу, направленію и краскамъ, въ совершенной противоположности съ такъ называемою *неистовою школой* модныхъ романистовъ.

Въ отношеніи къ Наукамъ и Критикѣ *Современникъ* дорожитъ единственно истиною и совершенствомъ. Приводя все къ источнику ихъ — высшему воззрѣнію свѣтлаго ума и красотѣ Природы, онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ спокойно доходитъ до главнаго назначенія Литературы — распространенія общеполезныхъ знаній и укрѣпленія доблесныхъ чувствованій. Все ложное, только кажущееся для одностороннихъ людей справедливымъ, все мелкое, оскорбляющее личность безъ вліянія на общественное благо, все неблагородное, недостойное призванія людей, посвящающихъ жизнь совершенствованію себя и другихъ, отвергнуто *Современникомъ* — и не находило въ немъ мѣста.

Вступая въ *десятый* годъ существованія своего, *Современникъ* въ 1845 году останется во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣннымъ. Издатель и редакторъ его, равно какъ и сотрудники, употребятъ всѣ уси-

лія, чтобы журналъ сохранилъ духъ, направленіе и характеръ, отличавшіе его отъ другихъ изданій съ первыхъ страницъ незабвеннаго его Основателя до конца 1844 года.

За 12-ть Номеровъ въ годъ платится: безъ пересылки 7 р. 15 к. сер. (25 р. ас.), а съ пересылкою во всѣ города 8 р. 60 к. сер. (30 р. ас.)

Подписка принимается на 1845 годъ: 1. въ Газетной Экспедиціи Спб. Почтамта; 2. у Дѣйст. Ст. Сов. *Петра Александровича Плетнева*, издателя и редактора *Современника*, въ Спб. Университетѣ, и 3. у всѣхъ Спб. книгопродавцевъ.

=

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПЕРЕМѢНѢ ВЪ ИЗДАНІИ

ЖУРНАЛА ДЛЯ ДѢТЕЙ

ЗВѢЗДОЧКА.

Въ продолженіе трехлѣтняго существованія Звѣздочки, Редакція ея убѣдилась въ необходимости сдѣлать для пользы читателей нѣкоторыя измѣненія въ изданіи этаго Журнала. Неудобства, вынуждающія Издательницу къ этимъ измѣненіямъ, суть слѣдующія:

Состоя изъ *четырехъ* печатныхъ листовъ, Звѣздочка раздѣляется на два Отдѣленія, изъ которыхъ *первое*, заключающее въ себѣ *три* листа, назначено для дѣтей старшаго возраста, т. е. лѣтъ 13, 14, 15 и даже 16-ти, *второе* же — для маленькихъ отъ 5-ти и 6-ти, до 12-ти лѣтняго возраста. Это послѣднее Отдѣленіе, имѣя не болѣе однаго остальнаго листа Журнала, не можетъ вмѣщать въ себѣ

всего того, что могло бы быть каждый мѣсяцъ расказано дѣтямъ *младшаго* возраста, и что не можетъ быть перенесено въ Отдѣленіе *старшаго*, потому-что заняло бы ихъ расказами не интересными для нихъ. Это неудобство для читателей соединяется съ другимъ неудобствомъ для родителей: подписываясь на Журналъ для однаго какаго-либо возраста, къ которому принадлежатъ ихъ дѣти, они получаютъ цѣлое Отдѣленіе, для нихъ ненужное, и тѣмъ болѣе, если дѣти ихъ еще въ такихъ лѣтахъ, что могутъ читать только одно Отдѣленіе для маленькихъ.

Войдя такимъ образомъ въ расмотрѣніе этихъ неудобствъ и стараясь, сколько возможно, удовлетворить желаніямъ родителей, Редакція рѣшилась издавать оба Отдѣленія Журнала своего отдѣльными книжками, изъ которыхъ каждая будетъ состоять изъ *трехъ* листовъ. Оба Отдѣленія, нося одно общее названіе «Звѣздочка», будутъ называться еще: первое, *Отдѣленіемъ старшаго возраста*; второе — *Отдѣленіемъ младшаго возраста*. Подписываться можно будетъ отдѣльно для однаго какаго-либо возраста, или для обоихъ вмѣстѣ. Цѣна *три рубля серебромъ* за каждое Отдѣленіе; за пересылку прилагается къ каждому Отдѣленію *пять руб. ассиг.* если они выписываются отдѣльно; но подписавшіеся на оба вмѣстѣ платятъ *шесть руб. сер.*

за Журналъ, и только *пять руб. ассиг.* за пересылку.

Кромѣ этаго раздѣленія на отдѣльныя книжки и возможности подписываться на каждое Отдѣленіе особо, Журналъ Звѣздочка остается совершенно неизмѣннымъ первому плану своему, о которомъ объявлено было при началѣ изданія его (Современ. т. XXV, стран. 120, *третьей нумераціи*), и по которому статьи его размѣщаются въ слѣдующихъ видахъ:

I. Описанія любопытнѣйшихъ произведеній природы, художествъ, и всего, что въ общежитіи по самому свойству людей, или по отношенію къ умственнымъ ихъ потребностямъ сдѣлалось необходимымъ, особенно, что ближе къ намъ Русскимъ и необходимѣе для насъ.

II. Раскaзы изъ Исторіи всеобщей, Русской и отдѣльной знаменитыхъ лицъ. Здѣсь наиболѣе обращается вниманіе Редакціи на то, чтобы занимательностію представленій напитать душу молодыхъ читателей любовію къ наукѣ, важнѣйшей для ума и сердца — Исторіи. Равнымъ образомъ событія въ мірѣ физическомъ, назидательныя повѣствованія о перемѣнахъ на земномъ шарѣ войдутъ въ это же Отдѣленіе.

III. Повѣсти. Здѣсь предназначено преимущественно дѣйствовать на образованіе сердца, вкуса и слога дѣтей. Ничто переувеличенное, неправдоподобное, противорѣчащее природѣ, или истинѣ, оставляющее вредныя и даже ошибочныя представленія въ умѣ и воображеніи, никогда не найдетъ здѣсь мѣста. Изъ одной дѣйствительности и естественности, если только изображать ее точными и живыми красками, столько можно извлечь поразительнаго и врѣзывающагося въ человѣческое сердце, что Редакція никакаго не видитъ побужденія обременять воображеніе дѣтей прихотями испорченнаго вкуса.

IV. Стихотворенія. Единственно для изощренія памяти дѣтей Редакція помѣщаетъ избранныя коротенькія стихотворенія, соблюдая строжайшій выборъ. Извѣстно уже, что память необыкновенно укрѣпляется, когда ее занимаютъ. Распространяя это пособіе въ дѣлѣ образованія па успѣхи дѣтей въ иностранныхъ языкахъ, Редакція печатаетъ нѣкоторыя стихотворенія, достойныя быть извѣстными, кромѣ Русскаго, на Нѣмецкомъ, Англійскомъ и Французскомъ языкахъ.

V. Новости. Чтобы дѣти, въ своемъ кругу, не лишены были извѣстія о любопытнѣйшемъ и для нихъ нужнѣйшемъ въ современности, здѣсь расказывается о появляющихся лучшихъ дѣтскихъ

книгахъ и другихъ произведеніяхъ ума и вкуса, сколько могутъ они возбуждать вниманіе въ ихъ возрастѣ.

VI. Смѣсь. Здѣсь помѣщается все, что не имѣетъ отношенія къ прежнимъ отдѣламъ Журнала, но что̀ надобно довести до свѣдѣнія молодыхъ читателей.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ:

1. У Издательницы А. О. Ишимовой на В. О. на Маломъ проспектѣ между 5 и 6-й линіями въ домѣ Алексѣева.

2. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, и

3. У всѣхъ книгопродавцевъ, въ С. Петербургѣ.

ГАСТИБЕЛЬЗА.

Изъ В. Гюго.

Гастибельза тяжелую кручину
Такъ выражалъ:
О! кто знавалъ прекрасную Сабину,
О! кто знавалъ?
Пора плясать! изъ-за дубравы чёрной
Луна плыветъ,
А вѣтръ меня, а вѣтръ меня нагорный
Съ ума сведетъ.

Никто изъ васъ не зналъ мою Сенору ——
Такъ расказать:
Ея отецъ въ полуночную пору
Шелъ колдовать.
И былъ свирѣпъ какъ ростовщикъ.....,
И былъ уродъ —
А вѣтръ меня, а вѣтръ меня нагорный,
Съ ума сведетъ.

О, пользуйтесь! не вѣчно ликованье;
Всему череда!

Она была бѣла какъ изваянье
И молода.
Прошу подать! съ котомкой незазорной
Слѣпой идетъ.
А вѣтръ меня, а вѣтръ меня нагорный
Съ ума сведетъ.

Повѣрьте мнѣ, торговка не бранится
На площади,
И Альгвазилъ отвѣтить постыдится:
Ты подожди — —
Когда она съ улыбкой чудотворной
Къ нимъ подойдетъ.
А вѣтръ меня, а вѣтръ меня нагорный
Съ ума сведетъ.

Король сказалъ, увидѣвъ молодую,
И слышалъ Дворъ:
«За поцѣлуй, за косу золотую,
За ясный взоръ
Я отдалъ бы и свой дворецъ просторный
И свой народъ».
А вѣтръ меня, а вѣтръ меня нагорный
Съ ума сведетъ.

Я не сказалъ про страстное влеченье — —
И какъ же смѣть!
Но я скажу, что ей бы въ угожденье
Готовъ сидѣть
И подъ замкомъ и на цѣпи позорной
Хоть цѣлый годъ.

А вѣтръ меня, а вѣтръ меня нагорный
Съ ума сведетъ.

Въ какой-то день — и небо было ясно,
И лугъ въ цвѣтахъ,
И стаи птицъ журчали сладкогласно
Въ густыхъ вѣтвяхъ —
Она, при мнѣ, краснѣя непритворно,
Пустилась въ-бродъ;
А вѣтръ меня, а вѣтръ меня нагорный
Съ ума сведетъ.

И притаясь за купами сирени,
Я видѣть могъ
И мягкія, упругія колѣни
И жилки ногъ.
И если бы баскиньею узорной
И пѣной водъ.....
А вѣтръ меня, а вѣтръ меня нагорный
Съ ума сведетъ.

Къ концу расказъ. Внезапно пріѣзжаетъ
Маркизъ Лара́.
Онъ ластится и много обѣщаетъ
Ей серебра. — —
Пора плясать! изъ-за дубравы чёрной
Луна плыветъ,
А вѣтръ меня, а вѣтръ меня нагорный
Съ ума сведетъ.

Позвольте мнѣ — больная грудь устала —
На-мигъ присѣсть.

И-такъ она съ вельможнымъ убѣжала — —
Куда? Богъ вѣсть!
Куда? Богъ вѣсть! Но этотъ путь безспорно
Въ Мадритъ идетъ.
А вѣтръ меня, а вѣтръ меня нагорный
Съ ума сведетъ.

Она пошла... а у окна сижу я,
Гляжу въ окно — —
Она прошла... и съ той поры твержу я:
Все рѣшено!
Но вотъ и ночь; курится макъ снотворный
И гуще тьма. — —
А вѣтеръ свелъ, а вѣтеръ свелъ нагорный
Меня съ ума.

Д. Коптѣвъ.

Москва.
27 Ноября, 1844.

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГІЯ.

Какъ скучно мнѣ! Безъ жизни, безъ движенья
Лежатъ поля, снѣгъ хлопьями летитъ;
Безмолвно все; лишь грустно въ отдаленьи
Пѣснь запоздалая звучитъ.

Мнѣ тяжело. Уныло потухаетъ
Холодный день за дальнею горой.
Что душу мнѣ волнуетъ и смущаетъ?
Мнѣ грустно: боленъ я душой!

Я здѣсь одинъ; тяжелое томленье
Сжимаетъ грудь; ряды нестройныхъ думъ
Меня тѣснятъ; молчитъ воображенье,
Изнемогаетъ слабый умъ!

И мнится мнѣ, что близко, близко время —
И я умру въ разгарѣ юныхъ силъ...
Да! эта мысль мнѣ тягостна, какъ бремя:
Я жизнь такъ нѣкогда любилъ!

Да! тяжело намъ съ жизнью разставаться....
Но близокъ онъ, нашъ грозный смертный часъ;
Сомнѣнья тяжкія намъ на душу ложатся:
Богъ вѣсть, что ждетъ за гробомъ насъ...

М. Салтыковъ.

1843.

ПОПРАВКА.

На 6 стран. этаго Номера начинающіяся въ 14-ой строкѣ слова: «*и домашнее горе тяжело лежитъ на сердцѣ*» должны стоять въ 12-ой строкѣ, передъ словами: «*но съ ея искуствомъ* и проч.».

ДЕРЖАВИНЪ.

Громкая правдою лира,
Духа печать, не умретъ.
. . . .
Въ книгахъ, какъ въ стёклахъ, возжгуся;
Узрятъ далече мой духъ.

Державинъ (*Издателю моихъ пѣсенъ*).

Потомство грозный судія:
Оно разсматриваетъ лиры.

Онъ же (*Мой истуканъ*).

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Около тридцати лѣтъ прошло уже со времени смерти Державина; а какъ еще мало сдѣлано для изученія его! Общее мнѣніе признаетъ въ немъ самаго геніальнаго поэта Россіи; въ послѣдніе годы стали болѣе и болѣе читать его: между двумя первыми изданіями сочиненій Державина протекла цѣлая четверть вѣка (1808—1833), а отъ втораго до третьяго минуло только десятилѣтіе *. Но до сихъ

* Изданіе 1798 года, какъ очень неполное и невѣрное, здѣсь не берется въ расчетъ.

поръ онъ каждый разъ былъ издаваемъ въ такомъ неудобномъ видѣ, что чтеніе его еще не могло распространиться въ той степени, какой должно бы достигнуть. Издавна ведется обыкновеніе располагать произведенія поэзіи по родамъ ихъ: это порядокъ самый неестественный и котораго выполненіе, въ строгомъ смыслѣ, даже невозможно. Талантъ, въ минуту творчества, не можетъ заключить себя въ тѣсной рамкѣ однаго какаго-нибудь рода; онъ забываетъ всякое указное размежеваніе въ области поэзіи, и произведеніе его не всегда принадлежитъ исключительно къ тому, а не къ другому разряду. Въ собраніи сочиненій Пушкина *пѣсни* отдѣлены отъ *лирическихъ стихотвореній*, *посланія* также составляютъ особый отдѣлъ. Но развѣ пѣсни относятся не къ лирической же поэзіи, и развѣ въ посланіяхъ элементы ея не могутъ быть также преобладающими? Стихотворенія Державина издатели «раздѣлили на четыре части, изъ коихъ *первая* заключаетъ въ себѣ стихотворенія духовныя и философическія; *вторая* — посвященныя славѣ Отечества, его Царей и оружія, и разнымъ торжественнымъ случаямъ; *третья* — писанныя въ родѣ Анакреона, также подражанія другимъ древнимъ поэтамъ и піэсы анѳологическія; наконецъ *четвертая* — драматическія произведенія.» Но во-первыхъ это раздѣленіе не могло быть въ точности соблюдено, и въ двухъ первыхъ частяхъ мы находимъ многія пьесы, которыя равно могутъ быть отнесе-

ны и къ той и къ другой. Во-вторыхъ въ этомъ раздѣленіи нѣтъ однаго общаго основанія. Въ двухъ первыхъ частяхъ началомъ дѣленія служитъ содержаніе пьесъ; но къ третьей между прочимъ отнесены вообще подражанія древнимъ (хотя такія подражанія встрѣчаются и въ 1-й части), а въ 4-й за основаніе принята форма произведеній, тогда-какъ по содержанію многія изъ помѣщенныхъ тутъ пьесъ должны бы относиться ко 2-й части (какъ написанныя на торжественные случаи).

Сверхъ того спрашивается: какая цѣль дѣленія сочиненій по родамъ? Кто же изъ читателей такъ не смышленъ, что самъ не сумѣетъ отличить пѣсни отъ оды и оды отъ посланія? И что ему за дѣло, къ какому разряду сочиненій преподаватели піитики относятъ то, въ чемъ онъ ищетъ только удовлетворенія эстетическому чувству, мысли и сердцу? Въ стихотвореніяхъ, распредѣленныхъ такимъ образомъ, не видно между каждымъ предыдущимъ и каждымъ послѣдующимъ никакой иной связи, кромѣ внѣшней или случайной; читать ихъ подъ-рядъ не возможно безъ утомленія, именно потому, что они въ совокупности своей не представляютъ непрерывной цѣпи или какаго-нибудь постепеннаго развитія. Если такой порядокъ принятъ для того, чтобы облегчить читателю пріисканіе пьесъ, то и эта цѣль остается не достигнутою: распредѣленіе ихъ по родамъ, какъ ужъ замѣчено,

всегда бываетъ болѣе или менѣе произвольно, и то, что̀ издатель отнесъ къ одному классу, читатель такъ же справедливо можетъ относить къ другому. Притомъ, въ длинномъ ряду стихотвореній, хотя и однаго отдѣла, не всегда легко бываетъ найти то, котораго ищешь. Для облегченія пріисканія ихъ есть средство гораздо проще и вѣрнѣе, именно — такое оглавленіе, гдѣ бы всѣ они означены были въ алфавитномъ порядкѣ, смотря или по заглавію ихъ, или по начальному стиху.

Самый естественный и самый удобный способъ размѣщенія трудовъ поэта есть порядокъ хронологическій. Для сужденія не только о каждомъ отдѣльномъ произведеніи его, но обо всемъ ходѣ его дѣятельности, объ окончательной степени развитія его таланта необходимо знать, что̀ написано имъ прежде и что̀ послѣ. Безъ этаго условія изученіе поэта теряетъ всю свою занимательность и даже становится невозможнымъ. Какой приговоръ можно произнести о поэтѣ, видя сряду два стихотворенія его чрезвычайно различнаго достоинства и не зная, что они относятся къ двумъ весьма отдаленнымъ одна отъ другой эпохамъ его жизни? Каждое произведеніе истиннаго поэта есть результатъ всего предшествовавшаго бытія его и служитъ мѣрою той степени развитія, на которой онъ стоитъ въ минуту творчества. Иначе говоря, каждое произведеніе есть фактъ въ исторіи таланта, болѣе или

менѣе важный для наблюдателя. Когда дѣло идетъ о поэтѣ, достойномъ изученія, то надобно позаботиться и о средствахъ сдѣлать такое изученіе возможнымъ. Расположенные въ хронологическомъ порядкѣ, труды поэта представляютъ цѣлое съ началомъ и концомъ, любопытную исторію возрастанія или упадка таланта, которая съ одной стороны необходима для вѣрной оцѣнки его, а съ другой можетъ послужить важнѣйшимъ матерьяломъ для полной его біографіи.

Всѣ эти истины пріобрѣтаютъ особенную силу въ примѣненіи къ Державину. Большая часть его стихотвореній состоитъ въ самой тѣсной связи то съ внѣшними событіями его жизни, то съ явленіями вѣка, въ которомъ онъ жилъ. Для вѣрной оцѣнки его произведеній необходимо въ точности знать ихъ отношеніе къ дѣйствительности, а слѣдовательно и время, когда каждое изъ нихъ написано. Безъ того многія изъ нихъ теряютъ для читателя всякое значеніе: самыя поэтическія красоты пропадаютъ, когда мысль, ими облеченная, остается неясною. Къ тому же начало поэтической производительности Державина отдѣлено отъ конца ея почти цѣлымъ полувѣкомъ: въ стихотвореніяхъ его должна господствовать большая неровность. Надобно прибавить, что многія изъ нихъ, открывая образъ мыслей, характеръ и даже внѣшнія обстоятельства поэта, составляютъ неоцѣненное дополненіе къ его

жизнеописанію. Тѣмъ еще нужнѣе видѣть его созданія въ хронологической послѣдовательности.

Самъ Державинъ не подумалъ объ этомъ и, издавая свои сочиненія, въ 1808 году, расположилъ ихъ въ порядкѣ, сходномъ съ тѣмъ, какой въ послѣдствіи приняли его издатели. Къ счастію, однако жъ, онъ передалъ друзьямъ своимъ замѣтки, показывающія намъ годы, когда большая часть его стихотвореній была написана. *Ключь къ сочиненіямъ Державина*, изданный Остолоповымъ, и *Объясненія*, напечатанныя Львовымъ, это два въ высшей степени важныя пособія для исторіи Русской литературы. Кромѣ любопытныхъ комментаріевъ къ главнымъ сочиненіямъ Державина и дополнительныхъ подробностей къ исторіи трехъ царствованій, изъ книжекъ Остолопова и Львова можно извлечь двоякую пользу: съ помощію ихъ можно во-первыхъ приготовить хронологическое изданіе стихотвореній Державина, во-вторыхъ дополнить его біографію многими чрезвычайно любопытными чертами, разсѣянными въ обѣихъ книжкахъ.

До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не сдѣлалъ надлежащимъ образомъ ни того, ни другаго. Виноваты въ томъ отчасти сами издатели этихъ пособій. Въ нашей литературѣ вообще рѣдко являются книги, которыя бы не только по своему содержанію, но и по всѣмъ условіямъ исправнаго составленія, впол-

нѣ удовлетворяли требованіямъ внимательнаго читателя. Иногда книга сама по себѣ хороша; но къ ней не приложено даже оглавленія, не говоря уже о другихъ указаніяхъ, необходимыхъ къ тому, чтобы ею можно было воспользоваться не для однаго только поверхностнаго прочтенія. Не такъ издаютъ книги въ Германіи и другихъ просвѣщенныхъ странахъ. Сознавая вполнѣ заслугу Остолопова и Львова относительно изученія Державина, должно однако жъ замѣтить, что оба они могли бы гораздо тщательнѣе приноровить свои объясненія къ удобству читателя. Каждый, кто обращался съ этими комментаріями, знаетъ по опыту, какъ затруднительно пріисканіе въ нихъ желаемаго объясненія, тѣмъ болѣе, что никогда нѣтъ возможности увѣриться напередъ, упомянуто ли тамъ о томъ, или другомъ стихотвореніи.

Неудобство изданія, какъ самыхъ сочиненій Державина, такъ и примѣчаній къ нимъ, конечно составляетъ одну изъ главныхъ причинъ того, что нашъ великій поэтъ доселѣ не изученъ надлежащимъ образомъ и что даже его все еще не довольно читаютъ. Никакъ нельзя приписывать этаго только небрежному, или отчасти устарѣлому языку его: красоты поэзіи Державина и значеніе его въ исторіи вѣка Екатерины, какъ и въ исторіи Русской литературы, таковы, что онъ, не смотря ни на какія преобразованія въ языкѣ, всегда сохранитъ неотъемлемыя права на вниманіе потомства.

Читая Державина, я не разъ испытывалъ, какъ трудно, при изложенныхъ неудобствахъ, обозрѣть его поэтическую дѣятельность во всемъ ея обширномъ объемѣ. Это наконецъ побудило меня приступить къ составленію хронологическаго списка сочиненіямъ Державина *. При этой работѣ открылись между *Ключемъ* Остолопова и *Объясненіями* Львова разныя несогласія. Для разрѣшенія, чье показаніе справедливѣе, я руководствовался критикою, основанною частію на ихъ же примѣчаніяхъ, частію на другихъ пособіяхъ, какія могъ отыскать. Годы нѣкоторыхъ стихотвореній не означены ни у Остолопова, ни у Львова: я старался самъ опредѣлить ихъ либо по другимъ вѣрнымъ указаніямъ, либо по разнымъ соображеніямъ. Такимъ образомъ почти не осталось такихъ стихотвореній, относительно которыхъ не льзя бы было хоть приблизительно сказать, когда они написаны.

* Когда эта статья уже была готова, увидѣлъ я въ первый разъ послѣднее изданіе Державина. Здѣсь сочиненія его размѣщены опять въ прежнемъ порядкѣ; къ нимъ приложены: біографія Державина, написанная г-номъ Савельевымъ, и хронологическій списокъ произведеніямъ нашего поэта. Я подумалъ-было, не напрасно ли я послѣ того трудился надъ своимъ спискомъ; однако съ перваго же взгляда на составленный г-номъ С. замѣтилъ, что онъ неудовлетворителенъ: онъ начинается стихотвореніемъ *Успокоенное невѣріе*, противъ котораго выставленъ 1771-й годъ, тогда-какъ изъ сохранившихся сочиненій Державина цѣлыхъ пять пьесъ относятся къ 1770-му году. Далѣе въ списокъ *статей, неизвѣстно когда написанныхъ*, включены г-номъ С. многія стихотворенія, которыхъ эпоху, какъ увидятъ читатели, очень легко опредѣлить.

При чтеніи трудовъ Державина въ хронологическомъ порядкѣ, я какъ будто вновь знакомился съ ними: такъ занимательность ихъ отъ этаго увеличивается. Какъ обстоятельства его жизни служатъ часто къ объясненію стиховъ его, такъ и на оборотъ произведенія Державина бросаютъ безпрестанно свѣтъ на его біографію и характеръ. Собственно говоря, у него жизнь и поэзія такъ тѣсно соединены между собою, что ихъ невозможно отдѣлять, и разсматривать ихъ должно не иначе, какъ совокупно. Цѣль настоящаго труда и есть именно— представить опытъ такаго разсмотрѣнія главныхъ явленій жизни Державина въ связи съ развитіемъ его необыкновеннаго таланта. Но я могу представить не болѣе, какъ *опытъ*, потому-что собираніе всѣхъ матерьяловъ, нужныхъ для полной біографіи Державина, потребовало бы цѣлыхъ годовъ, а для живущаго не въ столицѣ оно было бы даже сопряжено съ препятствіями неодолимыми. Да и вообще не наступило еще время для составленія полной біографіи Державина. Предоставимъ это потомкамъ нашимъ, а сами будемъ довольствоваться стараніемъ облегчить средства къ дальнѣйшему изученію славнаго поэта. *

* По окончаніи этой статьи, находясь въ Петербургѣ, узналъ я, что для жизнеописанія Державина есть неоцѣненный матерьялъ: собственноручно имъ написанная автобіографія, которою онъ занимался подъ-конецъ жизни. Эта рукопись хранится у родственника Державиныхъ, г. Тайнаго Совѣтника К. М. Бороздина. По его благосклонности, я имѣлъ случай видѣть ее: она составляетъ тол-

Въ изложеніи своемъ буду иногда упоминать и о такихъ обстоятельствахъ, которыхъ не удалось мнѣ еще привести въ совершенную извѣстность, для того, чтобы по крайней мѣрѣ обратить на нихъ вниманіе критиковъ. *Замѣтки*, *выписки*, *вопросы*— таковъ будетъ общій составъ предлагаемыхъ статей.

ПЕРВАЯ ЭПОХА.

Тридцать четыре года жизни.

1. До двадцатисемилѣтняго возраста.

Оренбургская школа и Казанская гимназія — Солдатская жизнь въ Петербургѣ — Унтеръ-офицеръ — Уничтоженныя стихотворенія.

Въ собраніи сочиненій Державина нѣтъ ни одного стихотворенія старѣе 1770-го года. Причина тому извѣстна. Въ этомъ году къ Москвѣ приближалась чума. Унтеръ-офицеръ Державинъ ѣхалъ

стую тетрадь, очень неразборчиво написанную со множествомъ помарокъ. Дай Богъ, чтобы намѣреніе почтеннаго владѣтеля ея издать столь замѣчательный актъ, скорѣе исполнилось! Къ моему сожалѣнію, я, при одномъ бѣгломъ взглядѣ на эту рукопись, не могъ нисколько воспользоваться ею.

оттуда въ Петербургъ и везъ съ собою толстую кипу своихъ стиховъ. Его задержали въ карантинѣ на Сосницкой заставѣ; надобно было дожидаться, пока окурятъ тетради. Двадцатисемилѣтній поэтъ вышелъ изъ терпѣнія и бросилъ въ огонь всѣ свои бумаги. Такимъ образомъ онъ насъ лишилъ возможности ознакомиться съ первыми опытами его таланта. Посмотримъ, не льзя ли изъ его біографіи извлечь какихъ-нибудь о нихъ свѣдѣній.

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!

восклицаетъ Державинъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ стихотвореній, гдѣ онъ

Поетъ про родину, отечество драгое,

и о томъ,

Какъ время катится въ Казани золотое!

Тамъ родился онъ въ началѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны (3 Іюля 1743 года). Воспитаніе его было чрезвычайно недостаточно. Его мать, урожденная Козлова, сама учила его грамотѣ, и на пятомъ году онъ уже умѣлъ порядочно читать и писать. Изъ двухъ братьевъ онъ былъ старшій. Мать всячески старалась пріохотить маль-

чиковъ къ чтенію, особливо духовныхъ книгъ. Но ни она, ни мужъ ея, армейскій подполковникъ, не были въ состояніи заняться сами дальнѣйшимъ образованіемъ сыновей. По закону надобно было представлять дворянскихъ дѣтей на смотръ къ Губернатору: семилѣтняго Гаврилу и брата его повезли для того въ недавно-построенный Оренбургъ, бывшій тогда центромъ губернскаго управленія, * и тамъ обоихъ отдали въ школу, гдѣ учились дѣти лучшихъ въ краю дворянскихъ фамилій. Но содержатель этой школы, Нѣмецъ Розе, сосланный туда за какой-то проступокъ, не зналъ даже правилъ своего языка: онъ заставлялъ учениковъ только читать, писать да затверживать Нѣмецкіе вокабулы. Не многимъ тутъ могъ воспользоваться Державинъ; но и то важно, что онъ у Розе пріобрѣлъ первыя познанія въ Нѣмецкомъ языкѣ, въ послѣдствіи очень ему пригодившіяся. Здѣсь, сверхъ того, онъ почувствовалъ сильную склонность къ рисованію, и, за неимѣніемъ лучшихъ образцовъ, копировалъ Московскія лубочныя картинки.

Отецъ Державина намѣревался отдать его со временемъ въ Петербургскій кадетскій корпусъ, но умеръ, не успѣвъ исполнить этаго плана. Мальчику тогда былъ только двенадцатый годъ. Неизвѣстно, когда онъ изъ Оренбурга возвратился на родину.

* Казань съ Уфимскою провинціею также отнесена была ко вновь учрежденной Оренбургской губерніи.

Видно только, что обстоятельства и послѣ сильно противились успѣхамъ Державина въ ученіи. Отецъ его оставилъ небольшое имѣніе близъ Казани; но сосѣди стали оспоривать права вдовы на это наслѣдство и заводить съ нею тяжбы. Она принуждена была сама ходить по судамъ и брала съ собою сиротъ, чтобы смягчить людей, отъ которыхъ зависѣла судьба ея семейства. Грубое обхожденіе ихъ съ безпомощною вдовою глубоко оскорбляло сердце старшаго Державина и поселило въ немъ то негодованіе на несправедливость и притѣсненія, которое послѣ такъ рѣзко и краснорѣчиво вырывалось во многихъ его стихотвореніяхъ. Но въ то время онъ еше и не думалъ о стихахъ. Тогдашними его менторами были сперва гарнизонный школьникъ, а потомъ отставной прапорщикъ артиллеріи, достойные преемники Розе: у нихъ онъ съ братомъ учился ариѳметикѣ и геометріи.

Между-тѣмъ, надобно было сиротамъ опять отлучиться изъ Казани, чтобы явиться въ Герольдіи съ доказательствами о дворянствѣ: иначе они не могли быть приняты въ службу. Не смотря на свою бѣдность, заботливая мать повезла ихъ въ Москву и, благодаря одному родственнику, покрыла кое-какъ издержки, съ этою поѣздкою соединенныя.

Тогда въ Москвѣ уже два года существовалъ

Университетъ. Незабвенный вельможа, которому онъ всего болѣе обязанъ былъ своимъ учрежденіемъ, первый Кураторъ его, Иванъ Ивановичь Шуваловъ, вскорѣ распространилъ благотворную дѣятельность свою и на Казань. Тамъ, въ 1758 году, возникла подъ его попечительствомъ Гимназія, и оба брата были записаны въ число ея учениковъ. Вотъ предметы, которые положено было преподавать въ этомъ училищѣ—языки: Нѣмецкій, Латинскій, Французскій и Татарскій; катихизисъ, исторія, нравоученіе, геометрія, фортификація, музыка, рисованіе и танцованіе. Но и тутъ бѣда: за недостаткомъ хорошихъ учителей начальство принуждено было на первый случай довольствоваться людьми въ родѣ первыхъ наставниковъ Державина. За то Директоромъ ново-открытаго заведенія опредѣленъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ Русскихъ того времени, Ассесоръ Михайло Ивановичь Веревкинъ, который въ молодости самъ писалъ стихи, послѣ же съ успѣхомъ трудился для театра, но наибо̀льшую услугу литературѣ оказалъ переводомъ, съ Французскаго языка и съ Нѣмецкаго, множества дѣльныхъ и обширныхъ сочиненій. Подъ покровительствомъ такаго начальника, въ Державинѣ начали примѣтно раскрываться бойкія способности. Не смотря на отдаленность Казани, тамъ водились главныя произведенія тогдашней литературы. Таковы были: оды Ломоносова; трагедіи Сумарокова; «Аргенида, повѣсть героическая, перевелъ съ Латинскаго и

миѳологическими изъясненіями умножилъ Василій Тредьяковскій»; «Приключенія Маркиза Г. или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ, перевелъ съ Французскаго Иванъ Елагинъ»; «приключенія Телемака» и другія. Съ намѣреніемъ выписаны здѣсь такъ подробно нѣкоторыя заглавія: они любопытны потому, что эти, въ то время еще свѣжія, новости литературы доставили первое чтеніе шестнадцатилѣтнему гимназисту. Легко вообразить, съ какою жадностью онъ ими удовлетворялъ своей любознательности. Онѣ же въ первый разъ пробудили въ немъ охоту писать. Онъ «началъ денно и ночно трудиться въ составленіи *стиховъ* и въ сочиненіи *романовъ* или *сказокъ* въ подражаніе вышесказаннымъ образцамъ; но какъ оные были писаны безъ наставника, безъ правилъ, то и было въ нихъ одно смѣшное маранье, котораго молодой сочинитель никому, даже товарищамъ своимъ, не показывалъ, а все раздиралъ и предавалъ огню; нѣкоторые только маленькіе стишки извѣстны были друзьямъ его, съ нимъ воспитывавшимся». Такъ говоритъ Остолоповъ въ краткомъ описаніи жизни Державина, составленномъ по собственнымъ его запискамъ. * Тогда же открылась въ немъ

* Въ Очеркахъ Русской литературы г-нъ Полевой, приводя слова Остолопова, всякій разъ выдаетъ ихъ за слова самаго Державина, перемѣняя третье лицо на первое. Почти такъ же поступилъ г-нъ Савельевъ. Но точно ли Остолоповъ писалъ собственными словами Державина? Ничто не подтверждаетъ того. Предполагаемое изда-

и склонность къ музыкѣ: онъ сталъ поигрывать на скрыпкѣ, но никогда не имѣлъ случая заняться развитіемъ этаго дарованія и въ послѣдствіи совершенно оставилъ музыку.

Между-тѣмъ его талантъ въ рисованіи совершенствовался, и вскорѣ, безъ вѣдома самаго Державина, далъ первое направленіе судьбѣ его въ свѣтѣ. Веревкинъ, поѣхавъ въ Петербургъ, поднесъ Шувалову, какъ главному начальнику Гимназіи, нѣсколько рисунковъ, плановъ и геометрическихъ фигуръ работы своихъ учениковъ. Въ числѣ этихъ опытовъ были и труды Державина, между прочимъ портретъ Императрицы Елисаветы, снятый простымъ перомъ съ гравированнаго эстампа, и описаніе (или изображеніе?) развалинъ древней столицы Болгарскаго царства, находящихся на Волгѣ верстахъ въ стадвадцати отъ Казани *. Веревкинъ, бывъ въ сношеніяхъ съ покойнымъ отцомъ Державина, зналъ, что онъ назначалъ сына въ инженеры, и потому видѣлъ съ удовольствіемъ, какъ способности молодаго человѣка согласовались съ родительскимъ желаніемъ. По предстательству просвѣщеннаго Директора, Державинъ записанъ былъ въ инженеры, надѣлъ кондукторскій мундиръ и подъ руководствомъ

ніе упомянутой автобіографіи поэта будетъ очень важно для повѣрки всего, что написано о Державинѣ.

* Болгары, гдѣ нынѣ село Богородицко-Успенское.

возвратившагося Веревкина готовился на практикѣ къ исполненію будущихъ своихъ обязанностей. Неизвѣстно, по какому поводу вскорѣ перемѣнено было данное Державину назначеніе. Совершенно неожиданно получилъ онъ изъ Петербурга бумаги, по которымъ оказалось, что онъ записанъ рядовымъ въ Преображенскій полкъ и долженъ, не теряя времени, явиться на службу въ столицу. Въ Мартѣ 1762, слѣдовательно на двадцатомъ году жизни, онъ отправился въ полкъ и по бѣдности «принужденъ былъ — какъ раскасываетъ И. И. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ — пойти на хлѣбъ къ семейному солдату *: это значило имѣть съ хозяиномъ общій обѣдъ и ужинъ за условленную цѣну и жить съ нимъ въ одной свѣтлицѣ, раздѣленной перегородкою.» Въ извѣстіяхъ Остолопова сказано только, что Державинъ жилъ съ солдатами въ одной казармѣ между многими женатыми и холостыми. Какъ бы ни было, важно то, что онъ и въ казармѣ продолжалъ, когда только могъ, часто и по ночамъ, свои любимыя литературныя занятія.

Очень любопытно узнать, что предметъ для своихъ стихотворныхъ опытовъ онъ здѣсь прежде

* Москвитянинъ, 1842, No 1. Но Дмитріевъ ошибается, прибавляя, что отецъ «при отпускѣ сына не слишкомъ надѣлилъ его деньгами.» Писавъ по памяти, авторъ забылъ, что Державинъ еще въ 1754 году лишился отца.

всего почерпнулъ изъ солдатскаго быта. Его поразили площадныя прибаски на счетъ каждаго гвардейскаго полка — эти образчики простонародно-воинской замысловатости — и Державинъ сталъ перелагать ихъ на рифмы. Потомъ принялся онъ за Телемака, съ которымъ познакомился еще въ Казани. Тогда не прошло и пятидесяти лѣтъ со времени изданія этой замѣчательной книги, и она была въ большой модѣ. Державинъ, не выучившись въ Гимназіи Французскому языку, зналъ только Русскій переводъ Телемака и сталъ передѣлывать его въ стихи; однако онъ остановился на первыхъ же страницахъ. Замѣчательно, что въ то самое время и Тредьяковскій занимался своимъ пресловутымъ трудомъ. Такимъ образомъ Русская литература едва не пріобрѣла разомъ двухъ Телемахидъ — одной отъ профессора элоквенціи, а другой изъ рукъ молодаго гвардейца. Если бъ Тредьяковскій дожилъ до періода славы Державина, то могъ бы съ гордостью сказать: «Les beaux esprits se rencontrent.»

Но, будучи литераторомъ въ часы досуга, Державинъ въ остальное время раздѣлялъ всѣ обязанности и труды своихъ сослуживцевъ: онъ стоялъ на ротномъ дворѣ въ караулѣ, ходилъ за провіантомъ, разгребалъ снѣгъ около съѣзжей и усыпалъ пескомъ учебную площадку *. Вскорѣ однако жъ на-

* Записки Дмитріева.

шелъ онъ способъ избавиться отъ такихъ тяжелыхъ работъ. «Солдатскія жены,» пишетъ Дмитріевъ, «видя его часто съ перомъ, или за книгою, возымѣли къ нему особенное уваженіе и стали поручать ему писать грамотки (письма) къ отсутствующимъ роднымъ своимъ. Онъ служилъ имъ нѣсколько мѣсяцевъ безкорыстно перомъ своимъ, но потомъ сдѣлалъ имъ предложеніе, чтобъ онѣ за его имъ услуги уговорили мужей своихъ отправлять въ очередь его ротную службу. И жены и мужья на то согласились.»

У покойнаго отца его были въ Петербургѣ покровители: это видно изъ того, что, незадолго передъ смертію намѣреваясь отправиться туда хлопотать о будущей судьбѣ своего сына, онъ отложилъ это путешествіе, когда услышалъ, что знатные люди, ему благодѣтельствующіе, ѣдутъ съ Императрицею въ Москву. Эти покровители отца конечно не оставили и сына, пользовавшагося вниманіемъ Шувалова. И-такъ вѣроятно, что онъ тогда уже былъ вхожъ къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ лицъ, которыя въ послѣдствіи дружескими совѣтами руководили еще неопытнаго поэта. Этимъ знакомствамъ обязанъ онъ былъ возможностію доставать книги. Сочиняя стихи, слѣдовалъ онъ правиламъ, которыя почерпалъ частію изъ иностранныхъ писателей, частію изъ написаннаго Тредьяковскимъ о Русскомъ стихосложеніи; главнымъ же образцомъ служилъ ему Ломоносовъ.

Державинъ переселился въ Петербургъ мѣсяца за три до восшествія на престолъ Екатерины, какъ будто для того, чтобы съ самаго начала Ея царствованія изблизи присмотрѣться къ тому величію и блеску, которые должны были указать ему истинное его призваніе. Нельзя не согласиться, что между духомъ дѣяній Екатерины и духомъ поэзіи Державина было какое-то родство. И въ этомъ родствѣ какъ бы заключалась таинственная сила, неприметно дѣйствовавшая на устроеніе обстоятельствъ. Въ многозначительный для грядущаго день воцаренія Екатерины Преображенскій солдатъ Гаврило Державинъ былъ на караулѣ въ Петергофѣ *, въ томъ дворцѣ, откуда на одну колесницу съ Нею возсѣло и счастіе Россіи.

Осенью того же года коронованіе привело молодаго поэта въ Москву. Съ событіемъ столь достопамятнымъ для всей Имперіи соединился случай, лично для него важный. Одинъ изъ его товарищей былъ произведенъ въ капралы. Будучи старше по службѣ, Державинъ счелъ себя обиженнымъ и смѣло пошелъ къ маіору — Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, чтобы съ нимъ поговорить о томъ. Объясненіе Державина было уважено, и вотъ онъ также сдѣлался *капраломъ*.

* (Запис. Дмитр.) А не въ Зимнемъ Дворцѣ, какъ у насъ обыкновенно расказываютъ, и какъ, наприм., го воритъ г-нъ Гречь въ Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ и литературѣ. Ч. I, стр. 170.

Но вмѣстѣ съ понятнымъ честолюбіемъ въ пылкой душѣ не переставало работать и таинственное предчувствіе ея назначенія. Изъ тѣснаго круга бытія она рвалась къ высшей дѣятельности, къ расширенію знаній, къ славѣ литературной. Графъ Шуваловъ, находясь также въ Москвѣ при коронованіи, собирался въ долгое путешествіе за границу. Благосклонность вельможи, которою уже нѣсколько лѣтъ пользовался Державинъ, пробудила въ немъ мечту о возможности участвовать въ предположенномъ странствованіи. Съ обыкновенною своею смѣлостію онъ объявилъ Шувалову свое желаніе, и знаменитый царедворецъ охотно согласился взять съ собою бывшаго питомца Гимназіи. Но въ тогдашнихъ нравахъ Россіи еще не совсѣмъ изгладились предразсудки временъ до-Петровыхъ. Родственники поэта не раздѣляли его образа мыслей; они ужаснулись отважнаго предпріятія и не дали ему исполниться: Державинъ долженъ былъ упустить важнѣйшій случай къ образованію.

Послѣ того мы не находимъ никакихъ о немъ извѣстій до 1770 года. Его тогдашнее возвращеніе изъ Москвы показываетъ, что не безвыѣздно жилъ онъ въ Петербургѣ. Въ томъ же году умеръ братъ его Андрей, который въ Гимназіи отличался успѣхами въ математикѣ, а потомъ служилъ бомбардиромъ въ Преображенскомъ же полку. Не по этому ли случаю и ѣздилъ Державинъ 1770 года въ Ка-

занъ? О тогдашнемъ проѣздѣ его черезъ Москву осталось одно любопытное свѣдѣніе. Переселившійся туда Сумароковъ не умѣлъ поладить съ тамошнею публикою, и въ отмщеніе за ея насмѣшки сочинилъ басню: *Кукушка.* Услышавъ о томъ, нашъ поэтъ, все еще бывшій только въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ, написалъ на эти стихи небольшую пародію подъ заглавіемъ *Сорока*, которая оканчивалась такъ:

Сорока что совретъ,
То все слыветъ сорочій бредъ.

Эти стихи разошлись по рукамъ съ подписью Г. Д. Желчный Сумароковъ неутомимо доискивался своего тайнаго противника и жестоко отдѣлалъ-было молодаго скромнаго литератора Гаврила Дружерукова; но, узнавъ его невинность, продолжалъ свои разысканія. Другой, на мѣстѣ Державина, старался бы избѣгать гнѣвнаго *піиты;* но Державинъ еще нарочно познакомился съ нимъ и, обѣдая за его столомъ, втихомолку тѣшился тѣмъ, что хозяинъ и не подозрѣвалъ, какъ близко отъ него сидѣлъ предметъ его негодованія *.

Сорока конечно попала также въ тѣ бумаги,

* Этотъ анекдотъ въ Запискахъ Дмитріева расказанъ не совсѣмъ точно. Сравни Соревнов. Просв. и Благотв. 1819, No. 5, *анекдотъ о Сумароковѣ*.

съ которыми Державинъ вскорѣ послѣ того возвращался въ Петербургъ и которыя онъ въ порывѣ нетерпѣнія сжегъ всѣ до одной. Его опыты въ авторствѣ тогда составляли уже нѣсколько толстыхъ тетрадей. Изъ этаго случая можно заключить, что въ ту эпоху Державинъ бралъ съ собою въ дорогу все собраніе трудовъ своихъ. И-такъ онъ по-видимому не совсѣмъ пренебрегалъ своимъ благопріобрѣтеннымъ духовнымъ богатствомъ, и его карантинное ауто-да-фè, явленіе необыкновенное въ біографіи писателей, объясняется только неудержимою пылкостію характера его. Кто знаетъ, не раскаялся ли онъ послѣ въ своей поспѣшности?

По крайней мѣрѣ потомство не можетъ не сожалѣть объ этомъ поступкѣ: кромѣ пародіи на Сумарокова, кромѣ упомянутыхъ переложеній прозы въ стихи, мы не знаемъ содержанія первоначальныхъ произведеній Державина. Чѣмъ трепетало сердце геніальнаго юноши подъ солдатскою шинелью; какими мечтами и думами оно питалось въ казарменной атмосферѣ — это осталось для насъ тайною. Мы лишены драгоцѣнныхъ матерьяловъ для изученія Державина въ лучшемъ возрастѣ жизни, а любопытно было бы прослѣдить ощущенія этой могучей души въ такомъ важномъ періодѣ развитія.

Впрочемъ вѣроятно его тогдашніе труды состояли по большой части въ подражаніяхъ и пе-

реводахъ; вѣроятно онъ, по примѣру другихъ стихотворцевъ, также писалъ оды на торжественные случаи. Не тогда ли первоначально сочинена была его *ода на день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины*, напечатанная не прежде 1773 года и не вошедшая въ собраніе его стихотвореній? Онъ могъ ее помнить и потомъ исправить передъ ея изданіемъ. Но едва ли онъ ограничивался однѣми подражаніями да одами: его живой, кипучій духъ конечно требовалъ изліяній болѣе искреннихъ, болѣе свободныхъ. Какъ бы ни было, уничтоженіе первоначальныхъ опытовъ Державина составляетъ потерю невознаградимую для его біографа.

Однако жъ и по тѣмъ немногимъ чертамъ, которыя разсѣяны въ извѣстіяхъ о молодости Державина, мы можемъ составить себѣ довольно полное понятіе о характерѣ и умственномъ направленіи его въ описываемые годы. Чтеніе духовныхъ книгъ въ раннемъ дѣтствѣ, потомъ уроки въ Нѣмецкомъ языкѣ, въ ариѳметикѣ и геометріи, потомъ ученіе въ Гимназіи, частыя упражненія въ любимомъ рисованіи, склонность къ музыкѣ, жадное чтеніе стиховъ и романовъ, робкіе начатки въ авторствѣ по правиламъ Тредьяковскаго и по примѣру Ломоносова: таковы были стихіи первоначальнаго образованія Державина. Не богатъ былъ, какъ изъ этаго видно, запасъ теоретическихъ свѣдѣній, вынесенныхъ имъ изъ школы; но не забудемъ и другой

стороны его образованія въ дѣтствѣ. Живописное мѣстоположеніе его родины близъ величественной Волги, раннія поѣздки въ Оренбургъ и въ Москву, преждевременно-горькіе опыты по утратѣ отца, сближеніе съ такими разнородными людьми, каковы были полуграмотный Розе и просвѣщенный Веревкинъ, потомъ практическія занятія по инженерному дѣлу, потомъ переѣздъ въ Петербургъ, жизнь въ новомъ мірѣ, борьба съ нуждою, непривычные труды и посреди ихъ улыбка знатнаго вельможи и по-прежнему занятія литературныя и опять поѣздка въ Москву и близкое зрѣлище блистательнаго Двора Екатерины: всѣ эти разнообразныя вліянія, эта тревога жизни были школою болѣе плодотворною той, гдѣ только сидятъ за книгами, и должны были сильно возбуждать молодой умъ къ размышленію, быстро развивать воспріимчивое сердце.

Не мудрено, что Державинъ, изъ дѣтства принужденный сродниться съ дѣйствительностію, сдѣлался человѣкомъ, въ полномъ смыслѣ практическимъ: онъ остался совершенно чуждъ той болѣзненной мечтательности, которая въ нашъ вѣкъ такъ часто овладѣваетъ молодыми людьми, особливо имѣющими притязаніе на талантъ къ поэзіи. Далѣе мы найдемъ случай развить это замѣчаніе полнѣе. А каковъ былъ характеръ Державина? При видѣ несправедливости къ овдовѣвшей матери две-

надцатилѣтній мальчикъ уже пламенѣетъ негодованіемъ, Когда потомъ въ душѣ гимназиста впервые зашевелилось тайное сознаніе ея предназначенія, онъ день и ночь работаетъ для удовлетворенія новой страсти своей. Начатое въ училищѣ онъ такъ же неутомимо продолжаетъ въ казармѣ. Обойденный по службѣ, онъ идетъ къ начальнику искать справедливости. При первой мысли о возможности увидѣть чужіе края, онъ забываетъ всѣ приманки честолюбія и спѣшитъ проситься въ свиту къ знатному путешественнику. Обиженный стихотворецъ выпускаетъ въ свѣтъ сатиру на недовольную имъ публику: не смотря на славу Сумарокова, Державинъ чувствуетъ смѣшное въ такомъ поступкѣ, сочиняетъ пародію и насмѣхъ знакомится съ авторомъ. Въ карантинѣ лишній часъ ожиданья приводитъ его въ такое волненіе, что онъ, самъ себя не помня, вдругъ уничтожаетъ свое единственное богатство, плоды усилій и бдѣній продолжительныхъ.

Не трудно по такимъ чертамъ судить о духовной физіономіи человѣка: мы видимъ въ Державинѣ одну изъ тѣхъ горячихъ, стремительныхъ натуръ, надъ которыми благоразуміе теряетъ всю свою власть, какъ скоро падетъ малѣйшая искра на легко-воспламеняющійся, хотя и могучій составъ ихъ. Въ продолженіи его біографіи мы не разъ увидимъ, что онъ въ этомъ отношеніи навсегда остался тотъ

же, и на 56-мъ году жизни самъ онъ о себѣ говоритъ,

«Что горячь и въ правдѣ чортъ».

2. *Слѣдующія семь лѣтъ.*

Первыя сохранившіяся стихотворенія — Прапорщикъ — Походъ противъ Пугачева — Дѣйствія въ Казани и въ Саратовѣ — Пугачевъ преслѣдуетъ Державина — Жизнь въ Петербургѣ — Стихи въ печати — Начало извѣстности — Монаршая милость — Перемѣна службы.

По возвращеніи въ Петербургъ, Державинъ снова началъ писать стихи. Отъ семидесятаго года сохранилось пять пьесъ его. Чувство, которое мы прежде всего находимъ у него выраженнымъ, есть любовь *: ею полны всѣ пять стихотвореній.

Хоть вся теперь природа дремлетъ,
Одна моя любовь не спитъ;
Твои движенья, вздохи внемлетъ,
И только на тебя глядитъ.

И-такъ вовсе не основательно замѣчаетъ г-нъ Савельевъ при третьемъ изданіи Державина: «Надобно же такъ случиться, чтобы изъ всѣхъ произведеній первой эпохи Д., слѣдственно *первымъ по*

Такъ начинаетъ поэтъ свое *Объявленіе любви,* впрочемъ довольно слабое въ остальныхъ куплетахъ. Два очень различные предмета страсти своей называетъ онъ *Всемилою* и *Пламидой.* Тогда былъ обычай придумывать подобныя знаменательныя имена: такъ и въ сочиненіяхъ Екатерины употреблены между прочимъ названія: *Фелица*, *Рѣшемыслъ*; такъ и Державинъ въ послѣдствіи зоветъ Императрицу *Гремиславою* , Государыню Марію Ѳеодоровну *Добрадою* и т. д. Всемила — красота меланхолическая и философка, которая *груститъ* и *тонетъ въ слезахъ* и твердитъ, что «*все мечта!*» когда поэтъ ей въ утѣшенье говоритъ:

... Царей и царствъ правленье
Въ твоихъ содержится рукахъ.

Совершенно другой философіи слѣдуетъ Пламида. Вотъ какъ онъ обращается къ ней:

. . . .
Все — мудрость, скипетръ и державу ,
Я отдалъ бы любви въ залогъ,
Принесъ тебѣ на жертву славу
И у твоихъ бы умеръ ногъ.

времени изъ дошедшихъ до насъ сочиненій будущаго великаго пѣвца «Бога», было то стихотвореніе, которымъ свидѣтельствовалъ онъ вѣру свою....»

Но слышу, просишь ты, Пламида,
Въ задатокъ нѣсколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида,
Погасъ огонь въ душѣ моей.

Остальныя двѣ пьесы — подражанія. Одна изъ нихъ въ собраніи сочиненій Державина носитъ заглавіе: *Сафы второй переводъ*. Онъ названъ вторымъ потому, что выше въ той же книгѣ помѣщенъ другой подъ именемъ: *Сафо*. Но въ самомъ дѣлѣ «второй переводъ» сдѣланъ двадцатью семью годами до напечатаннаго впереди. «Второй» (т. е. первый) написанъ александринскими стихами по Буало, съ которымъ Державинъ конечно познакомился не въ подлинникѣ, потому-что, какъ ужъ сказано, не зналъ инаго иностраннаго языка, кромѣ Нѣмецкаго, сдѣлавшагося ему доступнымъ еще въ Оренбургской школѣ у Розе. «Древніе классическіе поэты, Итальянская и Французская словесность извѣстны ему стали въ послѣдующіе годы по однимъ только Нѣмецкимъ и Русскимъ переводамъ» *. Между поэтами Германіи Державинъ читалъ и Клопштока, къ которому не могъ не питать особеннаго сочувствія. У него онъ въ 70-мъ году заимствовалъ стихотвореніе *Нинѣ*: изъ упомянутыхъ здѣсь оно едва ли не лучшее. Въ *Нинѣ*, какъ и во *Всемилѣ*, обнаруживается уже *нравоучительное* или *философическое* на-

* Записки Дмитріева.

правленіе Державина, послѣ достигшее такаго широкаго развитія въ его поэзіи. Во *Всемилѣ* онъ соглашается съ красавицею, что «все мечта!» прибавляя:

Такъ! добродѣтелью бываетъ
Сильна лишь женщинъ красота.

(т. е. красота ничто безъ добродѣтели).

Идея пьесы *Нинѣ* видна изъ стиховъ:

Нѣжнѣйшей страсти пламя скромно;
А ежели чрезъ-мѣру жжетъ,
И удовольствій чувство полно:
Погаснетъ скоро и пройдетъ.

Въ то время, какъ Державинъ пѣлъ любовь, Румянцовъ и Орловы подвигами своими противъ Турціи готовили Русскимъ стихотворцамъ вдохновенія совсѣмъ инаго рода.

Побѣда на земли, побѣда на моряхъ!
Дрожитъ Дунайскій брегъ, трепещутъ Дарданелы—

такъ запѣлъ и Державинъ, когда уже военныя дѣйствія прерваны были мирными переговорами, остав-

шимися однако жъ, на тотъ разъ, безъ успѣха. Эта первая извѣстная намъ ода Державина написана языкомъ напыщеннымъ въ подражаніе современнымъ произведеніямъ того же рода. Между неудачными въ ней выраженіями особенно поражаетъ *орляя рука*, которою долженъ «возстать Палеологъ, поверженный луной» (т. е. Турціей). Этотъ послѣдній стихъ выражаетъ мысль вѣка о возстановленіи Греціи на развалинахъ Оттоманской Имперіи, мысль, которая, оживившись въ слѣдствіе побѣдъ Румянцова и Орловыхъ, лѣтъ двадцать послѣ того занимала Екатерину. Уже въ началѣ оды сказано, что вселенная съ ужасомъ внимаетъ молвѣ,

Какъ падшу Грецію Минерва подымаетъ.

Подъ Минервой разумѣется — Екатерина: вотъ какъ Державинъ, по примѣру Ломоносова и Петрова, охарактеризовалъ въ первый разъ Ту, Кому въ послѣдствіи такъ часто посвящалось его вдохновеніе.

1772 годъ, къ которому это относится, былъ эпохою замѣчательною и для таланта и для службы Державина. Уже десять лѣтъ состоялъ онъ въ нижнихъ чинахъ и во все это время ничего еще не напечаталъ. Теперь онъ произведенъ былъ въ *прапорщики*, и въ Петербургскомъ журналѣ *Старина и Новизна* появилось одно переведенное имъ прозою

(съ Нѣмецкаго) сочиненіе Овидія, однако жъ безъ подписи имени переводчика *. Оно было напечатано и безъ его вѣдома однимъ изъ пріятелей, которымъ онъ читалъ свои опыты и у которыхъ его листки нерѣдко оставались, а иногда и пропадали.

И-такъ на тридцатомъ году жизни Державинъ наконецъ офицеръ. Что онъ дѣлаетъ, какой ведетъ образъ жизни? Отъ тогдашняго существованія его не видно иныхъ слѣдовъ, кромѣ немногихъ стихотвореній: сверхъ означенной торжественной оды да перевода изъ Овидія, написалъ онъ въ то время стихи *по просьбѣ одной дамы*: это *Пени*, отъ ея лица обращаемыя къ измѣнившему ей, холодныя и натянутыя, какъ почти все, что пишется по заказу. Языкъ и стихи разительно дурны, въ содержаніи ясно видно вліяніе Французской легкой поэзіи, изъ которой переводы и подражанія наводняли тогда всю Европейскую литературу **.

Мирныя занятія поэта вдругъ прерваны были

* Ироида или письмо Вивлиды къ Кавну. Стар. и Нов. Ч. II, стр. 31 — 50. Вотъ начало: «Рѣшилось! я торжествую. Угасла любовь и разумъ возвратилъ надъ чувствами прежнюю свою власть»... Издателемъ журнала *Старина и Новизна*, котораго вышло всего двѣ части, былъ В. Рубанъ.

** Въ слѣдующемъ году напечатаны еще двѣ торжественныя оды Державина: *на бракосочетаніе Великаго Князя* (Павла Петровича) и *на восшествіе на престолъ Екатерины*. Послѣднее изъ этихъ двухъ сочиненій, какъ ужъ замѣчено въ предыдущей главѣ, написано было, можетъ быть, гораздо ранѣе, т. е. вскорѣ послѣ событія, составлявшаго его содержаніе.

грознымъ явленіемъ, которое, какъ ужасающая комета, быстро взошло на краю горизонта Россіи и столь же быстро исчезло. То было явленіе Пугачева: вызвавъ Державина на дѣйствительное поприще воина, оно дало ему случай обнаружить новыя силы духа, войти въ новыя связи, заслужить не маловажныя отличія. Когда начальство надъ войсками, посланными противъ мятежника, принялъ Александръ Ильичь Бибиковъ, то къ нему назначено было нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ въ *ассистенты*, а въ числѣ ихъ и Державинъ. Онъ самъ ходилъ просить о томъ Бибикова, который охотно согласился на желаніе усерднаго офицера, хотя вовсе ему не знакомаго и никѣмъ не рекомендованнаго, но конечно внушившаго ему довѣренность какъ самымъ этимъ поступкомъ, такъ и всею своею личностью. Изъ мѣста рожденія поэта долженъ былъ разразиться громъ, скоплявшійся надъ головою злодѣя, и туда-то въ Декабрѣ 1773 года отправился недавно-произведенный *подпоручикъ*. Еще до начатія военныхъ дѣйствій онъ въ родномъ городѣ успѣлъ оказать перомъ своимъ услугу общему дѣлу. За добровольный вызовъ тамошняго Дворянства составить на свой счетъ конное войско, Екатерина милостиво назвала себя *Казанскою Помѣщицею*. Рѣчь, которою Дворянскій Предводитель (Макаровъ) отвѣчалъ Государынѣ, сочинена была Державинымъ. Къ сожалѣнію, эта рѣчь теперь сдѣлалась такою рѣдкостью, что даже Пушкинъ не могъ отыскать ее, когда пи-

салъ Исторію Пугачевскаго бунта *. Но по тому же случаю Державинъ отъ имени Казанскаго Дворянства сочинилъ письмо къ Императрицѣ, и оно гораздо извѣстнѣе рѣчи. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этаго письма, которое, хотя и выиграло бы, если бъ было покороче и не такъ обильно возгласами, однако жъ исполнено неподдѣльнаго жара и мѣстами даже краснорѣчія.

«Пепелъ предковъ нашихъ вопіетъ къ намъ и зоветъ на пораженіе самозванца. Гласъ потомства уже укоряетъ насъ, что въ вѣкъ Преславной, Великой Екатерины могло возникнуть зло сіе; кровь братьевъ нашихъ, еще дымящаяся, устремляетъ насъ на истребленіе злодѣя. Что жъ мы медлили? Чего давно не доставало намъ, дабы совокупно поставить грудь свою противъ хищника? Ежели душа у дворянина есть, то все у него есть ко ополченію. Чего жъ не доставало? Не усердія ли нашего? Нѣтъ! Мы давно горѣли имъ, мы давно собиралися и хотѣли пренебречь жизнь свою; а теперь, по милости Вашего Императорскаго Величества, есть у насъ и согласитель мыслей нашихъ. Руководствомъ его составился у насъ корпусъ. Избранный въ немъ начальникъ трудится, товарищи его усердствуютъ, все

* Изъ Остолопова видно, что Державинъ въ этой рѣчи воспользовался случаемъ припомнить, какъ въ сердцѣ его, когда онъ былъ ребенкомъ, «врѣзалось ужаснѣйшее отвращеніе отъ людей неправосудныхъ и притѣснителей сиротъ.»

въ порядкѣ. Имѣніе наше готово на пожертвованіе, кровь наша на изліяніе, души наши на положеніе; умремъ — кто не имѣетъ мыслей сихъ, тотъ не дворянинъ.

. . . .

«Величіе Монарха паче познается въ томъ, что онъ умѣетъ разбирать людей и употреблять ихъ во благовремяніи: то и въ семъ не оскудѣваетъ Вашего Императорскаго Величества тончайшее проницаніе; на сей случай здѣсь надобенъ министръ, воинъ, судія, чтитель святыя Вѣры. По прозорливому Вашего Императорскаго Величества изволенію, мы все сіе въ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ видимъ; за все сіе, изъ глубины сердецъ нашихъ, любомудрой душѣ Твоей восписуемъ благодареніе.

. . . .

«И-такъ, исполненіемъ долга нашего, хотя мы не заслуживаемъ особливаго Вашего Императорскаго Величества намъ признанія, любезнаго и намъ дражайшаго товарищества Твоего; однако Высочайшую волю Твою разверстымъ принимаемъ сердцемъ и почитаемъ благополучіемъ, начертываемъ неоцѣненныя слова благоволенія Твоего съ благоговѣніемъ въ память нашу. Признаемъ Тебя своею Помѣщицею, принимаемъ Тебя въ свое сотоварищество. Когда

угодно Тебѣ, равняемъ Тебя съ собою. Но за сіе ходатайствуй и Ты за насъ у Престола Величества Твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершить усердіе наше, помогай намъ и заступай насъ у Тебя. Мы болѣе на Тебя, нежели на себя надѣемся.» *.

Принадлежа къ учрежденной тогда секретной экспедиціи, Державинъ словомъ и дѣломъ способствовалъ къ образованію Дворянствомъ коннаго войска, и вѣроятно за это произведенъ въ поручики еще во время похода. При назначеніи разнымъ отрядамъ пунктовъ, гдѣ имъ дѣйствовать, Бибиковъ послалъ Державина съ тремя ротами въ окрестности Саратова, именно въ деревню Малыковку, что нынѣ городъ Волскъ, лежащій на Волгѣ противъ впаденія въ нее Иргиза. Еще и десяти лѣтъ не прошло тогда со времени основанія въ этомъ краю Нѣмецкихъ колоній. Теперь имъ угрожало разореніе отъ кочующихъ ордъ, взволнованныхъ Пугачевымъ. Державинъ, вооруживъ крестьянъ Малыковки, перешелъ съ ними Волгу, разбилъ многочисленныя толпы Киргизовъ и освободилъ изъ плѣна болѣе полуторы тысячи колонистовъ и Русскихъ. Остальныя дѣйствія его по порученію Главнокомандующаго описаны Пушкинымъ въ Исторіи Пугачев-

* Соч. Пушк. Т. VI, стр. 183. Въ *Заволжскомъ Муравьѣ* (1834 Ч. V), гдѣ также помѣщено письмо это, оно ошибочно выдано за *рѣчь Предводителя Дворянства.*

скаго бунта. Воспользуемся такимъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ и извлечемъ изъ разныхъ мѣстъ этой книги, отчасти въ сокращенномъ видѣ, то, что сюда относится. «Державинъ привелъ въ повиновеніе раскольничьи селенія, находящіяся на берегахъ Иргиза, и орды племенъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою. Извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ Киргизъ-Кайсаками, онъ успѣлъ отрѣзать ихъ отъ ордъ по рѣкамъ Узенямъ, и намѣревался итти на освобожденіе Яицкаго города; но былъ предупрежденъ Генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ Іюля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ гвардіи поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

«Державинъ потребовалъ Саратовскаго Коменданта Бошняка, для совѣщанія о мѣрахъ, какія должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ *. Державинъ утверждалъ, что надобно итти навстрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость, и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились — и Державинъ, вышедъ изъ-себя, предлагалъ арестовать Коменданта. Бошнякъ остался неколебимъ, повторяя, что онъ ввѣренной ему крѣпости и Божіихъ

* Пушкинъ относитъ упомянутое здѣсь совѣщаніе къ 1-му Августа. Г-нъ Савельевъ очень справедливо замѣтилъ, что, судя по приложенному письму Д. отъ 30 Іюля, споръ его съ Бошнякомъ вѣроятно происходилъ ранѣе.

Церквей покинуть на расхищеніе не хочетъ. Державинъ, оставя его, пріѣхалъ въ Магистратъ; предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на землянную работу (онъ считалъ нужнымъ сдѣлать укрѣпленія внутри города). Бошнякъ жаловался, но никто его не слушалъ. Памятникомъ сихъ споровъ осталось язвительное письмо Державина къ упрямому Коменданту.»

Эта любопытная бумага, важная для сужденія о характерѣ Державина, начинается такъ: «Милостивый Государь мой! Когда вамъ Его Превосходительство Г. Астраханскій Губернаторъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то черезъ сіе имѣю честь Вашему Высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ Его Высокопревосходительства покойнаго Г. Генералъ-Аншефа и Кавалера А. И. Бибикова, въ слѣдствіе Именнаго Высочайшаго повелѣнія по секретной коммиссіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все». Далѣе Державинъ между прочимъ укоряетъ Бошняка въ томъ, что онъ дѣйствуетъ, «не зная совсѣмъ правилъ военной архитектуры» и «пріемля только въ непреклонное себѣ правило, что вы, яко Комендантъ, города и въ немъ Церквей Божіихъ покинуть не можете».... «Мы же, какъ согласились, чтобъ съ главными силами итти навстрѣчу злодѣю, то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя навстрѣчу злодѣю, защищать

будете? Это никому не понятно. Да и какое вы, не зная инженернаго искуства, лучше укрѣпленіе сдѣлать хотите, то также всѣмъ благоразумнымъ неизвѣстно. Церкви же Божіи защитить конечно должно; но какъ Церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, если вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и Церковь, а утвари оныхъ Церквей въ ретраншаментѣ помѣстить можете. На сіе на все прошу Ваше Высокоблагородіе скорѣйше мнѣ дать отвѣтъ для донесенія» и т. д. «Мы же, находящіеся здѣсь штабъ и оберъ-офицеры, пріемлемъ всю тягость законовъ на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, именуемый вами крѣпостію Саратовской»....

«4 Августа, говоритъ опять Пушкинъ, узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ Донскихъ казаковъ и пустился съ ними въ Петровскъ, дабы вывести оттуда казну, порохъ и пушки. Но, подъѣзжая къ городу, увидѣлъ онъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія туда, и духовенство, вышедшее къ нимъ навстрѣчу. Онъ поѣхалъ впередъ съ тремя казаками, и видя, что болѣе дѣлать было нечего, пустился съ ними обратно къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ и передался Пугачеву. Услыша отъ нихъ о гвардейскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ же пере-

мѣнилъ лошадь, и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя казаками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка.» — —

Здѣсь мы теряемъ Державина изъ виду въ исторіи военныхъ дѣйствій противъ Пугачева. Но во время походныхъ тревогъ онъ находилъ досугъ еще и для дѣятельности другаго рода. Онъ велъ записки, которыя должны быть въ высшей степени любопытны, но до сихъ поръ не изданы *; онъ сочинялъ и переводилъ стихи. Преждевременная смерть Бибикова, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, глубоко опечалила его. Въ письмѣ къ Императрицѣ отъ имени Дворянства онъ прежде уже выразилъ свое уваженіе къ доблестному начальнику. Свою непритворную привязанность къ нему онъ излилъ одою на смерть Бибикова:

Тебя ль оплакивать я долженъ,
О Бибиковъ! Какой ударъ!
. . . .
Твои достоинства лишь вспомню,

* Въ послѣдствіи Д. включилъ эти записки въ біографію свою.

Сердечны разверзаю раны
И вновь терплю твою я смерть.

Въ этомъ стихотвореніи уже замѣтно то *историческое направленіе*, которое составило въ послѣдствіи одно изъ отличительныхъ свойствъ поэзіи Державина и побудило его, вмѣсто общихъ мѣстъ, искать въ жизни характеристическихъ фактовъ для обстановки своихъ произведеній. Бибиковъ со славою участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ; еще важнѣйшую эпоху въ его жизни составили его распоряженія въ Польшѣ (1771). Фридрихъ Великій такъ уважалъ его достоинства, что письменно изъявлялъ ему желаніе познакомиться съ нимъ и приглашалъ его къ себѣ; но Бибиковъ отвѣчалъ, что «принужденъ жертвовать службѣ наслажденіемъ видѣть» Короля Прусскаго. Столько же опытный въ военномъ искуствѣ, какъ и въ дѣлахъ гражданскихъ, онъ «также любилъ науки и поэзію; подъ особеннымъ попеченіемъ его была въ Измайловскомъ полку школа, изъ коей вышли люди съ талантами.» * На смертномъ одрѣ Бибиковъ, зная великодушіе Екатерины, не столько жалѣлъ объ оставляемомъ имъ семействѣ, сколько о «бѣдствіи отечества». На всѣ эти обстоятельства есть указанія или намеки въ одѣ Державина. Послѣдняя строфа заключаетъ

* Львв. II, стр. 43.

въ себѣ общую характеристику Бибикова и должна была служить надписью на его гробницѣ:

«Онъ былъ искусный вождь во браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель Вѣры, правды другъ,
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его;
Онъ умеръ, тронъ обороняя.
Стой, путникъ! стой благоговѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ!»

Заключительные два стиха представляютъ общее мѣсто, которое долго было въ модѣ у поэтовъ старой школы и еще не такъ давно повторялось непремѣнно во всякой эпитафіи, но совершенно не кстати. У древнихъ ставили гробницы при дорогахъ, чтобы живые тѣмъ чаще могли вспоминать объ умершихъ: вотъ отъ чего произошло выраженіе: «Стой, путникъ (Sta, viator)!» Въ новѣйшую литературу оно было перенесено съ тѣмъ же отсутствіемъ здраваго смысла, съ какимъ и многое другое перенималось у древнихъ.

Горесть Державина по Бибиковѣ конечно была искренняя: начальникъ и подчиненный такихъ

высокихъ качествъ не могли оставаться въ однихъ только холодныхъ отношеніяхъ, предписываемыхъ строгимъ порядкомъ службы. Въ первый разъ еще Державинъ былъ такъ близокъ къ заслуженному вельможѣ и тѣмъ болѣе долженъ былъ дорожить его дружбою и довѣренностію. Во многихъ стихахъ оды слышится неподдѣльный голосъ сердца, и до глубокой старости Державинъ сохранялъ уваженіе къ памяти Бибикова. Когда сынъ покойнаго собиралъ матерьялы для біографіи отца, то Державинъ составилъ для него небольшую записку въ похвалу заслугъ своего стараго начальника. *

Очень замѣчательно, что ода на смерть Бибикова написана безъ рифмъ. Это было смѣлостію столь новою, что когда, десять лѣтъ спустя, тотъ же Державинъ, уже знаменитый, опять написалъ оду такъ называемыми бѣлыми стихами (на пріобрѣтеніе Крыма), то онъ счелъ нужнымъ оговориться, однако жъ не сослался на примѣръ, имъ самимъ прежде поданный, вѣроятно по тому, что считалъ стихи на смерть Бибикова произведеніемъ слишкомъ ничтожнымъ и даже не одою. Отъ чего онъ такъ думалъ? Постараемся объяснить это

* Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова, изданныя сыномъ его, 1817. Прим. къ Исторіи Пугачев. бунта, стр. 197.

Между прочимъ онъ говоритъ Бибикову:

«Не показать мое искуство
Я здѣсь тебѣ стихи пою,
И рифмъ здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ»...

Изъ этаго видно, что Державинъ тогда смотрѣлъ на рифму, какъ на важную принадлежность *искуства*, и думалъ, будто для бѣлыхъ стиховъ меньше нужно умѣнья, нежели для рифмованныхъ, тогда-какъ въ самомъ дѣлѣ одно столько же трудно, какъ другое, потому-что отсутствіе рифмы требуетъ тѣмъ бо̀льшаго искуства въ самомъ стихѣ и оставляетъ во всей наготѣ такіе недостатки, которые въ противномъ случаѣ прикрываются пріятностью созвучій. Но то правда, что для истиннаго поэта упущеніе рифмы освобождаетъ и мысль и языкъ отъ важнаго стѣсненія, что̀ не могло не быть особенно ощутительно для такаго нетерпѣливаго генія, каковъ былъ Державинъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ еще опредѣленнѣе выразился по этому предмету: въ своемъ *Разсужденіи о Лирической поэзіи*, представляя два отрывка стиховъ, нарочно написанные имъ одинъ съ рифмами, а другой безъ рифмъ, онъ говоритъ, что въ древней поэзіи (гдѣ стихи бѣлые) «больше свободы, больше изліянія жара, когда гармонія, на рифмахъ не запинаясь, течетъ безпре-

рывно, подобно быстрой рѣкѣ, струя за струею. Но надобно къ сему болѣе природнаго дара, нежели искуства.»

Въ связи съ этимъ должно привести еще обращеніе къ Бибикову:

«Прости, прости, что оставляю
Воспѣть тебѣ я Россамъ *гимнъ.*»

Эти слова опять храктеризуютъ тогдашнія понятія поэта: ему казалось, что бѣлые стихи, написанные простымъ языкомъ безъ особыхъ претензій, никакъ не могутъ вполнѣ замѣнить громкаго торжественнаго гимна. А между-тѣмъ не забыты и здѣсь ни кипарисныя лозы съ мvромъ и лаврами, ни стонущія Музы съ Беллоной, Минервой и Гименеемъ— все это маскарадное убранство поэзіи осьмнадцатаго столѣтія. Но дѣло въ томъ, что тутъ нѣтъ высокопарности и всѣхъ тѣхъ причудъ, которыя считались необходимою принадлежностью «высокихъ одъ и гимновъ,» отъ чего и самый слогъ этаго стихотворенія поэтъ назвалъ *печальнымъ* — черта, которую стòитъ замѣтить.

Въ одѣ на смерть Бибикова есть нѣсколько строфъ, написанныхъ такимъ простымъ, чистымъ и правильнымъ языкомъ, что онѣ въ этомъ отноше-

нія рѣзко отличаются отъ многихъ изъ позднѣйшихъ произведеній поэта; на примѣръ:

Иные чтутъ одну фортуну,
Смотря на выгоды свои,
И даръ поэзіи священный
Приносятъ только ей одной;
Но я предъ сей царицей міра
Моихъ цвѣтовъ не разсыпаю,
А сыплю ихъ на пепелъ твой;
Желаю только, чтобъ сказали:
«Онъ вѣрно любитъ добродѣтель,
Что пишетъ ей свои стихи.»

Въ этой строфѣ, кромѣ языка, кромѣ простодушнаго ея заключенія, вниманія заслуживаетъ и все ея содержаніе, показывающее, какъ мало Державинъ предвидѣлъ, что вскорѣ онъ сдѣлается пѣвцомъ живыхъ величій, хотя конечно онъ и послѣ могъ всегда съ чистою совѣстію сказать, что *не разсыпалъ своихъ цвѣтовъ передъ одною фортуною.*

Вотъ еще подобная строфа:

Пустыни вретищемъ покрылись,
Весна уныла на цвѣтахъ,

Казань вострепетала въ сердцѣ;
Потухъ горящій воевъ духъ;
Спѣшатъ писать увѣщеванья;
— Мужайтесь, бодрствуйте — вѣщаютъ,
Но тщетно!... Нѣтъ уже тебя!
Разстроилось побѣдъ начало;
Сильнѣе разлилася язва;
Скрѣпился въ злобѣ лютый тигръ.

Здѣсь упомянуты событія, бывшія слѣдствіемъ кончины Бибикова; доказательство, что ода написана не тотчасъ послѣ смерти его. Державинъ стоялъ довольно долго въ лагерѣ при горѣ Читалагаѣ и тутъ-то онъ нашелъ возможность опять приняться за перо. Когда это было, прежде или послѣ описанныхъ Пушкинымъ сценъ въ Саратовѣ? Едва ли не прежде, потому-что отъ смерти Бибикова въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ до появленія Державина въ Саратовѣ прошло нѣсколько мѣсяцевъ; вѣроятно, что въ продолженіе ихъ поэтъ, оставивъ Малыковку и дѣйствуя на берегахъ Иргиза, разбилъ лагерь у горы Читалагая. *

По возвращеніи изъ похода онъ опять занялся Клопштокомъ, который, недавно кончивъ Мессіаду,

* О настоящемъ мѣстѣ горы Читалагаї не удалось мнѣ отыскать точнаго свѣдѣнія. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ помѣщаетъ ее среди Уфимскихъ степей, а Львовъ въ Саратовскихъ колоніяхъ.

былъ тогда на вершинѣ своей славы. Державинъ перевелъ двѣ пѣсни изъ его поэмы; но трудъ этотъ остался неизвѣстенъ: рукопись затерялась у однаго изъ тогдашнихъ руководителей таланта его, Директора Академіи Наукъ Домашнева, который выпросилъ ее на прочтеніе. Прозою или стихами былъ сдѣланъ переводъ? Вѣроятно александринскими стихами. Г-нъ Полевой въ своей статьѣ о Державинѣ справедливо обратилъ вниманіе на смѣлость, какая нужна была молодому поэту для такаго предпріятія *.

Среди великолѣпной столицы Невской думы Державина должны были часто обращаться къ первоначальному Виновнику ея бытія, тѣмъ болѣе, что въ то время примѣръ самой Государыни оживлялъ въ сердцѣ Русскихъ благоговѣніе къ памяти Великаго. Знаменитый монументъ работы Фальконета задуманъ былъ Екатериною еще въ началѣ Ея царствованія, и вскорѣ послѣ возстановленія мира бюстъ и конь уже отлиты были окончательно. Сильное участіе, какое публика принимала въ этой новости, отозвалось двумя застольными пѣснями Державина во славу Петра Великаго. Въ одной изъ нихъ онъ удачно собралъ отличительныя черты дѣлъ и свойствъ Преобразователя Россіи:

* Очерки Русской Литературы. Справедливость велитъ также сказать, что г-нъ Полевой первый выразилъ мысль о необходимости издать сочиненія Державина въ хронологическомъ порядкѣ.

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ, весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.

. . . .

Какъ Богъ, великимъ провидѣньемъ,
Онъ все собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ,
Онъ все собою исполнялъ.

Прошелъ землями и морями,
Учился Самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ:
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

. . . .

Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искуству научая,
Онъ Самъ полки на брань водилъ.

. . . .

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

. . . .

Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ;
Довольство ввелъ въ свои народы,
Съ Востокомъ Западъ съединилъ.

. . . .

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе Его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ:
Не Богъ ли въ Немъ сходилъ съ небесъ?

Такіе куплеты приводятъ на память извѣстные *стансы* Пушкина:

«Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

«То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.»

Державинъ въ своихъ стихахъ любилъ воспоминать Петра, и какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ этомъ, можетъ быть, проложилъ

дорогу Пушкину, у котораго равно-глубокое сочувствіе къ Великому достигло еще гораздо бо́льшаго развитія въ искуснѣйшемъ исполненіи. Но дивныя строки, возвеличивающія память Петра въ *Стансахъ*, въ *Полтавѣ*, въ *Мѣдномъ Всадникѣ* и въ др., не должны ли признавать хотя отдаленнаго родства съ выписанными куплетами Державина, и еще напримѣръ съ слѣдующими мѣстами:

(въ *Вельможѣ*)

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.

(въ стихахъ *Ко второму сосѣду*)

Зри, хижина Петра доднесь
Какъ храмъ нетлѣнна средь столицы.

(въ *Маневрахъ*, къ Генію браней)

Ты научилъ Петра потѣхами въ дни млады
Разсадникъ насадить перуновъ и побѣдъ.

(въ одномъ изъ *Прологовъ*)

Но нѣкогда, вертепъ сей дикій
Пустынникъ ревностный, могучій и великій
Очистя, проложилъ дорогу въ немъ и слѣдъ
Неслыханнымъ трудомъ и попеченьемъ дивнымъ...

Во всѣхъ этихъ стихахъ не слышится ли что-то Пушкинское?

Приведенная пѣснь Державина *Петру Великому* пріобрѣла большую извѣстность. Вообще можно заключить, что тогда онъ уже пользовался славою поэта въ кругу своихъ знакомыхъ, какъ кажется, довольно обширномъ, и среди котораго для молодаго гвардейскаго офицера не было недостатка въ случаяхъ къ развлеченію. Между прочимъ онъ бывалъ на блистательныхъ загородныхъ *пикникахъ*, какіе давалъ бывшій Новороссійскій Губернаторъ Алексѣй Петровичь Мельгуновъ, пользовавшійся милостію Потемкина и въ любви къ пышности не уступавшій своему знаменитому покровителю. Державинъ воспѣлъ непринужденную веселость пировъ и гуляній

По холмамъ, рощамъ, островамъ.

Тамъ, говоритъ онъ,

Мы положили межъ друзьями
Законы равенства хранить,

Богатствомъ, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

Но если веселъ кто, забавенъ,
Любезнѣе другихъ тотъ намъ;
А если скроменъ, благонравенъ,
Мы чтимъ того не по чинамъ.

Насъ не касаются раздоры,
Обидамъ мѣста не даемъ;
Но, души всѣхъ, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьемъ.

У насъ не стыдно и Герою
Повиноваться красотамъ:
Всегда одной дышать войною
Прилично варварамъ, не намъ.

. . . .

Кто ищетъ общества, согласья,
Приди, повеселись у насъ;
И *то для человѣка счастье,*
Когда одинъ прiятенъ часъ.

Послѣднiе два стиха какъ будто открываютъ, что въ ту пору поэтъ не совсѣмъ былъ въ ладу съ жизнiю. Разгадку этаго состоянiя мы, кажется, находимъ въ современномъ же его стихотворенiи: *Успокоенное невѣрiе*, которое начинается такъ:

«Когда то правда, человѣкъ,
Что *цѣпь печалей весь твой вѣкъ*·
Почто жъ намъ вѣкомъ долгимъ льститься? *

Державинъ читалъ много, но безъ разбору. Лжеумствованія западныхъ скептиковъ той эпохи вредно подѣйствовали на него. Это поколебало въ немъ прежнія святыя убѣжденія и произвело въ душѣ его мучительную борьбу. Но наконецъ Вѣра восторжествовала надъ всѣми сомнѣніями — и ея побѣду поэтъ запечатлѣлъ изліяніемъ омраченнаго на минуту, но потомъ вновь просвѣтлѣвшаго сердца. *Успокоенное невѣріе* состоитъ изъ двухъ очень несходныхъ между собою половинъ: въ первой изображено отчаяніе души, терзаемой невѣріемъ, во второй успокоеніе въ благотворномъ лонѣ Религіи. Въ первой стихи жестки, прерывисты, полны вопросовъ и восклицаній, языкъ шероховатъ. Во второй мысли легко и плавно текутъ одна за другой. Что такая разница въ исполненіи была не случайная и не безсознательная, а обдуманная, доказывается всего лучше упомянутою уже статьею Державина: *О лирической поэзіи*. Изъ нея ясно видно, что онъ въ одѣ и гимнѣ считалъ необходимыми не только особый *слогъ*, который долженъ перемѣняться, смотря по

* По Остолопову, эта ода написана уже въ 1771 году, а по Львову, не ранѣе 1778; но по указанію Сопикова въ Опытѣ Росс. библіогр., она напечатана въ 1776, и этотъ годъ я по всѣмъ соображеніямъ принимаю за время ея происхожденія.

предмету, но и особые условные пріемы. Несчастное правило, заимствованное имъ изъ читанныхъ въ молодости пiитикъ и на всю жизнь опутавшее вредными оковами его великое дарованіе! Природный геній его былъ такъ могущъ, что даже и въ этихъ оковахъ двигался часто съ изумительною свободой; онѣ не въ состояніи были подавить его исполинской творческой силы; но сколько его поэзія должна была однако жъ терять отъ ложныхъ понятій, какими онъ руководствовался въ искуствѣ!

Такъ и въ *Успокоенномъ невѣріи* недостатки формы въ первой половинѣ произошли отъ убѣжденія, что «высокое лирическое заключается» между прочимъ «въ безпрерывномъ представленіи множества картинъ и чувствъ блестящихъ, выраженное громкимъ, высокопарнымъ, цвѣтущимъ слогомъ, который приводитъ въ восторгъ и удивленіе,» и что такія «витійственныя украшенія,» какъ напримѣръ «отступленія, перескоки, околичности, сомнѣнія и вопрошенія — — — составляютъ изящество и существо прямой оды»; Державинъ прибавилъ: «ежели истекаютъ только отъ истиннаго вдохновенія» *, но этимъ не отказался отъ необходимости «витійственныхъ украшеній». Во второй половинѣ оды спокойное чувство поэта не требовало, по правиламъ его, *витійства* въ слогѣ, который долженъ быть

* Разсужденіе о Лирич. поэзіи въ Бесѣдѣ Люб. Русс. Сл., 1811.

«сходственный всегда съ предметомъ» — и, предаваясь *истинному* жару, Державинъ заговорилъ совсѣмъ другимъ, *своимъ* языкомъ.

. . . .
Прошли отчаянья мечты:
Всесильный! помоги мнѣ Ты!

Уйми страстей моихъ ты шумъ,
И бурный обуздай мой умъ:
Чего понять онъ не возможетъ,
Да благость въ томъ Твоя поможетъ,
Чтобъ я средь золъ покоенъ былъ,
Терпя бѣды, Тебя любилъ!

. . . .
Средь юности моей неспѣлой, *
Средь зрѣлой жизни, престарѣлой,
Средь ярыхъ волнъ мірскихъ суетъ,
Дай силъ сносить мнѣ иго бѣдъ!

Чтобъ меньше скорби ощущать,
Собою больше обладать,
Пошли, пошли, Творецъ вселенной,
Своей Ты твари бѣдной, бренной,
Небесну помощь съ высоты:
Ты щедръ, щедротъ источникъ Ты!

* Этотъ стихъ какъ будто подтверждаетъ показаніе Остолопова, что ода написана нѣсколькими годами ранѣе: въ 1776 Державину

Вотъ является Вѣра съ вѣтвію надежды въ рукѣ. Жаль, что это подало поводъ къ довольно запутанной и лишней строфѣ, но — старинная пiитика предписывала частыя картины, какъ одно изъ главныхъ украшенiй лирической поэзiи.

За то мы читаемъ нѣсколько далѣе:

Ты Вѣра? — Миръ душѣ моей!

Ты мысли дерзкiя плѣнишь,
Сердцамъ незлобiе даришь,
Терпѣньемъ души укрѣпляешь,
На подвигъ немощь ободряешь;
Ты кроткимъ свѣтъ и красота,
Ты гордымъ мракъ и суета!

. . . .

Пусть все подвержено сомнѣнью;
Но безъ Творца какъ быть творенью?
Его Ты, Вѣра, учишь знать,
Любить, молить — не постигать.

Непостижимый сей Творецъ
Да будетъ мой покровъ, отецъ!

было ужъ 33 года—и онъ не могъ бы назвать этаго возраста *неспѣлою юностью*. Но можно предположить, что онъ здѣсь говоритъ отъ имени человѣка вообще. Едва ли и въ 28 лѣтъ позволено считать себя *неспѣлымъ юношею*.

Онъ взоромъ волны укрощаетъ,
Онъ всей природой мнѣ вѣщаетъ:
«Испытывать судьбу забудь,
«Надѣйся, вѣрь — и счастливъ будь.»

Такъ выразилъ поэтъ свое примиренiе съ жизнiю. Для его глубокой души одинаковою потребностiю было и достиженiе твердаго мира внутренняго и излiянiе сильныхъ ощущенiй наружу.

По словамъ Львова «сiя ода первая пришла въ извѣстность, будучи исправлена авторомъ и друзьями его: Н. Л. Львовымъ, В. В. Капнистомъ, И. И. Дмитрiевымъ и А. С. Хвостовымъ у послѣдняго въ домѣ.» Но это извѣстiе не носитъ всѣхъ признаковъ несомнѣнности: тутъ между друзьями поэта упомянутъ и Дмитрiевъ, а онъ, какъ видно изъ собственныхъ его записокъ, познакомился съ Державинымъ не прежде, какъ лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ появленiя *Успокоеннаго Невѣрiя*, когда Державинъ былъ уже во всей своей славѣ и конечно никому не давалъ поправлять своихъ сочиненiй. Если прежнiе прiятели еще неизвѣстнаго поэта дѣйствительно прикасались къ трудамъ его, то надобно только сожалѣть, что онъ не болѣе довѣрялъ врожденному таланту своему и заимствовалъ стѣснительныя правила у людей, которые, какъ литераторы, стояли несравненно ниже его. Замѣчанiе, что ода *Успокоенное Невѣрiе* «первая пришла въ извѣстноэть», совершен-

но согласно какъ съ показаніемъ Сопикова объ отдѣльномъ изданіи ея 1776 года, такъ и съ тѣмъ, что въ слѣдующемъ году Державинъ напечаталъ уже нѣсколько тетрадей стиховъ, на что онъ бы, можетъ быть, не рѣшился, если бъ не побудилъ его успѣхъ той оды; а что она произвела нѣкоторое впечатлѣніе, это заключать должно изъ ея достоинства. До того на Русскомъ языкѣ еще не читали стиховъ, подобныхъ этимъ: недостатки ихъ въ то время не могли поражать непріятно, а красоты были совершенно новыя, и основаніемъ этихъ красотъ была *истина* содержанія: поэтъ выразилъ не *сочиненныя*, не натянутыя чувства и мысли, а то, что дѣйствительно волновало его душу, и выразилъ языкомъ поэтическимъ.

Однако жъ Державинъ еще не отваживался открыто выступить на поприще литературы. Безъ имени своего напечаталъ онъ 1777 года въ типографіи Академіи Наукъ *Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ 1774 г.* *. Тутъ было четыре оды въ прозѣ и четыре въ стихахъ. Между первыми стóитъ замѣтить посланіе Прусскаго Короля Фридриха II къ астроному *Мовтерпію* (такъ Державинъ назвалъ славнаго Мопертюи); между

* Г-нъ Полевой ошибается, думая, что самъ Державинъ назвалъ эти оды *Читалагайскими*, и видя въ такомъ заглавіи признакъ самобытности. См. Очерки Русской Литературы. I. I, стр. 19.

послѣдними находилась и *ода на смерть Генералъ-Аншефа Бибикова*, единственная изъ Читалагайскихъ одъ, которая въ первоначальномъ видѣ вошла въ собраніе сочиненій Державина. Книжка эта, нынѣ чрезвычайно рѣдкая, напечатана была въ небольшую осьмушку на 38-хъ страницахъ *.

Въ томъ же году издалъ онъ еще два для потомства не сбереженныя имъ сочиненія, каждое отдѣльно, именно: *Письмо къ Императрицѣ или изліяніе благодарнаго сердца* и *Эпистолу И. И. Шувалову на прибытіе его изъ чужихъ краевъ въ С. Петербургъ.*

По какому поводу Державинъ изливалъ тогда свою благодарность Императрицѣ? Гражданскія и военныя заслуги его въ походѣ противъ Пугачева не были забыты: въ 1777 году онъ назначенъ былъ въ армію Полковникомъ; но вскорѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, состоялся особый Указъ о переводѣ его въ статскую службу съ чиномъ Коллежскаго Совѣтника; тогда же пожаловано ему 300 душъ въ не-

* Вотъ ея полное, по большцой части философическое содержаніе: *Въ прозѣ:* Ода на Ласкательство, Ода на Порицаніе, Ода на Постоянство, Ода къ Мовтерпію; *въ стихахъ:* Ода на Великость, Ода на Знатность, Ода на смерть Бибикова, Ода на день рожденія Императрицы Екатерины Второй (Москвитян. 1842, No. 1). По показанію Остолопова, оды эти заимствованы большею частію изъ книги *Безпечный философъ*, сочин. Фридриха II. Сверхъ одъ Читалагайскихъ Державинъ въ продолженіе похода написалъ еще *эпистолу къ Генералу Михельсону на защищеніе Казани;* но не видно, чтобы она когда-нибудь была напечатана.

давно присоединенной отъ Польши Бѣлорусской губерніи. Остолоповъ приписываетъ эту внезапную перемѣну въ судьбѣ поэта *недоброжелательству нѣкоторой особы*, а по *некрологіи* Державина *, виною были *нѣкоторыя препятствія;* но въ другомъ мѣстѣ этой же статьи сказано, что *Изліяніе благодарнаго сердца* сочинено было Державинымъ «по вышедшему ему награжденію и по опредѣленію въ статскую службу.» Отсюда раждается вопросъ: не согласовалась ли перемѣна его служебнаго поприща съ собственнымъ его желаніемъ? Рѣшительная способность его къ дѣятельности гражданской, какъ литературной, такъ и дѣловой, заставляетъ предполагать это, тѣмъ болѣе, что пожалованіе однаго изъ высшихъ чиновъ и значительной награды едва ли могло быть слѣдствіемъ какихъ-нибудь интригъ противъ него.

Вскорѣ послѣ этаго событія наступаетъ совершенно новая эпоха какъ въ службѣ и жизни, такъ и въ талантѣ Державина. Остановимся здѣсь и бросимъ общій взглядъ на пройденное семилѣтіе. Отъ этаго періода уцѣлѣло въ собраніи сочиненій Державина только двенадцать стихотвореній. Такая малочисленность объясняется тѣмъ, что онъ, какъ замѣчено, большую часть написаннаго тогда либо уничтожалъ, либо оставлялъ въ рукахъ своихъ

* Сынъ Отеч. 1816. No. XXVII.

пріятелей, а изъ Читалагайскихъ одъ не перепечаталъ послѣ почти ничего. Сказанное прежде уже достаточно показываетъ, что въ стихотвореніяхъ Державина должно внимательно отличать двѣ стороны: то, что есть результатъ его природныхъ дарованій, его творческой силы, и то, что составляетъ плодъ современныхъ ему понятій въ эстетикѣ. Въ первомъ заключается безсмертіе Державина: это вѣчная сторона его произведеній. Во второмъ выражается необходимая зависимость его, какъ человѣка, отъ времени, въ которое онъ жилъ, отъ обстоятельствъ и мнѣній, посреди которыхъ онъ развивался. Никакой геній не можетъ вполнѣ освободиться отъ вліянія этихъ внѣшнихъ условій, и при оцѣнкѣ какаго бы ни было таланта надобно имѣть ихъ непремѣнно въ виду. Если же будемъ смѣшивать его отношеніе къ времени съ вѣчными силами его духа, то наконецъ дойдемъ до того, что въ исторіи литературы, въ прошедшемъ бытіи ея, не будемъ уже находить ничего достойнаго вниманія и уваженія нашего. Такое ошибочное направленіе дѣйствительно началò нынѣ распространяться въ нашей литературѣ; но послѣдователи его не замѣчаютъ, что своею системою они лишаютъ всякаго вѣса въ будущемъ собственныя свои мнѣнія и труды, какъ подлежащіе также закону зависимости отъ современной эпохи.

Возвращаясь съ этими мыслями къ Держави-

ну, мы находимъ уже и въ первыхъ его стихотвореніяхъ всѣ признаки могучаго поэтическаго таланта, прокладывающаго себѣ новую дорогу. Онъ не довольствуется, по примѣру своихъ предшественниковъ, одними празными чувствованіями и тяжело выработанными идеями, одѣтыми въ громозвучныя или пошлыя фразы, но заимствуетъ свое вдохновеніе изъ вседневныхъ явленій дѣйствительной жизни, изъ глубины тревожнаго духа: онъ искренно повѣряетъ то любовь свою, то скорбь, то умиленіе сердца, утѣшеннаго Религіей. Изрѣдка только становится онъ на ходули торжественной оды и еще не умѣетъ совладѣть съ этимъ опаснымъ родомъ поэзіи, потому-что, вопреки своему таланту, силится подражать холоднымъ образцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ замѣчаемъ мы у него, болѣе или менѣе, неточность выраженій, небрежность языка, иногда темноту смысла отъ запутанности въ порядкѣ словъ, и все, что уже прежде было указано какъ плодъ ошибочной теоріи. Ложныя правила стѣсняютъ его, но Державинъ, на перекоръ имъ, руководствуется простотою и естественностію въ одѣ на смерть Бибикова, отчасти и въ Успокоенномъ невѣріи. Не упоминаю о пѣсняхъ въ честь Петра Великаго и остальныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ разбираемой эпохи, потому-что легкость, простота, естественность считались и тогда уже неотъемлемою ихъ принадлежностью. Но въ *Пѣсняхъ* опять видно усиліе говорить такимъ языкомъ, который бы самою жесткостью

и неправильностью формъ соотвѣтсвовалъ изображаемому волненію и безпорядку чувствъ. Надобно однако жъ замѣтить, что при всемъ искаженіи языка, какое иногда встрѣчается у Державина, его языкъ всегда сохраняетъ благородство. Странное дѣло: когда Сумароковъ, Петровъ, Херасковъ позволяютъ себѣ вольности, ихъ стихи звучатъ пошло; у Державина всякая строчка, не смотря на всѣ недостатки формы, дышитъ умомъ и достоинствомъ. Такова сила таланта! Еще отличительное свойство: стихи Державина, по подбору и сочетанію звуковъ, можетъ быть, стоятъ нѝже Ломоносовскихъ; но есть *поэтическая* гармонія, заключающаяся въ способѣ выражать и соединять мысли, въ теченіи и сочетаніи оборотовъ: какъ высоко Державинъ съ самаго начала сталъ, въ этомъ отношеніи, надъ своими предшественниками!

Въ этой Главѣ упомянуто о *всѣхъ* извѣстныхъ произведеніяхъ Державина въ описанное семилѣтіе и почти изъ всѣхъ представлены образцы. Того требовала самая скудость этихъ матерьяловъ къ изученію первоначальнаго развитія Державина. По мѣрѣ усиленія его производительности можно̀ будетъ наблюдать, относительно, бо̀льшую умѣренность въ выпискахъ изъ его стихотвореній.

Я. Гротъ.

ДВОРЕЦЪ.

ПОВѢСТЬ АЛЬМКВИСТА.

Отъ корреспондента Современника. И прежде уже въ Современникѣ помѣщаемы были статьи, переведенныя съ Шведскагс Финляндцами, основательно изучившими Русской языкъ. Таковы были въ 1842 году: *О Королѣ Густавѣ Адольфѣ* (Т. XXVII), въ 1843-мъ *Путевыя письма Ленрота изъ сѣверныхъ губерній Россіи*, и *Яковъ Делагарди* (Т. XXXI), въ 1844-мъ *Вечеръ на Рождество въ лоцманской избѣ*, и *Островъ на рѣкѣ Улео* (Т. XXXIV). Въ нынѣшнемъ году въ Современникъ опять будутъ иногда входить труды уроженцевъ Финляндіи, любопытные не только по новости содержанія, но и какъ ясные признаки усиливающагося знакомства иноплеменныхъ нашихъ братій съ Русскимъ языкомъ. Вотъ, на первый случай, повѣсть Альм-

квиста, переводъ г. Л., который въ Финляндіи извѣстенъ уже своими удачными переводами въ стихахъ и въ прозѣ съ Русскаго на Шведскій языкъ (Соврем. т. XXX, стр. 223). И въ этомъ журналѣ уже не въ первый разъ появляется его трудъ.

Если г. Л. будетъ продолжать занятія такаго рода, то литература наша имѣетъ право ожидать много интересныхъ пріобрѣтеній отъ молодаго поэта, который представилъ Финляндской публикѣ образцы поэзіи Баратынскаго, Батюшкова, Пушкина, Державина, Языкова, Графини Ростопчиной и другихъ Русскихъ поэтовъ. Прибавлю еще, что слѣдующее небольшое вступленіе, помѣщаемое здѣсь передъ повѣстью *Дворецъ*, также принадлежитъ перу г. Л.

*

«Не только въ Шведской, но вообще и въ Европейской современной литературѣ, Альмквистъ есть чрезвычайно замѣчательное явленіе. Въ Шведской литературѣ онъ неоспоримо занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Исполинская дѣятельность по многочисленнымъ и разнороднѣйшимъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, свѣтлый, проницательный умъ, обширныя познанія, глубоко-поэтическая душа и свѣжее, неисчерпаемо-богатое воображеніе—

вотъ качества, которыя невольно поражаютъ и плѣняютъ даже самаго поверхностнаго читателя его сочиненій. Но, съ другой стороны, странная, жаде дикая оригинальность, прихотливое пренебреженіе всѣми обще-принятыми законами искуства, поэзіи и даже языка, а всего болѣе дѣятельность его въ качествѣ политическаго писателя возбудили на счетъ его множество враждебныхъ толковъ и даже гоненій. По–этому мы до сихъ поръ не рѣшались короче знакомить съ нимъ читателей Современника, желая сперва выставить тѣхъ корифеевъ богатой Шведской литературы, которыхъ достоинства единогласно признаны ихъ соотечественниками. Во всякомъ ученомъ трудѣ излагаются сперва правила, а потомъ уже изъятія. Альмквистъ въ литературѣ составляетъ такое изъятіе. Мощный духъ его, окованный въ мнимыхъ цѣпяхъ внѣшняго міра, борется съ невозможностями и сокрушается отъ тщетныхъ усилій сладить съ мятежными демонами въ собственной душѣ его. Онъ пламенно желаетъ всего благаго и истиннаго. Злоупотребленія и несчастія человѣчества глубоко трогаютъ его. Въ избыткѣ поэтическихъ силъ онъ не довольствуется медленнымъ ходомъ просвѣщенія и гражданственнаго развитія — вотъ вся вина его! Но въ минуты чистаго, пламеннаго вдохновенія онъ истинно-великъ. Современники никогда не поймутъ его *вполнѣ*, и одно только потом-

ство въ состоянiи и въ правѣ рѣшить, былъ ли онъ — сумасбродъ, или — генiй!

Объ Альмквистѣ и его значенiи для литературы легче написать цѣлые томы, нежели въ краткой журнальной замѣткѣ дать о немъ ясное понятiе. Намѣреваясь по-временамъ сообщать въ вѣрныхъ переводахъ нѣкоторыя изъ лучшихъ его сочиненiй, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, мы, можетъ быть, успѣемъ хоть въ нѣкоторой мѣрѣ дать читателямъ возможность судить о немъ. Въ этомъ предположенiи, помѣщая нынѣ въ Современникѣ одну занимательную повѣсть его, считаемъ нужнымъ напередъ изложить вкратцѣ главнѣйшiе факты его жизни и огромной литературной дѣятельности.

Альмквистъ родился въ Стокгольмѣ въ исходѣ 1793 г. Отецъ его былъ Кригсъ-Коммиссаръ. Оба дѣда его, по отцѣ и по матери, были люди извѣстные въ Шведской литературѣ. Получивъ степень магистра философiи при Упсальскомъ Университетѣ, Альмквистъ опредѣлился на службу въ Духовную экспедицiю, изъ которой по просьбѣ уволенъ въ 1823 г. канцеляристомъ. Тогда онъ поселился въ деревнѣ, женился на дѣвушкѣ простаго званiя и сдѣлался — земледѣльцемъ! Вотъ какъ онъ самъ расказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ. «Душа моя была проникнута желанiемъ небеснаго и земнаго

вмѣстѣ — небеснаго настроенія духа и вмѣстѣ съ тѣмъ наслажденія чистою природой. Это-то именно желаніе, потребность подобнаго слiянія, устремляло дѣятельность мою въ двѣ различныя стороны. И-такъ я, совершенно отказавшись отъ общественной жизни, не только въ литературномъ отношеніи, но и въ самомъ бытѣ, поселился въ деревнѣ, и вовсе не господиномъ, а простымъ земледѣльцемъ, работая собственными моими руками. Назовутъ это сумасбродствомъ. Между-тѣмъ причины были не поверхностныя, но глубокія, проистекшія отъ великихъ внутреннихъ потребностей, которыя конечно многіе чувствуютъ, но немногіе рѣшаются удовлетворять имъ на дѣлѣ: по большой части довольствуются одними желаніями, оставаясь съ ними, безъ дальнѣйшихъ затѣй, смирнехонько въ кабинетѣ.» Само собою разумѣется, что одна *природа*, во всей наготѣ своей, не могла долгое время удовлетворять полной и образованной душѣ Альмквиста. Въ 1827 году онъ возвратился въ общество и избралъ учительское званіе. Сперва служилъ онъ при военной академіи въ Карлсбергѣ, а въ 1828 г. былъ Ректоромъ элементарной школы въ Стокгольмѣ, и въ этой должности оставался до 1840 г., когда по просьбѣ опять уволенъ въ отставку.

До удаленія въ деревню, литературная его дѣятельность ограничивалась нѣсколькими безыменно изданными брошюрами и журнальными статья-

ми. Настоящая же производительность его начинается со времени возвращенія его въ свѣтъ и общество. Множество учебниковъ по части Шведской грамматики, ариѳметики, геометріи и пр., всѣ изданныя по нѣскольку разъ, обнаруживали въ немъ педагога ученаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинальнаго. Впрочемъ сужденія и о нихъ очень различны. Еще болѣе обратили на себя вниманіе публики помѣщенныя имъ въ журналѣ «Скандія» многочисленныя и ученыя и литературныя статьи, всѣ дышащія оригинальностію и глубокимъ умомъ. Сверхъ того издалъ онъ отдѣльно множество романовъ, повѣстей, расказовъ для простонароднаго чтенія, начало обширнаго словаря Шведскаго языка и «сагу человѣчества», или географическую исторію міра — огромный трудъ, поражающій странною смѣсью глубокой учености и самыхъ невѣроятныхъ, хотя поэтически-прекрасныхъ ипотезъ на счетъ баснословной исторіи народовъ средней Азіи. Но главное сочиненіе, упрочившее извѣстность и славу его, есть циклъ романовъ, драмъ, поэмъ и разсужденій, отдѣльныхъ по сюжетамъ, но состоящихъ между собою въ тѣсной внутренней связи, подъ страннымъ заглавіемъ: «Вольныя фантазіи, которыя въ цѣлости г-нъ Гуго Лёвенштерна называлъ то книгою шиповника, то блудящею ланью». Въ этомъ собраніи — до сихъ поръ вышло XIII томовъ — лучшія произведенія: романъ «Алмазы Королевы; поэмы: «Рамидо Маринеско,» «Феррандо

Бруно» и «Шемсъ-эль-нія»; трагедіи: «Изидоръ», «Синіора Луна» и «Лебединая пещера въ Ипсарѣ» и м. д.

Остовомъ этаго чуднаго цикла повѣстей и драмъ служитъ слѣдующее. Отставной Гофмаршалъ Шведскаго Двора, Гуго Лёвенштерна, «любитель расказовъ», поселившись въ своемъ имѣньи, «охотничьемъ замкѣ», каждый вечеръ собираетъ вокругъ себя свое многочисленное семейство, и всѣ присутствующіе обязаны по очереди расказывать что-нибудь. Въ послѣдствіи присоединяется къ этому почтенному обществу расказщиковъ еще новое лице, «Ричардъ Фурумо», который впрочемъ не кто иной, какъ самъ сочинитель, и наконецъ становится единственнымъ расказщикомъ. Эти предварительныя объясненія необходимы для полнаго разумѣнія повѣсти «ДВОРЕЦЪ».

*

Былъ прекрасный, но холодный вечеръ. Семейство Гофмаршала собиралось въ одномъ изъ мѐньшихъ покоевъ охотничьяго замка, гдѣ весело привѣтствовала ихъ печка, въ первый разъ еще затопленная въ эту осень. Канделабры уже горѣли по угламъ комнаты, и всѣ слушатели заняли мѣста, въ ожиданіи

вечерняго расказа. Но Ричардъ, вмѣсто того, чтобы начать повѣсть, остановился у фортепьяно, и небрежно повелъ рукою по клавишамъ: тоны вышли такіе странные, необычайные, что показалось, будто слышится даже не-Европейская музыка. Это обратило на себя вниманіе всѣхъ. «Что это значитъ»? вскричалъ Гофмаршалъ: «я знаю, что ты «былъ за границею, Ричардъ; можетъ быть, далеко, «и дальше, нежели мы думали?»

Я припоминалъ начало мелодіи, отвѣчалъ онъ. Изъ всѣхъ приключеній, бывшихъ со мною, я не знаю ни однаго, которое сдѣлало бы на меня такое странное впечатлѣніе, какъ то, что однажды случилось со мною въ одномъ большомъ приморскомъ городѣ въ Англіи.

«Поди сюда — сюда — садись къ намъ; здѣсь будетъ слышнѣе. Въ Англійскомъ приморскомъ городѣ, въ Англ — —». Ричардъ приблизился.

Я часто бывалъ — сказалъ онъ — на одномъ изъ лучшихъ гульбищъ этаго города, богатомъ и привлекательномъ по своимъ прекраснымъ аллеямъ. Тутъ собирались люди всѣхъ возрастовъ. На молодежи блистало все, что̀ мода представляетъ новѣйшаго и прелестнѣйшаго. Мущины и дамы лучшаго тона встрѣчались здѣсь въ первый разъ. Не одинъ союзъ первоначально заключенъ былъ на этомъ

гульбищѣ. Заведеніе минеральныхъ водъ, и теплыхъ и холодныхъ, для питья по-утрамъ, было благотворно не только для однаго здоровья, но и для удовольствій цѣлаго дня—и пышная гостиница, «Hôtel d'Asie», въ концѣ длинныхъ аллей, принимала какъ иностранцевъ и пріѣзжихъ изо всѣхъ окрестностей, такъ и собственныхъ жителей города, когда они, послѣ тысячи веселыхъ обходовъ подъ тѣнистыми деревьями, желали насладиться здѣсь отдыхомъ.

Этотъ городъ производилъ такую обширную торговлю съ гаванями Азіи, Америки, Африки и Европы, что его можно было скорѣе назвать всемірнымъ, нежели Англійскимъ городомъ.

По сторонамъ аллеи стояли скамейки и софы изъ краснаго дерева, у которыхъ прекраснѣйшія группы пѣшеходовъ часто останавливались передъ другими сидящими группами. Живость и прелесть подвижныхъ картинъ увеличивалась не мало появленіемъ нищихъ, которые въ своихъ сѣрыхъ или темныхъ лохмотьяхъ такъ же рѣзко отдѣлялись отъ другихъ гуляющихъ, какъ въ складкахъ листьевъ на картинѣ оттѣнки туши отличаются отъ яркихъ, искусно расписанныхъ цвѣтовъ.

Я замѣчалъ, что эти нищіе почти всегда получали что-нибудь. И подача милостыни принадле-

житъ къ числу удовольствій богатаго. То, чего онъ лишаетъ себя, ничтожно передъ радостію сердца, расширяющагося при маломъ даже благодѣяніи; и возобновляющаяся мысль о счастливомъ положеніи его, въ сравненіи съ судьбою согнувшагося передъ нимъ бѣдняка, конечно стòитъ того, чтобъ каждый разъ заплатить за нее нѣсколько пенни.

Въ этомъ городѣ навѣрное было много добрыхъ людей: я не видѣлъ никого, кто бы просилъ милостыни съ настойчивымъ безстыдствомъ, или подавалъ ее съ надменною холодностію. Бѣдный былъ привѣтливъ въ своемъ уничиженіи, и богатый ласковъ въ обнаруживаніи своей благотворительности. Такая привѣтливость съ обѣихъ сторонъ стòила болѣе самыхъ даровъ; она сближала два разъединенныя сословія.

Углубляясь въ длинную аллею, по которой въ то время никто не ходилъ, замѣтилъ я на одной боковой скамейкѣ женщину, сидѣвшую неподвижно. Она была стара, одѣта въ полосатое грубое и изодранное шерстяное платье; блѣдное, худощавое лице ея дополняло картину отвратительной бѣдности. Меня поразило, что она сидѣла, потому-что нищіе обыкновенно ходятъ. Она, можетъ быть, устала сегодня? Или считаетъ собранную въ этотъ вечеръ милостыню? Проходя мимо, я приблизился къ ней, чтобы удостовѣриться, не принадлежитъ ли она къ

числу «застѣнчивыхъ бѣдныхъ,» которыхъ въ высшемъ сословіи называютъ: «*pauvres honteux.*» Они въ нѣкоторомъ смыслѣ носятъ двойную тягость; и потому для меня всегда было особеннымъ удовольствіемъ приближаться къ нимъ, и видѣть выразительные, изъ глазныхъ ямъ вылетающіе взоры, почти пожирающіе ожидаемое подаяніе, между-тѣмъ-какъ языкъ отказывается отъ малѣйшаго содѣйствія, и рука судорожно борется между необходимостью протянуться и стыдомъ, ее удерживающимъ. Любопытно наблюдать ужасное поле сраженія, гдѣ грубая земная нужда борется съ высокою и чувствительною душею. Какое наслажденіе тихо и неожиданно приблизиться къ такому человѣку и небольшимъ подаркомъ, котораго онъ никогда не просилъ, при одномъ упоминаніи котораго онъ бы содрогнулся, облегчить душу въ тяжкой борьбѣ ея и дать радости немного мѣста въ груди, отвыкшей отъ нея. Я обыкновенно не упускаю такаго удовольствія; такъ и теперь хотѣлъ я воспользоваться случаемъ. Но когда червонецъ уже былъ у меня въ пальцахъ, и я подошелъ къ сидѣвшей женщинѣ, то я не смѣлъ протянуть руки своей. Она съ такимъ глубокимъ равнодушіемъ посмотрѣла на меня; даже, если правду сказать, она вовсе на меня не смотрѣла, а обращала голову къ высокому, вѣтвистому дереву, стоявшему за скамьей, устремляя взоръ далеко въ другую аллею, какъ будто бы она ждала кого-нибудь.

А! думалъ я про себя; такъ мнѣ нельзя? И въ самомъ дѣлѣ, на этотъ разъ *я* былъ нищій — и *мнѣ* отказали. И-такъ я пошелъ далѣе; однако же не могъ удержаться, чтобъ по-временамъ не оглядываться. Скоро я увидѣлъ мущину, стараго, худо одѣтаго, блѣднаго и изнуреннаго, который съ трудомъ тащился къ скамьѣ, гдѣ сидѣла женщина. Я остановился позади дерева, чтобъ наблюдать ихъ движенія. Старуха приняла прибывшаго человѣка съ жестами живыми и веселыми, сколько то позволяла ея слабость. При встрѣчѣ ихъ, старикъ медленно, но очень опредѣленно, указывалъ пальцемъ на конецъ той аллеи, по которой онъ пришелъ; поглядѣвъ туда, я не открылъ ничего другаго, кромѣ заднихъ воротъ гостинницы Hôtel d' Asie.

Оба теперь пошли вмѣстѣ. Я крался за ними на небольшомъ разстояніи. Они отправились не по той аллеѣ, по которой пришелъ старикъ, но совершенно въ другую сторону. Оба шатались; но, идя рука объ руку, вѣрно поддерживали другъ друга. Такъ-какъ у нихъ во время ходьбы довольно часто сходились лица, то я полагалъ, что они живо бесѣдовали. Черезъ нѣсколько времени они достигли конца аллеи, гдѣ пересѣкала ее широкая проѣзжая дорога. Вообразите мое изумленіе, когда, въ тотъ же мигъ, въ который часы на ближней башнѣ пробили восемь, большая, богатая карета парой остановилась насупротивъ нашей аллеи: лакей въ

блестящей ливреѣ соскочилъ съ запятокъ, отворилъ дверцы кареты, учтиво спустилъ подножку и высадилъ изъ экипажа двухъ человѣкъ — которые оба были въ лохмотьяхъ; лица ихъ выражали безпокойство и испугъ.

Этаго не довольно. Когда они вылѣзли, подошли другіе два, за которыми я слѣдилъ; лакей, протянувъ къ нимъ руку, съ такою же учтивостью какъ къ первымъ, помогъ имъ влѣзть въ карету. Ни одна изъ двухъ паръ не поклонилась другой; онѣ, казалось, были совершенно незнакомы другъ съ другомъ; но каждый изъ нихъ видѣлъ въ свою очередь, что одни вылѣзали, а другіе влѣзали. Захлопнувъ дверцы, лакей опять занялъ свое мѣсто позади кареты, и я скоро увидѣлъ его тамъ вмѣстѣ съ двумя другими лакеями, одѣтыми еще роскошнѣе. Кучеръ искусно ударилъ хлыстомъ, который блисталъ накладнымъ перломутромъ, а висѣвшій на немъ бичь, казалось, скрученъ былъ изъ шелку и шафрану; въ тихомъ и ясномъ вечернемъ воздухѣ раздался пріятный звукъ—и карета уѣхала.

Я тутъ застоялся. Я такъ углубился въ размышленія о величинѣ и богатствѣ кареты, что вылѣзшіе изъ нея два человѣка, между-тѣмъ, укрылись въ боковой аллеѣ, а тѣхъ, которые конечно могли бы сообщить мнѣ болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія, мнѣ ужъ нельзя было найти. И

теперь въ расказѣ своемъ я бы не сталъ такъ долго останавливаться на всѣхъ этихъ нищихъ, которымъ случилось ѣздить въ каретѣ, если бъ не для того, чтобъ показать, какъ они, въ особенности первая женщина, мало по-малу, хотя безъ вѣдома моего, вовлекли меня въ это приключеніе. Теперь, когда мое любопытство уже было возбуждено, я вздумалъ слѣдить самую ту загадочную карету, чтобъ узнать о ней побольше; но напрасно: она умчалась слишкомъ скоро.

Не будучи связанъ недосугомъ, я опять воротился подъ деревья, шелъ, куда глаза глядятъ, упивался прохладою вечера, проходилъ мимо многихъ, бывшихъ какъ я въ раздумьи, и наконецъ остановился на томъ рѣшеніи, чтобъ въ этотъ вечеръ на что-нибудь рѣшиться. Въ ту самую минуту, какъ я размышлялъ о томъ, пробило девять съ половиною; и едва послышался бой часовъ, какъ проходившій мимо человѣкъ высокаго роста сказалъ одному изъ своихъ товарищей: «слышишь, бьетъ девять съ половиною.»

Эта неважная истина не должна бы была привлечь мое вниманіе. Но какъ я въ тотъ вечеръ не былъ въ обыкновенномъ обществѣ моемъ, а ходилъ одинъ одинехонекъ, то все меня поражало, и теперь я рѣшился — такъ-какъ ужъ былъ десятый часъ — пойти ужинать. Я вошелъ въ гостин-

ницу, прошелъ черезъ нѣсколько залъ, которыя мнѣ не понравились, потому-что за столами въ нихъ сидѣла бездна голодныхъ, болтающихъ, шумящихъ, перешептывающихся, людей всѣхъ состояній и всѣхъ языковъ.

Я скоро очутился въ одной изъ маленькихъ комнатъ, изящно убранной, со столами въ углубленіяхъ оконъ. Тутъ хотѣлъ я расположиться, какъ вдругъ увидѣлъ картины на стѣнахъ. Одна изъ нихъ бросилась мнѣ въ глаза; она была похожа на афишку, не на деревѣ вырѣзанную, а будто гравированную на стали. Но въ узорахъ и эмблеммахъ было что-то афишечное — и. . . Что это значитъ? вскричалъ я. Въ серединѣ изображена была карета, съ упряжью, кучеромъ и лакеями, съ рѣзными дверцами и крашеными стеклами, однимъ словомъ, все, что недавно въ аллеѣ составляло предметъ моего любопытства.

Внизу афишки также были какія-то слова; но на какомъ языкѣ? Два ряда незнакомыхъ мнѣ буквъ вѣроятно точнѣе объясняли дѣло. Monsieur, спросилъ я однаго изъ служителей гостинницы, который проходилъ черезъ комнату, что это значитъ? Онъ только пожалъ плечами, однако жъ самымъ учтивымъ образомъ. — Я желаю здѣсь ужинать — «Me voilà!» Я заказалъ порцію. — Но, продолжалъ я — для какой же нибудь цѣли картина эта

здѣсь вывѣшена?—Улыбка и легкое качанье головою, и тихо произнесенныя слова: не спрашивайте объ этомъ — былъ весь отвѣтъ его. Онъ ушелъ. Миловидный молодой человѣкъ принесъ мнѣ порцію. Послушай, другъ мой, что значитъ эта иностранная афишка? спросилъ я у него.

Эта? живо возразилъ онъ.

Да, да, именно она. Умѣешь ли ты прочитать, что тутъ внизу? По-Русски, по-Турецки, или — if you please — по-Китайски это?

Нѣтъ, по-Японски.

Ха, ха, ха! Я понялъ, что онъ за маленькую шутку отплатилъ тѣмъ же. — Но серьёзно, другъ мой, что значатъ слова эти? — продолжалъ я.

Этаго я не знаю, и никто не можетъ объяснить того, отвѣчалъ онъ; но смыслъ тотъ же, что въ той афишкѣ, которая на нашемъ языкѣ прибита къ однимъ изъ заднихъ воротъ для чернаго народа.

Что же все это значитъ?

Это вы можете узнать отъ продавца билетовъ.

А гдѣ же онъ?

Тутъ направо.

Проводи меня туда ради Бога. Мы пошли. Я нашелъ здѣсь вѣжливаго продавца, который по-настоящему также былъ трактирный слуга, но взялъ на себя это постороннее занятіе. По чемъ твои билеты? И что ты можешь объяснить на счетъ афиши?

По чемъ билеты? Нѣтъ, милостивый государь, не такъ. Карета, здѣсь изображенная, возитъ людей по городу каждый вечеръ. Кто *хочетъ* ѣхать въ ней, тому платятъ за то гинею, подъ торжественнымъ обѣщаніемъ никому не объявлять, что̀ онъ во время поѣздки испытаетъ. Я здѣсь раздаю билеты, по которымъ впускаютъ въ карету. Прибывъ на мѣсто и вышедши изъ нея, пассажиръ получаетъ гинею въ видѣ платы за это.

Да куда же ѣздятъ?

Этаго не знаю.

Но вѣроятно не попадешь туда, куда хочешь?

Вѣроятно нѣтъ, такъ-какъ за это платятъ.

Развѣ мѣста для всѣхъ открыты?

Для всѣхъ. До сихъ поръ однако же одни только бѣдные пользовались этимъ, потому-что доходъ показался имъ легкимъ. Но —

Что? какое тутъ *но*?

Да о томъ не слѣдуетъ говорить.

Почему нѣтъ? Для меня это очень важно знать.

Для васъ? если смѣю спросить.

Потому-что я хочу взять билетъ.

Молодой человѣкъ вытаращилъ глаза, осматривая меня съ головы до ногъ. Вѣроятно, я въ глазахъ его не походилъ на бѣдняка, нуждающагося въ гинеѣ, на какихъ бы ни было условіяхъ.

Ну — такъ развѣ мнѣ нельзя знать ровно ничего? Дайте мнѣ билетъ. Когда ѣхать?

Завтра вечеромъ: вотъ билетъ, но —

Но?

Откровенно говоря — бѣднымъ людямъ можетъ

пригодиться гинея, за то они должны и понести что-нибудь.

Развѣ тутъ кроется что-нибудь постыдное?

Не могу сказать: по крайней мѣрѣ, я того не думаю. Но — да — троихъ, четверыхъ, пятерыхъ изъ нихъ тотчасъ должно было отвезти въ городскую больницу. Мы же сами должны чрезвычайно осторожно поступать при продажѣ билетовъ, чтобы тутъ не вмѣшалась городская полиція. Если бъ при этомъ не было славнаго дохода, то —

Дайте мнѣ билетъ: во что бы ни стало, я поѣду. Онъ молча вручилъ мнѣ билетъ.

Я возвратился, поужиналъ, расплатился, пошелъ домой, проспалъ ночь; всталъ на слѣдующее утро — и весь день старался, сколько могъ, развлекать свое нетерпѣніе.

Наступилъ вечеръ; пробило 8 часовъ—и я стоялъ въ готовности у знакомой аллеи, пресѣкаемой дорогою. Пріѣхала карета; лакей слѣзъ; я предъявилъ ему свой билетъ; онъ кивнулъ въ знакъ согласія, но сперва подошелъ къ дверцамъ, чтобъ отпереть ихъ и высадить тѣхъ, которые пріѣхали.

Изъ дверецъ высунулся старикъ высокаго ро-

сту — и безъ чувствъ упалъ лакею на руки. Не заботясь объ этомъ, тотъ принялъ падающаго, далъ ему гинею, отнесъ его на нѣсколько шаговъ отъ кареты и положилъ на скамью, гдѣ безъ дальнихъ околичностей и оставилъ несчастнаго. Потомъ онъ далъ мнѣ знакъ, чтобъ я влѣзалъ. Признаюсь, я былъ въ недоумѣніи. Кто же здѣсь смотрѣть будеть за больнымъ? спросилъ я у лакея. Не отвѣчая, повторилъ онъ мнѣ только знакъ, чтобъ я входилъ. Я вошелъ; захлопнулись дверцы. Карета покатилась.

Экипажъ былъ просторенъ. Я сидѣлъ въ немъ покойно. Но многіе предметы привлекали мое вниманіе. Большая карета была освѣщена внутри маленькою стеклянною лампой, утвержденною въ углу. Ароматное масло разливало пріятный запахъ и пріятный свѣтъ. Я сидѣлъ одинъ на желтой сафьянной подушкѣ, и шелковый занавѣсъ отъ потолка до полу раздѣлялъ карету на двѣ части, такъ-что я не могъ видѣть ни другихъ дверецъ, ни цѣлой другой половины кареты. Я, слѣдственно, не могъ знать, былъ ли у меня какой сосѣдъ на лѣвой сторонѣ, за занавѣсомъ; а какъ карета была четырехмѣстная, то напротивъ меня также было мѣсто, на которомъ могъ бы ѣхать еще кто-нибудь. Занавѣсъ же былъ такой частый, что я ничего не могъ видѣть сквозь него, и такъ плотно примыкалъ къ потолку, сторонамъ и полу, что

мнѣ рѣшительно невозможно было добиться толку. Я, разумѣется, сидѣлъ молча, и карета мчалась впередъ безъ остановокъ; мостовая была хорошая, тряска незначительная.

Это удовольствіе наконецъ начинало надоѣдать мнѣ. Я вынулъ часы свои и увидѣлъ, что скоро вылѣзать; а я надѣялся-было, что меня подвезутъ къ какимъ-нибудь воротамъ, введутъ куда-нибудь — и я что-нибудь увижу, или — Богъ знаетъ, чего я ни надѣялся. Но ѣхать, только ѣхать — и наконецъ больше ничего, какъ вылѣзть!

Желтый тафтяный занавѣсъ, который при свѣтѣ лампы блисталъ мнѣ въ глаза, подстрекалъ мое любопытство; этаго я не могъ отвратить. Чтобъ за нимъ не было ничего, кромѣ пустой половины кареты—это мнѣ казалось невозможнымъ. Тутъ, за нимъ, должно быть что-нибудь.

Я уже протянулъ пальцы прикоснуться къ тафтѣ, какъ вдругъ замѣтилъ за нею тѣнь, которая съ своей стороны также приближалась къ занавѣсу, по мѣрѣ того, какъ я подносилъ къ нему мои пальцы. Это было похоже на то, чтò видится въ зеркалѣ, хоть я не могъ постигнуть, какимъ образомъ это дѣлалось. Еще мнѣ показалось, что темный предметъ, который приближался соотвѣтственно съ моими пальцами, не былъ вполнѣ отраже-

ніемъ ихъ, не совершенно походилъ на нихъ, какъ бы этому слѣдовало быть, если бъ тутъ было зеркало. Собравшись съ духомъ, я взялъ тафту въ пальцы, желая узнать, что тутъ кроется. Въ-мигъ пальцы мои обхватило клещами, и такъ крѣпко, что я напрасно старался освободить ихъ. Не могу описать своей боли. Тутъ таился какой-то низкій обманъ, и досада моя была тѣмъ чувствительнѣе. Пальцы конечно не были такъ плотно сжаты, чтобъ боль доходила до настоящей пытки; но какъ я не могъ ихъ освободить, то все тѣло мое пришло въ кривое, чрезвычайно мучительное положеніе. Я взялъ другую руку на помощь; но едва она прикоснулась къ тафтѣ, какъ ее такимъ же образомъ стиснуло. Я стыдился кричать; но, вышедъ изъ-себя, хотѣлъ освободиться ногами: въ-мигъ и ноги были захвачены.

Холодный потъ покатился по лбу. Къ счастью карета остановилась, и лакей отперъ дверцы съ изысканною вѣжливостью. Какъ только онъ дотронулся до рукъ и до ногъ моихъ, всѣ связи исчезли, и я вылѣзъ, не безъ чувствъ, какъ послѣдній предшественникъ мой, а съ намѣреніемъ, захвативъ лакея, какъ говорится, за шиворотъ, потащить туда, гдѣ бы онъ передо мною и передъ цѣлымъ міромъ поплатился за такое неслыханное обращеніе.

Но я одумался, когда увидѣлъ, что вокругъ меня всѣ дорожки совершенно безлюдны, и что противникъ мой, кромѣ кучера, могъ бы призвать на помощь еще двухъ пріятелей съ запятокъ кареты. Поэтому я скрежеталъ зубами инкогнито — и гинея, которую онъ съ чрезвычайною вѣжливостью предложилъ мнѣ въ вознагражденіе за ѣзду, стремглавъ отправилась въ канаву, въ слѣдствіе эластическаго удара, сообщеннаго мною упругой рукѣ лакея. Это однако жъ вовсе не смутило его; съ равнодушіемъ и хладнокровіемъ утонченнаго придворнаго онъ отошелъ въ сторону, занялъ свое мѣсто — и карета умчалась.

Это приключеніе показалось мнѣ самымъ лишнимъ, какое люди когда-либо затѣивали. Но когда я идучи сталъ обдумывать, къ чему бы все это было — эта поѣздка — эта карета — этотъ чрезвычайно замысловатый, почти непостижимо устроенный механизмъ — и наконецъ всѣ издержки; то мнѣ пришло на умъ, что я самъ былъ причиною негодной развязки. Зачѣмъ былъ я такъ любопытенъ? Не тронь я тафты, кто знаетъ — что-нибудь другое должно же бы было наконецъ приключиться?

Запастись новымъ билетомъ — вотъ на что я рѣшился. Сказано — сдѣлано. Наступилъ слѣдующій вечеръ. Къ счатью, моимъ рукамъ не такъ досталось, чтобъ надобно было позвать хирурга. Я съ билетомъ опять у дверецъ кареты. Лакей удивит-

ся, когда увидитъ меня въ другой разъ — подумалъ я. Не тутъ-то было: удивленіе для этаго человѣка, кажется, было сущею невозможностью. Я влѣзъ.

Что я въ каретѣ сидѣлъ осторожно, само собою разумѣется. Занавѣсъ и весь экипажъ были попрежнему. Я положилъ, ни подъ какимъ видомъ, не трогать опасной тафты. Ѣзда была чудесная; я сидѣлъ на подушкѣ, набитой лебяжьимъ пухомъ — такъ мнѣ казалось.

Мое равнодушіе и рѣшимость преодолѣть всякое любопытство продолжались. Я занимался выниманіемъ своихъ часовъ; время шло медленно и однообразно. Но лампа горѣла ярко, издавая чудесный запахъ. Безъ сомнѣнія, я позволялъ себѣ глядѣть на тафту, и я бы проглядѣлъ ее наскозь, если бъ вдругъ занавѣсъ не поднялся. Подлѣ меня, слѣва, сидитъ дама, одѣтая въ желтое шелковое платье. Немало я изумился.

Она сидѣла, прислонясь къ лѣвому углу кареты такимъ образомъ, что была вполовину обращена ко мнѣ; глаза же ея были устремлены прямо на меня. Впрочемъ она ихъ ни подымала, ни опускала. Губы ея не шевелились; щеки были круглыя, но не пріятно, и цвѣтъ ихъ болѣе желтоватъ, нежели бѣлъ. Волосы были причесаны хоть

не совсѣмъ обыкновеннымъ, однако жъ красивымъ образомъ. Она безпрестанно смотрѣла прямо на меня большими, черными и блестящими глазами.

Я нѣсколько разъ сбирался открыть ротъ для вопроса, но, опасаясь попытки, невольно опять сжималъ его. Безпрерывно, хотя бы не болѣе двадцати минутъ, быть предметомъ проницательнаго, пристальнаго взора изъ двухъ незнакомыхъ глазъ, не выражающихъ никакаго чувства, не подымающихся, но и не опускаемыхъ, даже не мигающихъ — кто испыталъ это, тотъ знаетъ, что̀ такое ужасъ. Въ неподвижномъ взглядѣ моей сосѣдки конечно было столько же мало ненависти, сколько и благоволенія, столько же мало холода, сколько и теплоты; тутъ не было ничего опаснаго: однако жъ такіе взоры наводятъ величайшее смущеніе, на кого они обращены. Я начиналъ думать, что подлѣ меня сидитъ не живое существо, а изукрашенная, съ величайшимъ искуствомъ сдѣланная статуя. Но едва пробудилась во мнѣ эта мысль, какъ женщина подняла правую руку къ волосамъ, какъ будто для того, чтобы поправить локонъ на вискахъ; другою она приводила въ порядокъ нѣсколько складокъ на длинномъ платьѣ своемъ. Эти движенія однако же не мѣшали ей сидѣть и глядѣть по-прежнему. Одинъ разъ у нея раскрылся-было ротъ — но чуть-чуть только, не болѣе, какъ сколько нужно было для дыханія, и сквозь узенькое отверстіе

показался рядъ бѣлыхъ, необыкновенно маленькихъ, но ровныхъ зубовъ.

Я всячески старался избѣгать ея взоровъ. Я нервами не страдаю; но это потрясало до самой глубины все существо мое. Я пробовалъ заслонять глаза рукою, какъ заслоняютъ ихъ отъ солнца, или отъ свѣчъ; но увѣренность, что она все-таки смотритъ на меня, выводила меня изъ терпѣнія. Я поглядывалъ на полъ кареты, я поворачивалъ голову, такъ-что женщина могла видѣть только волосы мои; но ничто не помогало. По тѣлу моему пробѣжала лихорадочная дрожь, и мнѣ наконецъ показалось, будто я весь изнываю.

Въ эту ужасную минуту пришло мнѣ на умъ средство, которое я часто употребляю: я рѣшился почерпнуть оборону изъ самаго средоточія опасности. Я вдругъ собрался съ духомъ, поднялъ голову, обратился лицемъ прямо къ моей сосѣдкѣ, и вознамѣрился самъ смотрѣть на нее, если возможно, еще пристальнѣе и непрерывнѣе. Взоръ свой вперилъ я не на цѣлое лице ея, а на самые глаза, и въ нихъ, на самые зрачки. Едва я приступилъ къ этому смѣлому предпріятію, какъ уже сознаніе силы и крѣпости стало проникать меня. Въ эти зрачки, ясные, но черные какъ смола, я всматривался — совершенно такъ, какъ она въ меня. Видно, смѣлость, блиставшая въ нихъ, наэлектризи-

ровала меня такою же отвагой. Не знаю, чего бы я не далъ, если бъ она хоть однимъ словечкомъ прервала молчаніе и перемѣнила сцену.

Между-тѣмъ я замѣтилъ перемѣну, которая являлась періодически. Направленные на меня глаза иногда увеличивались: зрачки тогда расширялись, глазныя яблоки какъ будто хотѣли выскочить изъ головы, и, казалось, будто невыразимая боязнь искала себѣ исходу, чтобы, если можно, такимъ образомъ ввѣриться мнѣ. Въ другой разъ, напротивъ, глаза сжимались, уходили глубже въ свои круглыя ямы, и принимали такой видъ, какой бываетъ при величайшемъ напряженіи зрѣнія: зрачки становились чрезвычайно малы, но блистали какъ гранаты, или лучше, какъ темные аметисты, потому-что въ эти мгновенія они получали какой-то фіолетовой отливъ. Это попеременное увеличеніе и сжиманіе производилось не быстро, а всегда почти спустя одинакій промежутокъ времени; впрочемъ, при послѣднемъ измѣненіи, самъ по себѣ прекрасный взглядъ былъ невыносимъ. Мнѣ чудилось, какъ будто остріе обнаженной шпаги касалось лица моего. Наконецъ — во время однаго изъ такихъ измѣненій — ротъ незнакомки сталъ раскрываться немножко болѣе прежняго: я могъ видѣть кончикъ тончайшаго языка. Ахъ, если бъ она подарила меня хоть словечкомъ! подумалъ я.

Напрасно было мое желаніе. При одномъ изъ переходовъ — между-тѣмъ-какъ она раскрывала и едва замѣтно шевелила губами — лице ея выражало такое напряженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ такое оцѣпенѣніе, что во мнѣ пробудилась мысль: она хочетъ говорить — она имѣетъ великую, невыразимую нужду въ помощи — ей необходимо говорить для того, чтобы объясниться, но она не можетъ, или не смѣетъ!

И вдругъ я вскричалъ: Бога ради, что мнѣ думать? Кто вы? Чего вы хотите? Не могу ли я помочь —

Послѣднее слово замерло — потому-что занавѣсъ между нами уже былъ спущенъ, и лампа въ углу кареты потухла съ рѣзкимъ звукомъ, подобно тому, когда хрустальная чашечка на стеклянной гармоникѣ треснетъ по-поламъ. Потухая, масло издавало ароматъ вдвое сильнѣе прежняго; до сихъ поръ онъ былъ пріятенъ, теперь часъ отъ часу становился крѣпче. Я долженъ былъ впивать этотъ ядъ; глаза мои закрылись — и я упалъ бездыханный на полъ кареты. Однако жъ я не чувствовалъ никакихъ орудій пытки.

Я проснулся, когда карета остановилась. Лакей отворилъ дверцы и вынесъ упавшаго въ обморокъ пассажира своего; потомъ онъ ушелъ — и карета

уѣхала. На скамьѣ, на которой онъ меня оставилъ, я скоро опять пришелъ въ себя и вдыхалъ прохладный вечерній воздухъ съ неописанною радостью. Гинея выпала изъ руки моей. Что такое? сказалъ я самому себѣ; здѣсь и такимъ образомъ приключеніе это не можетъ кончиться. Вотъ опять любопытство мое испортило все дѣло и доставило мнѣ отрывокъ того, что въ цѣлости могло бы быть для меня очень драгоцѣнно.

Зачѣмъ спрашивать? и спрашивать? Сказалъ я въ досадѣ самому себѣ. Вопросы прервали и испортили все! Я всталъ и рѣшился взять еще билетъ.

Насталъ слѣдующій вечеръ, и я съ новымъ билетомъ стоялъ у кареты. Къ счастію, я и теперь былъ единственнымъ пассажиромъ. Меня приняли— я опять въ каретѣ.

Теперь занавѣсъ былъ черный. Другой перемѣны я не замѣтилъ. Но никто, кажется, никогда не былъ такъ тихъ, какъ я въ этотъ разъ. Счастливо кончилось первое явленіе, вѣроятно потому, что я не потрудился тронуть занавѣса. Я оглянулся налѣво; тутъ сидѣла дама въ бѣломъ платьѣ.

Та же ли она? спрашивалъ я себя. Я узналъ то же лице; но глаза уже болѣе не были устремлены на меня. Она оглядывалась въ разныя сторо-

ны, ѣхала, какъ обыкновенно ѣздятъ, и не оставалась неподвижною въ углу кареты, какъ мумія въ своемъ нишѣ. Но эта легкость, эта свобода и неожиданная открытость чуть-чуть не склонили меня къ столь обыкновенному во всякомъ обществѣ вопросу между незнакомыми: съ кѣмъ это я имѣю честь... Но вдругъ я вспомнилъ, что рѣшился не спрашивать ровно ни о чемъ — и я молчалъ. Она улыбнулась и слегка бросила взглядъ на мои губы.

Развѣ она умѣетъ читать, что происходитъ въ моей душѣ? Этаго вопроса я уже не думалъ произносить громко. Я осмѣлился посмотрѣть на очаровательныя ножки ея.

«Акамапикси менетекель уфарсинто!» Этими незнакомыми словами, произнесенными яснымъ голосомъ, она прервала молчаніе между нами. Я взглянулъ. Г-нъ Гофмаршалъ, скажите, по каковски это? Я не могу сказать этаго, и также не ручаюсь за то, что слова эти мною совершенно правильно переданы послѣ такаго долгаго времени. Однако жъ я изумился, услышавъ, что послѣднія слова ея почти тѣже, какія, по свидѣтельству Ветхаго Завѣта, перстомъ начертаны были на стѣнѣ во время пышнаго пира царя Волтасара въ Вавилонѣ. Ужъ не Вавилонянка ли она? подумалъ я; но это невозможно: нынче нѣтъ Вавилона. «Мене-

текель уфарсинъ?» повторилъ я громко, и кивнулъ ей вопросительно.

Сосѣдка моя вѣроятно приняла это за отвѣтъ: громкимъ, но пріятнымъ голосомъ она тотчасъ осыпала меня слѣдующими словами: «Кама кама уфарсинтой, менетекели дерепинтой — кама токама іонкъ!»

Ну, теперь мнѣ ужъ нечего сказать.

«Акамапикси?»

Нѣтъ — отъ меня нѣтъ отвѣту.

«Онгрія сирвендру́ — іонки’, іонке́, іонкелȧ.»

Живости движеній ея при этихъ словахъ я не могу описать. Въ нихъ не было желанія прельстить или тронуть меня — ничего, что въ самомъ далекомъ смыслѣ можно бы было назвать кокетствомъ; однако же выражалось чрезвычайное желаніе чего-то. Я принялъ за непремѣнное правило ни о чемъ не спрашивать, ничему не дивиться и не быть любопытнымъ. Я въ памяти проходилъ всѣ познанія свои въ географіи, чтобы, руководствуясь звуками именъ извѣстныхъ земель, провинцій и городовъ, добраться, откуда могла быть моя хозяйка въ каретѣ. Россія? Турція? Африка? Амери-

ка? Нѣтъ нигдѣ! Чтобы однако же не показаться совершеннымъ нелюдимомъ, я рѣшился произнести нѣсколько звуковъ такъ, для себя, и воскликнулъ: «Миракорма гранкасъ!»

При этихъ невинныхъ складахъ, сказанныхъ на-обумъ и конечно не заключавшихъ въ себѣ ни малѣйшаго смысла, сосѣдка моя подала видъ величайшей радости и удивленія, хотя сказанное мною никакъ не могло значить чего-нибудь ни на ея языкѣ, ни на какомъ-нибудь другомъ. Она подняла руки и смотрѣла на меня какъ на спасителя. *Іаротимо тѐкелинъ*!» вскричала она, схватила висѣвшій передъ нами снурокъ—и я услышалъ звонъ колокольчика, утвержденнаго у самыхъ козелъ. Безъ сомнѣнія сигналъ, подумалъ я. Помня намѣреніе свое не спрашивать ни о чемъ, я сохранялъ молчаніе. Карета остановилась. Я выглянулъ изъ окна и увидѣлъ рѣшетчатыя ворота. Г. Гофмаршалъ, что же вы скажете теперь, когда, послѣ всей странной тарабарщины, недавно мною слышанной, моя сосѣдка вдругъ ломанымъ, но понятнымъ Англійскимъ языкомъ сказала: мы здѣсь остановимся; мы разстанемся здѣсь; спрашивай, о чемъ тебѣ угодно; теперь я готова отвѣчать.

У меня уже губы шевелились; но счастливый, врожденный инстинктъ мой пришелъ мнѣ на помощь. Нѣтъ — не любопытствуй! повторялъ я мы-

сленно; вызовъ ея, можетъ быть, только одна приманка, самая соблазнительная изъ всѣхъ, показываясь такою естественною и простою. Но нѣсколько безсмысленныхъ словъ не могутъ быть приняты за вопросъ; и-такъ, чтобы доказать свою вѣжливость, я, слегка поклонясь ей, возразилъ: *«Грамашъ, гарамашо!»*

«Ха, ха, ха! Прекрасно!» вскричала она. Ты человѣкъ, какаго намъ надобно. Пойдемъ!

Отворили дверцы. Лакей откинулъ подножку. Теперь я въ первый разъ замѣтилъ, что этотъ лакей, который прежде казался такъ равнодушенъ ко всему, былъ блѣденъ и дрожалъ въ свою очередь, протягивая мнѣ руку, чтобы помочь мнѣ вылѣзть Я самъ выпрыгнулъ изъ кареты, легкій какъ перышко. Ворота отворились. Входя въ нихъ, я оглянулся, чтобы посмотрѣть, гдѣ моя спутница. Она также вышла изъ кареты и стояла не далеко отъ меня. Но когда я предложилъ ей руку, съ тѣмъ, чтобъ она со мною пошла въ этотъ домъ, то она съ легкимъ наклоненіемъ головы ускользнула въ маленькую калитку, предоставивъ меня самому себѣ. Въ тоже время ворота захлопнулись—и я былъ отрѣзанъ отъ улицы, кареты, кучера, лакеевъ и всего живаго, оставшагося за ними.

Хорошо; такъ я могу самъ взойти по этимъ

широкимъ и чуднымъ каменнымъ лѣстницамъ. Я такъ и сдѣлалъ. Я пошелъ, и все подымался. Прошедши по лѣстницѣ, какъ мнѣ казалось, кругъ или оборотъ, я желалъ, чтобы тутъ уже былъ конецъ. Не тутъ-то было. Я долженъ былъ взбираться еще далѣе. Такъ это башня, что ли?

Все равно. Я не понималъ, какъ я могъ быть такъ веселъ. Наконецъ лѣстница кончилась—и, прошедши еще шаговъ сто, я очутился у дверей. На нихъ были почти тѣже каракулы, то есть буквы, какія я видѣлъ на афишѣ. Это очень хорошо, подумалъ я, и поворотилъ ключь. Двери отворились—и на встрѣчу мнѣ вѣяло пріятнымъ запахомъ, подобнымъ тому, какой я прежде чувствовалъ отъ лампы въ каретѣ. Я прошелъ чрезъ сѣни; за ними были другія: я прошелъ и чрезъ эти. Но здѣсь опять начиналась лѣстница, которая конечно спускалась на столько же, на сколько первая подымалась. Я воображалъ, какъ огроменъ долженъ быть этотъ дворецъ. Я безъ сомнѣнія попалъ въ самую внутренность его.

Наконецъ я остановился въ залѣ, какой никогда не видалъ. Стѣны состояли изъ бѣлаго мрамора, переложеннаго зеркальными стеклами отъ потолка до полу, вдѣланными въ рамы изъ отборнѣйшихъ древьевъ, какъ то: сандараку, мастиксу и лиственницы, отличающихся смолистымъ, или пра-

вильнѣе, камедистымъ своимъ свойствомъ. Съ куполообразнаго верха висѣла гигантская люстра, составленная изъ нѣсколькихъ тысячь хрустальныхъ лампъ, подобныхъ той, которую я видѣлъ въ каретѣ. Можно себѣ представить, какой свѣтъ это должно было проливать на всю залу, стѣны и полъ. Но изъ чего же былъ полъ? Берегись, нога моя: это вода! Если бъ я ступилъ хоть одинъ шагъ отъ дверей, въ которыя вошелъ, то безъ сомнѣнія я бы ввалился въ пропасть и не знаю, какъ глубоко упалъ бы.

Но, хорошенько осмотрѣвшись и подумавъ, я нашелъ, что эта зала вѣроятно не иное что, какъ огромная и чрезвычайно богато-убранная ванна. Вода, составляющая весь полъ, въ такомъ случаѣ не могла быть слишкомъ глубока. Я обошелъ ее по краямъ; гуляя, не рѣдко я всматривался въ зеркала.

Я не видѣлъ ни души во всей этой огромной комнатѣ; вода разстилалась свѣтлая какъ небо. Свѣтъ люстры отражался въ ней съ блескомъ, который невозможно описать. На сторонахъ бассейна оказались въ мраморныхъ стѣнахъ маленькіе ниши, или углубленія, вѣроятно для купающихся.

Но — теперь что? Я, кажется, не одинъ здѣсь? Эта мысль вдругъ пришла мнѣ въ голову, когда въ

одномъ изъ самыхъ дальнихъ углубленій увидѣлъ я платье. Въ то же время я замѣтилъ, что поверхность воды слегка струилась: кольцеобразное, едва уловимое движеніе обнаруживалось въ бассейнѣ. Однако жъ никого не видно: не водолазъ ли это? Но платье женское.

«Что это значитъ?» уже было у меня на зыкѣ, когда внутренній голосъ удержалъ мое любопытство. Что-то бѣлое плавало въ блестящихъ волнахъ тамъ подъ люстрою. Близко подплывъ къ краю, гдѣ я стоялъ, оно осторожно нырнуло въ воду и проплыло мимо меня, такъ-что я не замѣтилъ ничего, кромѣ четырехъ-пяти колецъ, мгновенно образовавшихся на поверхности воды и такъ же мгновенно исчезнувшихъ. Когда это что-то опять отплыло отъ меня сажени на полторы, оно опять поднялось на поверхность, можѣтъ-быть, для того, чтобы подышать воздухомъ. Что-то виднѣлось въ зыблющихся струяхъ: это были два роскошные, длинные локона, которые не хотѣли скрывать красоты своей. Были ли на другомъ концѣ бассейна двери, или скорѣе каналъ, образовавшій выходъ изъ исполинской этой ванны въ другую комнату? Не знаю; но тамъ, казалось, исчезало всякое движеніе въ водѣ. Только — если я не ошибся — удаляясь туда, маленькая головка вдругъ выглянула изъ волнъ, и посмотрѣла прямо на меня, и взоръ ея выражалъ самую убѣдительную мольбу о помощи. Потомъ го-

ловка опять, со всѣми локонами своими, мгновенно погрузилась въ отдаленную, блестящую, прекрасную воду — и исчезла. Я больше не видѣлъ ея. Но я стоялъ совершенно спокойно, непринужденно и не дивился: до такой степени я уже владѣлъ собою.

Когда бассейнъ сдѣлался совершенно тихъ и неподвиженъ, такъ-что живаго существа тамъ уже не могло быть, я началъ ходить кругомъ его и, что было довольно простительно, подошелъ къ оставленнымъ платьямъ. Я видѣлъ ясно женскую одежду очень опрятную, но изъ обыкновенной и простой матеріи. Чтобы разсмотрѣть покрой ея, и изъ него, если можно, заключить, къ какой націи принадлежали здѣшніе жильцы, я поднялъ верхнее платье. Но — и это опять простительно — я ничего не смыслилъ во всѣхъ этихъ складкахъ, подолахъ и фасонахъ. Болѣе интересовало меня то, что внизу лежало другое платье, болѣе тонкое и лучшихъ цвѣтовъ. Я и его поднялъ. Гмъ? Подъ нимъ еще платье, деликатнѣе прежнихъ. А подъ этимъ еще одно, еще тонше... и такъ далѣе. Это ничтожное удовольствіе начинало нравиться мнѣ. Не знаю, сколько платьевъ я нашелъ, все болѣе и болѣе тонкихъ, и въ той же мѣрѣ уменьшавшихся въ обьемѣ, хоят величиною съ обыкновенныя платья. Послѣднее было такъ тонко, что я могъ цѣликомъ уложить его въ сжатой рукѣ; но мнѣ стоило только подуть—

оно расширялось, становилось просторнымъ, прекраснымъ, большимъ платьемъ.

Живое, милое существо въ этомъ платьѣ — то-то бы было на что посмотрѣть — но полно! Теперь нѣтъ у меня никакихъ желаній!

Я не хотѣлъ стоять здѣсь долѣе, и потому сталъ искать выхода — не подъ водою однако жъ, какъ недавно промелькнувшая невидимка, а гдѣ-нибудь по сторонамъ бассейна. Я ходилъ кругомъ и наконецъ пришелъ къ дверямъ, на противоположной сторонѣ залы, съ обѣихъ сторонъ украшенныхъ пилястрами—какаго ордена, это я другому предоставляю рѣшить, только не Коринѳскаго — вотъ все, что могу сказать. Хотя незнакомаго для меня рода, орнаментъ былъ чрезвычайно красивъ. Я схватилъ ключь; ручка его была обвита серебряною струной, или снуркомъ, который отсюда шелъ до самаго потолка. Я не обратилъ на этотъ снурокъ никакаго вниманія, и смѣло отперъ двери. Боже мой! снурокъ соскользнулъ съ ключа — и тръ! подобно грому, позади меня вся исполинская люстра упала съ потолка въ бассейнъ! Тысячи лампъ, въ-половину погасшія, въ-половину еще мерцающія, плавали кругомъ въ водѣ; многія разлетѣлись по стѣнамъ, искрясь ударялись о зеркала и перекатывались по темнымъ уголкамъ. Такаго ужаснаго и вмѣстѣ великолѣпнаго зрѣлища мнѣ, сколько помню, нико-

гда не случалось видѣть. Вѣроятно сбѣжавшій съ ключа снурокъ былъ причиною этаго приключенія, превратившаго всю ванну въ чудный фейерверкъ.

Для избѣжанія всякихъ вопросовъ и припадковъ удивленія, оставилъ я люстру и отворилъ дверь, которая привела меня въ новые покои. Въ одномъ изъ нихъ я наконецъ остановился и не трогался съ мѣста. Я слышалъ музыку.

Музыки вообще, а въ особенности такой музыки, невозможно описать; она принадлежала не нашей части свѣта — иначе не умѣю ее опредѣлить.

Тоны выходили изъ инструмента, и ихъ сопровождалъ жалобный голосъ человѣка. Я подошелъ къ большому шелковому занавѣсу, подъ балдахиномъ, въ отдаленномъ концѣ комнаты: я хотѣлъ узнать, кто тамъ поетъ. Развѣ она несчастна? подумалъ я. Не знаю, почему, я соединялъ въ вообраденіи головку, исчезнувшую въ водѣ, съ особою, которая здѣсь пѣла. Къ концу простая музыка ея стала болѣе походить на Европейскую—и вы слышали слабое воспоминаніе послѣднихъ ея тоновъ: вотъ что значили звуки, которые, передъ начатіемъ этаго расказа, я старался извлечь изъ фортепьяно.

Я не успѣлъ дойти до большаго шелковаго занавѣса, за которымъ сидѣла незнакомка, какъ явилась другая особа, взявшая меня за руку. Я узналъ въ ней свою спутницу. Я разсердился немножко, что она мнѣ помѣшала. «Пойдемъ *Менетéкели!*» сказала она; «иди за мной!»

Она вывела меня изъ музыкальной комнаты, гдѣ бы я такъ желалъ остаться. По широкому, большому, золотистому ея платью я ровно ничего не могъ угадать на счетъ націи, къ которой она принадлежала: но мнѣ показалось, что принцесса, гдѣ бы ни было въ цѣломъ свѣтѣ, не могла быть великолѣпнѣе одѣта.

Идучи съ нею вмѣстѣ, я однако же осмѣлился еще разъ взглянуть на лице ея. Оно было такое круглое, какаго я еще и не видывалъ; но, не смотря на то, черты его были правильны и прекрасны и вообще пріятнѣе, нежели можно бъ было думать. На кожѣ не было ни слѣда румянца, но самый верхъ щекъ желтѣе остальнаго лица, цвѣтомъ похожаго на неспѣлый лимонъ. Брови, чрезвычайно тонковолосыя, длинныя и узенькія, огибали каждый глазъ какъ черная полоска. Онѣ у носа спускались немного ниже, нежели у висковъ, такъ-что глазные углы были не прямые, а тупые, и это придавало всей физіономіи странное выраженіе. Какъ воз-

можно, чтобы подобное лице могло казаться прелестнымъ, или даже прекраснымъ? а между тѣмъ —

Прошедши комнату или двѣ, она остановилась со мною посрединѣ третьей и сказала: «*Іонкѐ Такосима!*» Чтобъ не быть безотвѣтнымъ, я прибавилъ: «*Гараминкси япъ!*» Спутница моя при этомъ бросила на меня взглядъ, въ которомъ опять отражалась одобрительная улыбка, тонкая, но сердечная. Я не могъ понять, какую она находила прелесть въ моихъ складахъ, которые едва ли что-нибудь значили на ея языкѣ, хоть я и старался подражать звукамъ его. Но я замѣтилъ, что эти подражанія ей нравились. «*Толу̂анъ толанни!* Мы нашли его, нашли человѣка, какаго намъ нужно!» сказала она, обращаясь къ углу комнаты, гдѣ, при ея появленіи, отдернута была большая шелковая бахрама, и передъ нами мущина, не безъ затрудненія, подымался съ большой перины, или длинной парчевой подушки, на которой онъ сидѣлъ, сложивъ ноги накрестъ. Стульевъ или столовъ я не видѣлъ во всей комнатѣ.

«Великій отецъ!» сказала моя спутница.

«Онгрія хирвендру̂» —

«Мой отецъ! Попробуемъ двадцатую часть солн-

ца (немного болѣе часу) говорить на языкѣ этаго края, чтобы незнакомецъ понималъ насъ —

«Кама камо̀зима» —

«Богатъ ли этотъ незнакомецъ, или бѣденъ, не знаю,» продолжала она; «но у него тѣ три серебряныя добродѣтели, которыя тебѣ нужны: онъ ни о чемъ не спрашиваетъ, ничего не пугается и — главное — онъ находчивъ.»

Мущина положилъ правую руку на лѣвое плечо, и подойдя ко мнѣ, смотрѣлъ на меня пристально. Наконецъ на глазахъ его навернулись слезы: видно было, что онъ очень тронутъ. Онъ было-обратился ко мнѣ на языкѣ края; но это такъ было не успѣшно, что его дочь, прервавъ старика, сказала мнѣ:

«Незнакомецъ! пойми, что не этотъ островъ наша родина. Нашъ островъ великъ; равнаго ему нѣтъ; онъ средоточіе земли. Но этотъ островъ незнакомцевъ лежитъ отъ него на разстояніи тысячи солнцевъ (на два съ половиною года пути). На вашемъ острову не куютъ годной стали и шелковый червь не живетъ здѣсь; потому отецъ мой пріѣхалъ сюда черезъ пятьсотъ морей съ своими богатыми товарами, чтобы сдѣлаться еще богаче, и поселился между незнакомцами, на что впрочемъ никто

изъ нашихъ земляковъ не пускается. «*Лоинкси* эйве́! эйво́! (вскричала она въ отчаяніи горя)». Во время пребыванія нашего въ этомъ городѣ, гдѣ мы по-своему устроили себѣ домъ, я и сестра моя выучились печальному языку этаго острова, такъ-что мы обѣ хорошо понимаемъ, что̀ другіе говорятъ; я же могу сказать тебѣ, незнакомецъ, все, что̀ мнѣ угодно! Но отецъ нашъ старъ: онъ умѣетъ съ большою прибылью продавать свое отмѣнное стальное оружіе, свой лакъ, шелковыя матеріи и свои алмазы; но онъ не захотѣлъ выучиться вашему языку, на которомъ можетъ произносить только нѣкоторыя исковерканныя слова; и сестра моя также на немъ не говоритъ, хотя она понимаетъ, что говорятъ другіе.»

«Лоинкси эйве́! эйво»! вскричалъ я теперь въ свою очередь. Невозможно описать изумленія, выразившагося на лицѣ старика, когда онъ услышалъ отъ меня эти слова, произнесенныя на собственномъ его языкѣ. Дочь его сказала ему длинную фразу, объясняя вѣроятно, что употребленіе мною собственныхъ ея выраженій также было примѣромъ моей находчивости. Приключеніе мое начинало казаться мнѣ пріятнымъ. Мнѣ становилось все яснѣе, что я призванъ для того, чтобы по возможности оказать пользу ближнимъ. Между-тѣмъ не умѣстно было спрашивать о томъ. Я не могъ постигнуть, къ чему должно было служить все это таинство; но мнѣ

очень хотѣлось бы знать, откуда собственно были родомъ эти дикари, или полудикари (я говорю какъ Европеецъ о другихъ частяхъ свѣта). Вѣроятно, это не Мексиканцы и не какой-либо другой народъ изъ Америки — сказалъ я самому себѣ; потому-что я у нихъ не нахожу слѣдовъ сильной красноты и мѣднаго цвѣта кожи, чѣмъ должны отличаться уроженцы новаго свѣта. Отецъ — малаго росту, широкоплечій, крѣпкаго тѣлосложенія, сутуловатый мущина — представлялъ скорѣе противоположность той осанкѣ, какую мы привыкли соединять съ понятіемъ о стройныхъ, гибкихъ Американцахъ. Къ тому же онъ, судя по всему, былъ чрезвычайно богатый человѣкъ, что также рѣдко встрѣчается у Американскихъ дикарей. Они же не ткутъ шелковыхъ матерій, не выковываютъ стальныхъ издѣлій, не лакируютъ и не отличаются такимъ искуствомъ въ механикѣ, какое здѣсь оказалось.

Это однако же интересовало меня гораздо менѣе, нежели то, что̀ ѝткрылось. Вошла третья особа, также дама, окладомъ лица и платьемъ вообще похожая на мою сопутницу, но ниже ростомъ и во всѣхъ отношеніяхъ нѣжнѣе. Кожа ея была ослѣпительно-яркаго желтаго цвѣта, и также безъ всякаго румянца. Длинныя рѣсницы ея, узкія брови и волосы, обвивавшіе голову множествомъ искусно-заплетенныхъ косъ, все это было черно какъ смоль блестящей черноты. Я узналъ эту головку и при

первомъ ея словѣ вспомнилъ слышанную музыку. Такъ это сестра? Я смотрѣлъ на нее тѣмъ свободнѣе, что она смотрѣла не на меня, а на отца своего.

Одна черта въ характерѣ этихъ людей рѣзко отличала его отъ общаго Европейскаго нрава. Глубокая, для меня еще не понятная печаль ясно отражалась на лицахъ какъ отца, такъ и дочерей. Но не менѣе того шутка, дѣтская веселость иногда проблескивала то въ словахъ, то въ жестахъ. Казалось, надъ ними готово было разразиться какое-то ужасное несчастіе; но опасеніе мгновенно уступало природной радости и прелестямъ жизни. Подобные переходы характеризуютъ дикарей. Это легкомысліе, но не безнравственное. Свѣдущій и воспитанный Европеецъ по бо́льшей части слѣдуетъ системѣ: горевать — такъ ужъ горевать не шутя; онъ въ печали никогда не улыбнется. Если же напротивъ онъ смѣшной человѣкъ, то становится до того смѣшенъ, что наводитъ скуку. Кто умѣетъ бытъ разнообразнымъ? въ сущности только тотъ, кто ничего не умѣетъ.

Принесли дымящійся самоваръ, какъ будто сдѣланный изъ массивнаго золота, исключая дно, которое находилось надъ самыми угольями: одна изъ принцессъ, или дѣвицъ, насыпала на уголья порошку коричневаго цвѣта, отъ чего, вмѣсто обыч-

наго Европейскаго угара, нѣжное, но изысканное благовоніе распространилось по комнатѣ. Стали разливать чай — и мнѣ досталась немалая порція. Напитокъ находился въ лакированной мискѣ; подносъ, на которомъ стояла миска, даже выдолбленная фигурка, которую я принималъ за ложечку, были покрыты блестящимъ, твердымъ гумми-лакомъ. Но чай самъ по себѣ — безъ сахару и безъ сливокъ — не очень-то казался мнѣ вкусенъ. Между-тѣмъ я его прихлебывалъ, и, если правду сказать, попивая его, я находилъ, что этотъ напитокъ приводитъ человѣка въ чрезвычайно пріятное состояніе. Онъ сообщалъ веселость безъ похмѣлья и головокруженія: прекрасное качество! И на угрюмаго хозяина моего чай имѣлъ то же дѣйствіе. Важность широкой его физіономіи конечно не пропадала, но она смягчалась улыбкою, какъ будто заключавшею въ себѣ цѣлую невысказанную философію о ничтожествѣ жизни. Вдругъ началъ онъ, хотя едва замѣтно, покачивать головою съ лѣва на право и назадъ, однозвучнымъ, но весьма яснымъ голосомъ припѣвая, или правильнѣе, тихо про себя мурлыча слѣдующія звонкія слова: «*Каріяконда, Синто ми Синто, àкаме бè, àкама хонда ла Синто-шè!*».

Я не понималъ ихъ, но они пріятно звучали въ моихъ ушахъ.

Объ дочери тоже запѣли. Онѣ сидѣли рядомъ передъ старикомъ, съ подогнутыми, какъ онъ, ногами. Онѣ также начали тихо покачивать прелестными головками и, какъ будто условившись, обѣ въ одну сторону, такъ-что ихъ головки всегда были въ одинаковомъ разстояніи одна отъ другой. Онѣ не выпѣвали тоновъ громко; все это походило на тихое созерцаніе, въ которомъ каждый бралъ участіе самъ про себя, или отчасти на то, что мы называемъ мурлыканьемъ; но чудно-хорошо! Лица ихъ въ это время выражали высокій жаръ души, благоговѣніе, устремленіе къ небесному; наконецъ глаза ихъ засіяли яркимъ пламенемъ. Я почтительно стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Не религіозный ли это обрядъ? Не гимнъ ли? Пѣніе ихъ вовсе не сходствовало ни съ духовными пѣснями Европейцевъ, ни съ народными. Въ немъ также не выражалось ничего тревожнаго, страстно-дикаго, или грубаго, какъ описываютъ пѣсни непросвѣщенныхъ народовъ. Напротивъ того въ этомъ пѣніи обнаруживалась высокая, человѣчная образованность, чистота, кротость, немного монотонная по самой безыскуственности своей. Эти люди, можетъ быть, принадлежатъ къ религіозной сектѣ, не признающей истукановъ? Я оглядывался — и все подтверждало мое предположеніе.

Они кончили. Одна изъ дѣвушекъ встала и пошла въ уголъ комнаты, противоположный тому, въ

которомъ были ихъ подушки. Здѣсь она, одной рукою поднявши коверъ, или шаль, разостланную на полу, другою провела нѣсколько знаковъ по воздуху. Что же я увидѣлъ? Въ самомъ полу, на томъ мѣстѣ, было вставлено большое зеркальное стекло. Сестра и старикъ, оба съ маленькою лампою въ рукѣ, пошли туда, наклонились и, при свѣтѣ лампы, стали смотрѣться въ зеркало. Кромѣ себя самихъ, они едва ли могли тамъ видѣть что-нибудь иное. И-такъ, повторяю, смотрѣлись въ зеркало, и притомъ съ торжественностію, важностію и глубокимъ умиленіемъ, которыя часъ отъ часу увеличивали мое удивленіе.

Если и это смотрѣніе въ зеркало, самоосматриваніе или самосозерцаніе, должно было составлять религіозный обрядъ, то я по крайней мѣрѣ никогда не видывалъ ничего подобнаго, и желаю, чтобъ какой-нибудь ученый изыскалъ, не встрѣчается ли въ исторіи слѣдовъ «зеркалопоклонства» — извините названіе, но лучшаго не пріищу.

Я замѣтилъ, какъ мнѣ показалось, на бывшихъ со мною людяхъ нѣкоторое дѣйствіе отъ этаго. Они черезъ нѣсколько времени встали. Хотя я на все глядѣлъ издали, однако жъ мнѣ были видны малѣйшія измѣненія въ чертахъ лицъ ихъ. Въ нихъ сіяло теперь выраженіе красоты, для меня неизъяснимое, такъ-какъ лица ихъ сами по себѣ не предста-

вляли ничего особенно-прекраснаго. Старикъ, у котораго внѣшнія формы совсѣмъ не были привлекательны, этимъ смотрѣніемъ въ зеркало оживился до того, что высокій, но тихій энтузіасмъ горѣлъ на лицѣ его. Это, вѣроятно, покажется смѣшнымъ для многихъ. Для насъ, обыкновенно, смотрѣніе въ зеркало есть дѣло однаго туалета. Но и у насъ сопряжено съ нимъ странное обстоятельство, о которомъ я хочу упомянуть, такъ-какъ оно лучше поясняетъ тѣхъ, о комъ здѣсь идетъ рѣчь. Одинъ лекарь въ Швеціи при мнѣ серьёзно утверждалъ, что зрѣніе укрѣпляется смотрѣніемъ въ зеркало, когда глаза (подлинникъ и отраженіе) пристально глядятъ другъ на друга. Это легко испытать; но какъ бы ни было, нѣтъ сомнѣнія, что туалетъ, который для столь многихъ есть дѣло пустое, или суетное, имѣетъ и свою хорошую сторону. Чищеніе, наряжаніе, омываніе, чесаніе и тысяча принадлежащихъ къ тому мелочей — это конечно однѣ мелочи. Но если все это дѣлается съ искреннею любовію къ опрятности, къ изяществу, къ пріятности внѣшней — безъ особеннаго желанія нравиться, но все-таки для того, однимъ словомъ, чтобы болѣе, или менѣе усвоить себѣ какой-нибудь видъ красоты; то оно, и особливо самое смотрѣніе въ зеркало, имѣетъ таинственное вліяніе на человѣка, этимъ занимающагося. Если же смотрятъ съ тѣмъ, чтобы возвысить и-такъ уже слишкомъ выгодное мнѣніе о своей наружности, то эта привычка ведетъ къ кокетству;

иначе она можетъ служить великимъ средствомъ къ очищенію чувства — да, именно къ очищенію: это я замѣчалъ на бывшихъ передо мною людяхъ.

Я понималъ ясно, что мои незнакомцы, глядясь въ зеркало, вовсе не были водимы кокетствомъ. Такой теплой, благородной, величественной прелести я прежде не видывалъ въ лицѣ человѣческомъ; если прибавить, что все ихъ окружавшее было для меня совершенно ново, то легко вообразить, съ какимъ вниманіемъ я слѣдилъ за ними. Что же случилось?

Старикъ, трепетными шагами перейдя въ другую сторону комнаты, вынулъ большой, сложенный документъ, весь изъ шелковой матеріи (ленъ, или шерсть для этой націи должны быть совершенно неизвѣстными; я, по крайней мѣрѣ, ничего не видалъ сдѣланнаго изъ нихъ). Положивъ земной поклонъ передъ документомъ, онъ развернулъ его съ самымъ жалостнымъ, пронзительнымъ крикомъ: «*Лойнкси Кубо кубёзимо!*» Что на документѣ было написано, того я не могъ видѣть, да если бъ и видѣлъ, то не понялъ бы. Наконецъ онъ поцѣловалъ нижній край документа, восклицая: «*Дайри, дайранкси, такóсама лойнкси!*» и упалъ на полъ будто въ обморокѣ.

Что же я долженъ былъ подумать, когда обѣ дѣвушки, между-тѣмъ какъ отецъ не видалъ насъ,

подошли ко мнѣ и, бросившись мнѣ въ ноги, самыми выразительными минами, казалось, заклинали меня о помощи и спасеніи; а между-тѣмъ онѣ знаками показывали мнѣ, чтобы я ни малѣйшимъ словомъ, или вопросомъ не подавалъ ихъ отцу вида, что онѣ о томъ меня просили. Опять я видѣлъ передъ собою образъ человѣка, когда языкъ его не смѣетъ, или не хочетъ высказать глубочайшую потребность существа — и опять я чувствовалъ, что мнѣ готовится удовольствіе, которое всего болѣе нравится мнѣ: помочь, тогда-какъ о помощи не говорятъ.

Но — если это должно быть тайною для отца ихъ — для чего же, Бога ради, онъ и самъ желалъ моего присутствія? И онъ, казалось, хотѣлъ моей помощи въ чемъ-то? Но то, чего хотятъ дочери, должно быть что-нибудь другое, или противное желаніямъ отца, такъ-какъ онѣ знаками даютъ мнѣ разумѣть, чтобъ я молчалъ объ ихъ просьбѣ. По правдѣ — молчать-то я могу, но не такъ легко догадаться, что именно здѣсь надобно дѣлать.

Старикъ, пришедши въ себя отъ обморока, или апатіи, всталъ съ важностью и рѣшимостію. Онъ пошелъ къ своей большой шелковой подушкѣ, на которой лежалъ при входѣ моемъ. Онъ вынулъ изъ-подъ нея длинную, кривую, обнаженную саблю.

Онъ старался объяснить мнѣ свои мысли по-Англійски — но перемѣнилъ намѣреніе, знàкомъ поручивъ старшей своей дочери, сопровождавшей меня въ каретѣ, замѣнить его въ этомъ случаѣ. Отъ имени отца, она сказала мнѣ: «Незнакомецъ, слушай! Я (отецъ) и дочери мои скоро должны умереть: тогда ты, не отирая этой сабли, положи ее вонъ въ тотъ длинноватый ящикъ надъ всѣми рубинами, которые лежатъ въ немъ; замкни ящикъ, и оберни его двадцать разъ въ матерію, которую найдешь вотъ въ этомъ потаенномъ покоѣ; потомъ вывези его отсюда такъ, чтобы городское управленіе ничего не узнало объ этомъ; отправь на корабль, еще не прибывшій сюда, но который черезъ мѣсяцъ будетъ здѣсь, и вручи морскому офицеру: адресъ его ты найдешь на этомъ запечатанномъ письмѣ, сочиненномъ на языкѣ вашего края. Мнѣ нуженъ былъ человѣкъ, который ни о чемъ не спрашиваетъ и не легко удивляется; эти качества необходимы при томъ, что ты здѣсь увидишь. То, чтò случится, законно. Но кто же бы не постарался помѣшать мнѣ, удержать меня, уничтожить все мое предпріятіе? Вотъ почему я долго искалъ нелюбопытнаго и безстрашнаго человѣка: наконецъ я нашелъ тебя. И мнѣ нуженъ болѣе всего человѣкъ догадливый, который бы, послѣ всего, что здѣсь сдѣлается, вопреки городскому управленію вывезъ ящикъ неотпертымъ и вообще исполнилъ все то, о чемъ я еще буду просить тебя».

Я содрогнулся, но все-таки ни о чемъ не спрашивалъ. И-такъ я долженъ быть замѣшанъ въ темные замыслы иностранца, и вѣроятно сдѣлаться послѣднимъ исполнителемъ того, чтò могло наконецъ оставаться послѣ ужаснаго дѣйствія. Я долженъ былъ сдѣлаться соучастникомъ чего-то, очевидно противившагося законамъ того края, въ которомъ я находился, хотя бы оно и согласовалось съ законами, дѣйствующими въ отечествѣ незнакомца.

Мое ненарушимое молчаніе было старику совершенно по нраву. Черезъ нѣсколько минутъ дочь опять продолжала отъ его имени: «Незнакомецъ! я человѣкъ старый и весьма почтенный; изъ моей націи, я одинъ нашего острова переплылъ въ край чужой, столь отдаленный какъ вашъ, для умноженія моихъ несмѣтныхъ сокровищъ. Лѣтъ 246 тому назадъ между нами былъ общій обычай посѣщать другіе острова; но въ то время возсталъ у насъ повелитель, который заперъ наши гавани, и съ тѣхъ поръ никто уже болѣе не выѣзжалъ, и ни одному чужестранцу не позволялось приставать къ нашимъ берегамъ, гдѣ бы ни было, кромѣ двухъ заливовъ. Но я, влекомый желаніемъ обогатиться, и зная, какія несмѣтныя сокровища собираются торгомъ въ краяхъ чужеземныхъ, возобновилъ древній нашъ обычай—и, во время ночныхъ тумановъ, я отплылъ съ сѣверовосточнаго мыса, на которомъ я царствовалъ самъ подъ главнымъ повелителемъ нашего

острова: я уѣхалъ для посѣщенія тысячи маленькихъ острововъ, разсѣянныхъ кругомъ по всемірнымъ морямъ. На нихъ я останавливался, то здѣсь, то тамъ—и пріобрѣталъ много. Напослѣдокъ, пріѣхавъ сюда, я пробылъ здѣсь семьсотъ дней. У меня болѣе богатствъ, нежели у того, кого вы называете королемъ крошечной страны своей. Но слушай, незнакомецъ! Собственный государь мой, тамъ на моемъ острову, прогнѣвался за мой отъѣздъ, противный запрещенію его и его предшественника. Наконецъ, провѣдавъ мѣсто моего пребыванія, онъ на Голландскомъ кораблѣ прислалъ мнѣ повелѣніе умереть. Къ счастію моему, я родился въ такомъ высокомъ сословіи, что имѣю право умертвить самъ себя, получивъ приговоръ моего государя, и не принужденъ пасть отъ руки палача. Этимъ правомъ я теперь воспользуюсь, преклонившись къ краю присланнаго сюда письма его, и я со славою разрѣжу свой животъ, какъ дѣлали до меня многіе изъ моихъ праотцевъ, когда приговоры государей ихъ на желтой шелковой матеріи приходили въ ихъ домы. Такимъ же образомъ умрутъ и дочери мои. При подобномъ приговорѣ дѣти сопровождаютъ своего отца, покрытыя славою какъ онъ — и онѣ въ эту ночь вмѣстѣ со мною исполнятъ слова Кубо. Но ты, незнакомецъ, которому суждено здѣсь быть свидѣтелемъ высокаго и благороднаго поступка — ты, котораго я призналъ избраннымъ, ты сдѣлаешь для насъ то, чего бы не сдѣлалъ никто изъ жите-

лей здѣшняго города (я испытывалъ ихъ и находилъ, что они поступаютъ съ иностранцами по собственнымъ своимъ законамъ): когда мы умремъ, ты тихо и незамѣтно вынесешь наши трупы въ комнату, темную, обложенную со всѣхъ сторонъ бѣлымъ мраморомъ, но безъ оконъ. Она лежитъ подъ водою той самой купальни, которую ты видѣлъ, когда шелъ сюда. Положивъ насъ туда и вставивъ надъ нами камень въ стѣну, ты уйдешь и никому ни скажешь о томъ ни слова—и никто туда не найдетъ дороги и не вынетъ насъ оттуда для погребенія, какъ водится на здѣшнемъ острову. Кто умеръ по приговору Кубо такимъ образомъ, какъ мы здѣсь умремъ, послѣ долженъ лежать подъ водою такъ, какъ я объяснилъ тебѣ объ насъ. Но прежде, нежели ты уложишь насъ въ погребальной комнатѣ, ты спусти въ воду большую люстру, чтобы она погасла, и не оставалось свѣта въ этомъ домѣ. Погасая, она разольетъ куреніе алоэ и благовоніе сандараку, пріятныя умершимъ, когда ихъ сажаютъ въ гробницу: таковъ обычай нашъ, и мы его любимъ. Довольно. Напослѣдокъ ты съ саблею и ящикомъ поступишь такъ, какъ я уже сказалъ: сабли же ты не оботрешь, чтобы Кубо, когда ящикъ черезъ пятьсотъ морей придетъ къ нему, на клинкѣ увидѣлъ кровь нашу и порадовался нашей покорности».

Толмачь кончилъ. Я стоялъ какъ статуя (лю-

стра уже упала, подумалъ я; такъ она только ждетъ труповъ — я вздрогнулъ).

Отецъ далъ знакъ своей дочери, и она продолжала: «Незнакомецъ, ты совершенъ! и ты исполнишь мое порученіе. Но если колеблешься въ своемъ намѣреніи, то не убѣжишь отсюда. Ты бы тогда открылъ жителямъ этаго острова то, что имъ покажется незаконнымъ, и они бы тотчасъ ворвались сюда. Если ты колеблешься, то умрешь здѣсь, прежде-нежели успѣешь скрыться. Я отрѣжу твою голову. Мнѣ жаль, потому-что я, въ такомъ случаѣ, опять вынужденъ искать другаго для исполненія того, что мнѣ нужно; и гдѣ же мнѣ найти человѣка, который бы такъ мало спрашивалъ, какъ ты?»

При объявленіи своего намѣренія на счетъ моей головы, старикъ бросилъ на меня взоръ искренней преданности и глубокаго довѣрія, отъ котораго я оледенѣлъ. Европеецъ не можетъ соединять въ себѣ подобныя противоположности; еще менѣе способенъ онъ сохранять при томъ спокойную важность Азіатца. Но я понялъ, что дѣло здѣсь идетъ о спасеніи четырехъ жизней, включая въ то число и мою собственую.

«Дѣвы Нифона! *» сказалъ я, желая попасть

* Собственное имя *Японіи*, которое я теперь къ счастью припомнилъ. А что эти люди были оттуда, это я по всему считалъ

въ ихъ тонъ; «вы должны умереть въ эту ночь, и со славою, по волѣ повелителя, итти въ слѣдъ за великимъ вашимъ отцемъ. Но васъ не коснется, какъ его, блестящая, острая сталь Нифона; вы будете похоронены заживо въ отдаленномъ покоѣ, который я выберу для васъ въ этомъ домѣ. Такова моя воля.»

Я произнесъ эти слова съ медленностью и торжественностью Азіатскою, чтобы внушить отцу почтеніе. Я нашелъ, что, хотя онъ не безъ труда выражался ломаннымъ Англійскимъ языкомъ, однако же понималъ, когда другіе говорили. Дочери, которыя понимали меня совершенно, бросали на меня взоры, исполненные величайшаго ужаса; старшая смотрѣла на меня такъ пристально, что это напомнило мнѣ мое положеніе въ каретѣ. Наконецъ она легонько мигнула, будто догадавшись, что въ неожиданно строгомъ и ужасномъ приговорѣ моемъ скрывалась частица той находчивости, за которую меня уже нѣсколько разъ хвалили. Покуда я долженъ былъ позволить имъ думать обо мнѣ, что угодно.

Важность, съ какою я велъ себя, въ самомъ дѣлѣ чуть-чуть не дала мнѣ надъ отцемъ той вла-

несомнѣннымъ. Преимущество Японскихъ *дворянъ*, при полученіи смертнаго приговора, самимъ умерщвлять себя разрѣзаніемъ живота — это также извѣстный фактъ.

сти, которой я желалъ. Однако жъ богатый и знатный Азіатецъ скоро опомнился. «Мои дочери будутъ похоронены заживо? Нѣтъ, какъ женщины высокаго рода, мною самимъ будутъ взрѣзаны и погребены.» Это онъ сказалъ мнѣ, конечно съ большимъ затрудненіемъ по незнанію языка, но очень опредѣлительно.

«Этаго не будетъ! отвѣчалъ я. Человѣкъ изъ Нифона! Двухъ дочерей твоихъ хочу я собственноручно похоронить заживо. Иначе я послѣ твоей смерти не исполню твоихъ порученій »

Незнакомецъ! если ты отказываешься исполнить мою волю, ты падешь первый. Но животъ твой, по законамъ чести, не будетъ взрѣзанъ , а я отрѣжу голову твою, какъ у зеленой ящерицы, называемой *цинга*. Пусть мои люди потомъ опять станутъ разъѣзжать по границамъ, чтобы отыскать мнѣ новаго человѣка (какой Азіатскій трудъ! подумалъ я).»

Лойнски, эйво́! эйве́! Кубо, Кубе́-зимо! сказалъ я громко, глядя на него серьёзно и пристально. Я вспомнилъ, что я однажды слышалъ, какъ онъ самъ произносилъ эти слова съ большою покорностью , и потому надѣялся , что они должны что-нибудь значить. Моя выходка удалась. Едва они коснулись его слуха, какъ онъ упалъ и шесть разъ уда-

рилъ лбомъ объ полъ съ выраженіемъ глубочайшей покорности и рабскаго почтенія.

Я рѣшился воспользоваться пріобрѣтенною властію. Покуда онъ еще лежалъ на колѣнахъ, я подошелъ прямо къ огромной Японской грамотѣ, заключавшей въ себѣ смертный приговоръ моего хозяина: безстрашно поднялъ я шелковой документъ и, завернувъ его, спряталъ въ свой карманъ. Старикъ поблѣднѣлъ при моей дерзости, но не смѣлъ вставать. Потомъ я взялъ обнаженную саблю его, лежавшую еще на подушкѣ въ углу, съ тѣмъ, чтобы переломить ее. Она гнулась эластически; но клинокъ не ломался; онъ вѣроятно былъ изъ самой тонкой стали. Тогда старшая дочь, незамѣтно для отца, мигнула мнѣ, и тѣмъ., какъ я понялъ, дала мнѣ знать, чтобъ я отказался отъ предпріятія: вѣроятно она хотѣла вразумить меня, что у отца ея много было оружія, и что уничтоженіе только одной сабли разсердило бы его, но ни къ чему бы не послужило.

Я бы позволилъ себѣ еще другія и бо̀льшія вольности, если бъ зналъ объемъ власти моего хозяина въ его домѣ, и какими людьми, кромѣ присутствовавшихъ, онъ могъ располагать. Между-тѣмъ я громкимъ голосомъ закричалъ старшей сестрѣ: «пойдемъ, молодая перепелка, прилетѣвшая сюда съ славнаго острова Нифона, возьми сестру свою за руку, и пойдемъ со мной! Я прямо поведу васъ въ то

мѣсто, гдѣ я намѣренъ навсегда заключить души ваши. Эта смерть болѣе всего будетъ соотвѣтствовать исполненію приговора Кубо. Такова моя воля — пойдемъ!»

Не колеблясь, взяла она за руку меньшую сестру. Какое существо! Трепеща, но съ невыразимымъ взглядомъ она пошла съ нею — какъ полагала — на встрѣчу ужасной смерти. Когда мы приближались къ дверямъ, старикъ все еще стоялъ на колѣнахъ; но онъ измѣрялъ меня взорами, то какъ будто желая поглотить меня, то какъ бы внутренно распадаясь въ пепелъ. Вдругъ вскочилъ онъ и побѣжалъ за нами. Тогда я, съ видомъ угрозы поднявъ руку, вскричалъ: *Лойнкси, Лойнкси!* и голосъ мой раздавался по всѣмъ комнатамъ. Онъ упалъ замертво на полъ. Я ушелъ съ его дочерьми, считая главною заботой удалить ихъ отъ убійственной его руки.

«Никакое тонко-лакированное опахало не можетъ сравниться съ тобою, прелестная жемчугоносица изъ Нифона!» шепнулъ я обычной моей собесѣдницѣ, старшей сестрѣ; «скажи мнѣ, гдѣ твоя комната? туда поведи насъ сей-часъ!» Она кивнула въ знакъ согласія.

Она вела насъ черезъ множество комнатъ. Мы перешли на другую сторону огромнаго зданія, со-

вершенно противоположную той, черезъ которую я проходилъ, когда только-что попалъ сюда. Наконецъ достигли мы комнаты, прелестной, но чрезвычайно бѣдно меблированной. Эти люди вѣрно не любятъ ни кроватей, ни стульевъ, ни столовъ. Вмѣсто всякой мебели обшитая самою изысканною шелковой матеріею подушка обходила комнату по всѣмъ четыремъ стѣнамъ, подымаясь на поллоктя отъ полу и замѣняя собою все: и стулья, и софу, и столъ. «Остановитесь здѣсь!» сказалъ я.

«Гламорѝнезъ карàнкси ойпѝма бè!» произнесла жалобнымъ, небеснымъ голосомъ младшая сестра, взявши меня за руку. Столь живой картины, слiянiя набожной покорности тринадцатилѣтней красоты и вмѣстѣ тревоги никто въ свѣтѣ болѣе не увидитъ. Словъ ея не могу я перевести. И все-таки мнѣ показалось, будто я понялъ каждое изъ нихъ. Она вѣроятно думала, что здѣсь жизнь ея прекратится моею рукою. Она радовалась, что была въ собственной своей комнатѣ — и, можетъ быть, еще нѣсколько надѣялась на сострадательность моего сердца. Не думала ли она, что мнѣ понятенъ ея языкъ, такъ-какъ я, довольно дерзко, рѣшился на авось употребить два-три слова его?

Смотря на эту выразительную головку и слыша такой голосъ, я былъ неспособенъ считать ее за *дикарку*, или отказать этой нѣжной заморской дѣ-

вушкѣ мѣсто въ высшихъ кругахъ истинной образованности. Душа не придаетъ себѣ такаго выраженія, не будучи въ чистѣйшемъ смыслѣ человѣческою. Не знаю впрочемъ, каковы были свѣдѣнія этой дѣвушки. Я осматривался и видѣлъ разборсанныя тамъ и сямъ на подушкѣ недоконченныя женскія рукодѣлья; но я не смѣлъ по нимъ заключать ничего. Она еще держала мою руку и смотрѣла на меня. Вѣрно она ждетъ отвѣта отъ незнакомца? И такъ она пріѣхала на крайній островъ западнаго міра для того, чтобы передъ смертію съ мольбой держать эту руку?... Я увидѣлъ поодаль небольшую коробку, наполненную алмазами. Я взялъ ихъ горсть и разжалъ руку надъ ея головою, такъ-что алмазы дождемъ посыпались по всему ея тѣлу. Я слышалъ, что таковъ восточный обычай, соблюдаемый при оказаніи принцессамъ величайшей княжеской почести. Въ тотъ же мигъ она упала на полъ, осыпаная алмазами. «О, незнакомецъ! такъ ты дѣйствительно посвящаешь сестру мою смерти?» вскричала старшая. Я ужаснулся, понявъ, что Азіатскій обрядъ, который я употребилъ, имѣетъ двоякое значеніе.

«Нѣтъ», отвѣчалъ я; «этаго я не хочу. Подыми ее, и поцѣлуемъ возвѣсти ей жизнь. Такова моя воля!»

Я еще не умѣлъ составить опредѣленный планъ

спасенія этихъ дѣвушекъ отъ фанатисма отца ихъ. Между-тѣмъ я сказалъ старшей, чтобъ онѣ оставались въ этой комнатѣ, замкнули бы дверь изнутри, и не отворяли никому, кто не подастъ условленнаго знака. Она поняла меня; я ушелъ.

Я удалился для того, чтобы отыскать отца. Удастся ли мнѣ преклонить его?... Между-тѣмъ я обдумывалъ восточный нравъ этаго человѣка. Я вспомнилъ, что я слышалъ о жителяхъ крайняго острова на востокѣ, будто они самый рыцарскій народъ Азіи. Я припоминалъ себѣ изъ Абѐль Ремюзà разныя замѣчанія о языкѣ ихъ, который по звукамъ, если не по словамъ, соотвѣтствовалъ, какъ мнѣ казалось, тому, чтò я слышалъ въ этотъ вечеръ; однакожъ возможно, что эти люди говорятъ отдаленнымъ, сѣвернымъ нарѣчіемъ Японскимъ, неизвѣстнымъ Ремюзà. Я также перебиралъ въ памяти все слышаемое мною о противоестественномъ, гибельномъ и ужасномъ деспотисмѣ Кубо, о неограниченной его власти надъ жизнію подданныхъ и о самопожертвованіи вельможъ, какъ скоро приговоръ повелителя сдѣлается имъ извѣстенъ— и это безусловное повиновеніе они оказываютъ не только на самихъ себѣ, но распространяютъ и на родныхъ. Вѣдь Турецкіе Паши тоже умираютъ добровольно, когда Султанъ пришлетъ имъ шелковый снурокъ.

Въ самыхъ разнородныхъ мысляхъ пробѣгалъ я одинъ этажъ за другимъ и наконецъ достигъ до дверей комнаты старика. Вздохи звучатъ одинаково на всѣхъ языкахъ; слѣдовательно я могъ понять его. Я быстро отворилъ дверь — какое ужасное зрѣлище!

Старикъ сидѣлъ въ углу на длинной, обшитой бахромою, желтой подушкѣ, обливаясь кровью; сабля еще была у него въ рукѣ. Ослабѣвшая голова поникла на плечо. Онъ былъ еще въ полномъ разумѣ. При такомъ образѣ смерти жизнь должна прекращаться не вдругъ. Прерывающимся голосомъ сказалъ онъ:

«Похоронены ли уже мои дочери, о незнакомецъ? зачѣмъ ты увелъ ихъ прочь съ глазъ моихъ? О, если бъ я оставался въ своей землѣ! Тогда я не проводилъ бы послѣдняго часа моего въ такомъ жалкомъ состояніи и одиночествѣ. Сотня друзей, собравшихся вокругъ меня, засвидѣтельствовала бы о моей покорности, вѣрности и мужествѣ. Мои дочери! гдѣ вы? вашъ родитель вздыхаетъ по васъ!

«Онѣ живы»! прервалъ я, «и онѣ останутся въ-живыхъ!»

«Ужасныя слова! и я не могу ихъ видѣть?»

«Старикъ изъ Нифона! Ты смертельно, неисцѣлимо раненъ; я это вижу. Твои дочери придутъ принять твое прощаніе и усладить кончину несчастнаго.»

Онъ угрюмо кивнулъ въ знакъ согласія, но взглядъ его вдругъ прояснился.

Я искалъ колокольчика, чтобы призвать кого-нибудь изъ людей на помощь. Напрасно! Я кликалъ. Не было отвѣта. Безъ сомнѣнія, всѣ съ умысломъ были удалены.

Я бросился назадъ въ комнату, гдѣ оставилъ дочерей купца-князя. По условленному знаку дверь отворилась. Не теряя ни однаго слова на объясненіе, взялъ я обѣихъ за руку и спѣшилъ къ отцу вмѣстѣ съ ними. Мнѣ теперь уже нечего было бояться, чтобъ умирающій предпринялъ что-нибудь противъ ихъ жизни. Я по крайней мѣрѣ спасъ ихъ.

Мы стояли всѣ трое въ комнатѣ старика.

Первый взглядъ его на нихъ былъ кротокъ и исполненъ блаженства, какъ естественный взглядъ отца на своихъ дѣтей. Но вдругъ онъ помрачился. «Вы живы, жалкія?» сказалъ онъ по-Англійски, вѣроятно потому, что обращалъ укоризну пре-

имущественно ко мнѣ. «Такъ этотъ незнакомецъ соблазнилъ васъ не умирать — а жить, забывъ славу Нифона!» Онъ бросалъ, то на меня, то на нихъ, взглядъ тигра.

Дочери приникли къ отцу, который почти лежалъ уже навзничь. Замѣтивъ ихъ попеченія, онъ собралъ послѣднія силы, поднялъ голову—и, мрачно смотря на ихъ ласки: «мнѣ кажется, вы желаете, чтобы я жилъ? Лойпкси!» вскричалъ онъ, судорожно схватилъ рукоятку своей сабли и уже хотѣлъ вонзить оружіе въ грудь меньшой, вѣроятно любимой дочери своей, когда я, слѣдуя за всѣми его движеніями, поспѣшно подбѣжалъ, вырвалъ саблю изъ руки его и положилъ ее далеко отъ него.

Никакія слова не могутъ выразить злобы и блѣднаго неистовства, съ какими онъ смотрѣлъ на меня, когда я лишилъ его любимой добычи, которую онъ такъ охотно взялъ бы съ собою. Обѣ дочери стояли передъ нимъ на колѣнахъ, какъ молящіяся баядерки передъ истуканомъ Шивы.

Старикъ сомкнулъ глаза, и голова его все болѣе опускалась. Онъ провелъ руку подъ платьемъ до самаго сердца и скрылъ почти все лицо подъ широкія складки, такъ-что одинъ только лобъ еще оставался виденъ. «Его часъ близокъ,» сказалъ

я, и обѣ дѣвушки запѣли гимнъ свой въчесть Синто:

Каріаконда.

Синто, ми Синто!

Акама бѐ.

Акамохонда ла.

Синто шѐ.

Тогда умирающій опять отпахнулъ складки платья съ своего лица, открылъ глаза и смотрѣлъ на дѣтей своихъ самымъ кроткимъ, нѣжнымъ взоромъ, будто. «Гламаринезъ,» шепнулъ онъ. Дѣвушки припали къ его рукамъ, цѣлуя ихъ почти съ обожаніемъ. Но онъ знàкомъ далъ имъ разумѣть, что хочетъ поцѣловать ихъ въ уста. Сперва младшая, а потомъ старшая приблизились къ его головѣ, которую онъ еще разъ приподнялъ съ силою. Съ пламенными взорами цѣловалъ онъ обѣихъ. Онъ, казалось, наслаждался неземнымъ блаженствомъ, прижимая умирающія уста свои долго — долго — пока могъ, къ живымъ ихъ губамъ. Но вотъ прощаніе кончилось. Голова его склонилась назадъ; онъ умеръ. Такъ отцовская любовь

наконецъ одержала же свою побѣду! шепнулъ я про себя.

Я стоялъ, скрестивъ руки. «Саблю его положу въ лакированный ящикъ, и Кубо на отдаленномъ, обширномъ острову своемъ получитъ удостовѣреніе въ послѣдней преданности своего подданнаго. Богъ милостивъ.»

Я стоялъ и смотрѣлъ на осиротѣвшихъ. Старшая встала и, взявъ прекрасную сестру за руку, подошла ко мнѣ. Цвѣтъ лица ихъ теперь былъ прозраченъ, какъ самая блѣдная, самая бѣлая саржа. Мечтательное, но слабое сіяніе видно было въ глазахъ ихъ. Старшая сказала мнѣ:

«Нашъ родитель поцѣловалъ насъ, незнакомецъ; что же будетъ изъ насъ?»

Этотъ вопросъ изумлялъ и почти оскорблялъ меня Съ несмѣтнымъ богатствомъ, которымъ, какъ я зналъ, онѣ обладали, жизнь въ отношеніи внѣшнемъ должна была сдѣлаться для нихъ легкою. Что же касается душевной отрады, то я надѣялся, что Христіанская Вѣра, рано или поздно, и ее принесетъ имъ. Я хотѣлъ предложить имъ вступить покамѣстъ пансіонерками въ аббатство св. Маврикія. Но мнѣ казалось, что для нихъ будетъ горестно услышать такъ рано подобное предложеніе.

Уже ли должно такъ скоро изгладить память объ отцѣ? Я осматривался, затрудняясь въ отвѣтѣ. Тогда она, держа сестру свою за руку, подошла ко мнѣ еще ближе и повторила:

«Нашъ родитель поцѣловалъ насъ! Не ищи: кромѣ насъ, ты не найдешь никого во всемъ этомъ домѣ. Всѣмъ уже давно заплачено за ихъ услуги; имъ велѣно удалиться — и они ушли. Не оглядывайся; смотри только на насъ.»

Я удивлялся.

«Ты исполнишь надъ нами все, о чемъ отецъ нашъ тебя просилъ. Ты похоронишь насъ.»

Вы молоды, моложе меня: другой пусть хоронитъ васъ, не я.

«Незнакомецъ, ты не зналъ человѣка, поселившагося на этомъ островѣ. Я, дочь его, могла колебаться; и признаюсь, что я въ продолженіе четырехъ солнцевъ желала избѣжать смерти. Я надѣялась, нашедши тебя, что твое мужество и находчивость принесутъ намъ помощь, не такую, какой отецъ мой хотѣлъ отъ тебя. Но человѣкъ высокаго рода поцѣловалъ своихъ дочерей—и это былъ поцѣлуй смерти. Я раскаяваюсь, что желала помощи отъ тебя, или отъ кого бы ни было. Тебѣ осталось толь-

ко исполнить то, о чемъ просилъ тебя нашъ отецъ. Мы помнимъ, что у насъ, какъ и у него, есть родъ, есть Кубо; есть и для насъ конецъ отъ того, кто далъ намъ начало. Прекрасно умереть, когда повелитель того хочетъ!»

Я смотрѣлъ въ изумленіи на обѣихъ дѣвушекъ, стоявшихъ передо мною: мнѣ показалось, будто обморокъ хотѣлъ наложить свой флеръ на виски ихъ. Остолбенѣвъ, я водилъ глазами по комнатѣ, я искалъ —

«Не ищи средствъ!» сказала она слабымъ голосомъ. «Нашъ отецъ носилъ у сердца листъ отъ какаго-то куста. Противъ сока этаго растенія нѣтъ противоядія—никакаго. Видѣлъ ли ты, какъ скорбящій старикъ склонялъ голову свою подъ тафту? Тогда онъ жевалъ листъ и сокомъ его напиталъ свои губы. Видѣлъ ли ты, какъ любящій отецъ приподнялъ голову изъ-подъ своей тафты? Потомъ онъ сталъ цѣловать своихъ дочерей этими устами. Мы умремъ. Такъ поступаетъ человѣкъ славы, сынъ своего повелителя, сынъ Нифона: такъ поступаютъ и его дочери.»

Она обняла свою меньшую, прекрасную сестру. Головки ихъ поникли одна противъ другой. Онѣ упали на полъ. Младшая сестра устами искала сердца своей сестры. «Гламорѝнезъ, ойнѝма бè» — про-

изнесла она тихимъ, умирающимъ голосомъ — другая не отвѣчала ничего.

Умерли!...

Содрогаясь... стремился я прочь изъ этихъ пустыхъ, ужасныхъ комнатъ. Вездѣ встрѣчались мнѣ мраморъ, шелкъ и алмазы.

Въ сѣняхъ и подъ сводами я пораженъ былъ запахомъ, похожимъ на то сильное куреніе, отъ котораго разъ я уже упалъ въ обморокъ, когда сидѣлъ въ каретѣ: это былъ дымъ, какъ будто отъ смѣси амбры, мирты, алоэ и самыхъ рѣдкихъ маслъ. Я поспѣшилъ вонъ.

Выйдя на улицу, я еще разъ осмѣлился съ трепетомъ взглянуть на высокій дворецъ позади меня. Онъ стоялъ надо мною мраченъ и грозенъ своею тяжестью, какъ Азія надъ Европой. Я убѣжалъ.

Полночь. Всѣ переулки, рынки, домà и церкви казались черными. Вдругъ раздался барабанный бой. Пожаръ! пожаръ! пожаръ! кричали за мною. Я обернулся. Что же увидѣлъ я? Дворецъ, откуда я шелъ, стоялъ въ яркомъ пламени. Кто же былъ зажигателемъ? Вдругъ я вспомнилъ объ упавшей люстрѣ; я вспомнилъ, что изъ тысячи маленькихъ

лампъ ея многія разлетѣлись по стѣнамъ изъ смолистаго дерева. Возможно ли, подумалъ я? Я—я—

И-такъ они нашли же гробницу! костёръ! И... черезъ меня!

Самый городъ былъ спасенъ хорошимъ устройствомъ пожарныхъ снарядовъ. Но Дворецъ обратился въ пепелъ.

Ю. Л.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ТРУДАХЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

При настоящемъ направленіи Историческаго знанія къ точности, къ отчетливости, къ правильному освѣщенію фактовъ, къ раскрытію самыхъ сокровенныхъ пружинъ дѣйствій — сказанія современниковъ-очевидцевъ, тѣмъ болѣе двигателей судебъ народныхъ, имѣютъ высокую цѣну въ глазахъ бытописателя-критика, который, повѣряя ихъ актами, слѣчая одни съ другими, вникая въ общественное положеніе свидѣтелей, въ ихъ страсти, въ предразсудки, обнаруживаетъ наконецъ истину, возможную для человѣка. Таковы, на-примѣръ, комментаріи Юлія Кесаря, Фридриха Великаго, Наполеона.

Въ нашей Исторической литературѣ, вообще небогатой современными сказаніями въ сравненіи съ литературою западныхъ народовъ, есть подобное твореніе, доселѣ никѣмъ не оцѣненное, почти не замѣченное, и которымъ мы должны бы однако жъ гордиться. Оно принадлежитъ тому, кто, въ вѣкъ

грубый и суровый, такъ безкорыстно, такъ пламенно полюбилъ всякаго рода знанія, искуства, ремесла—и свою любознательность, самую многостороннюю, самую разнообразную, съ изумительнымъ самоотверженіемъ передавалъ людямъ, закоренѣлымъ въ предразсудкахъ, побѣждая упрямство вѣка непостижимою крѣпостью воли, однимъ словомъ—Петру Великому.

Доселѣ и жаркіе приверженцы и строгіе судьи видѣли въ немъ неутомимаго законодателя, искуснаго полководца, дальновиднаго политика, въ особенности всеобъемлющаго преобразователя, даровавшаго отечеству жизнь новую, Европейскую; но никто еще не оцѣнялъ его ученыхъ заслугъ, его занятій кабинетныхъ въ области знанія, наиболѣе намъ любезнаго, въ области отечественной Исторіи. Считаю себя счастливымъ, что могу сказать нѣсколько словъ о великомъ Петрѣ, какъ объ Историкѣ своего времени, въ высшей степени замѣчательномъ по вѣрному взгляду на главныя условія бытописанія, по строгому безпристрастію и по величественной простотѣ изложенія.

Озаренный славою на поляхъ Полтавскихъ, грозный для непріятеля при каждой встрѣчѣ на сушѣ и на морѣ, Петръ имѣлъ полное право гордиться своими воинскими подвигами—и желалъ передать потомству память дѣлъ своихъ въ простомъ, безу-

крашенномъ видѣ. Съ этою цѣлію, еще въ 1713 году, пересмотрѣвъ, исправивъ и дополнивъ подробностями журналы осады крѣпостей и реляціи замѣчательныхъ сраженій отъ покоренія Нотебурга до битвы при Гангудѣ, онъ напечаталъ ихъ подъ именемъ *Марсовой Книги*. Но какъ здѣсь означены однѣ побѣды его и ни слова не упомянуто о неоднократныхъ неудачахъ, притомъ же не показано ни начала войны, ни общаго хода военныхъ дѣйствій, ни вліянія политическихъ обстоятельствъ; то чрезъ два года Петръ задумалъ сочиненіе по плану болѣе обширному. «Написать о войнѣ, какъ зачалась, и о «нравахъ и случаяхъ, какъ и кѣмъ дѣлана,» отмѣтилъ онъ въ 1715 году между многими своими предначертаніями.

Мысль его взялись исполнить двое: Вицеканцлеръ Баронъ Шафировъ и Епископъ Псковскій Ѳеофанъ Прокоповичь. Первый написалъ пространное разсужденіе о древнихъ и новыхъ причинахъ войны Шведской; вторый Исторію Петра отъ самаго младенчества его до Полтавской баталіи. Главною цѣлію Шафирова было доказать, что Швеція издревле питала зависть и вражду къ нашему отечеству, что Государь необходимо долженъ былъ поднять на нее оружіе, и что виною продолжительнаго кровопролитія былъ не онъ, а король Шведскій. Въ подтвержденіе этой мысли Шафировъ приводитъ свидѣтельства изъ актовъ и сочиненій

Историческихъ, раскызываетъ множество любопытныхъ подробностей о сношеніяхъ Петра съ Карломъ, не безъ искуства оправдываетъ своего Государя въ несправедливыхъ нареканіяхъ и, не взирая на многословное велерѣчіе, съ замѣчательною ясностію излагаетъ ходъ всего дѣла. Есть въ его сочиненіи краснорѣчивыя страницы, замѣтныя величественною простотою изложенія, исполненныя сильнаго, благороднаго чувства къ достоинству и чести Россіи: онѣ принадлежатъ самому Петру, какъ открывается изъ черновыхъ бумагъ его, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. Государь принималъ самое дѣятельное участіе въ трудѣ своего Вицеканцлера, и написалъ къ нему заключеніе, которое доказываетъ, что онъ столь же хорошо умѣлъ владѣть перомъ писателя, какъ и шпагою полководца.

«Любезный читатель, говоритъ Петръ въ концѣ разсужденія отъ лица Шафирова, довольно изъ «сей книги ты выразумѣлъ, чего для сія война начата. Но понеже всякаа война въ настоящее время «не можетъ сладость принести, но тягость; того «ради многіе о сей тягости негодуютъ: одни для «незнанія, другіе по прелестнымъ словамъ ненави«стниковъ, зря отечество наше возвышаемо Богомъ, «третьи — понеже тунеядцы не на высшей степени «нынѣ суть... И аще бы кто изъ сихъ негодовате«лей желалъ со мною преніе имѣть и сказалъ: *непрі«ятель для того не мирится, что много у него взя-*

«*то, и не хочетъ уступить; а когда бы отдали, то бъ* «*былъ миръ — и безъ того прежде жили и съ ними жъ* «*войны бывали, и бравъ города отдавали: для чего* «*нынѣ не такъ?* отвѣтствую: прежнія времена не «суть равны нынѣшнимъ; ибо Шведы тогда иначе «о насъ разсуждали и за слѣпыхъ имѣли, какъ о «томъ славный Историкъ Пуффендорфъ пишетъ, въ «книгѣ Введенія въ Гисторію, о Русскомъ народѣ «(слѣдуетъ выписка изъ Пуффендорфа). Того ради «разсуди, какая была всегдашняя злоба сихъ со«сѣдей еще при начатіи рощенія Россійской славы «и введенія добрыхъ порядковъ; каково же нынѣ, «когда Господь Богъ такъ прославилъ, что тѣ, ко«торыхъ вся Европа опасалась, нынѣ отъ насъ по«бѣждены, и могу сказать, никого такъ не боят«ся, какъ насъ? За что Господу силъ да будетъ «хвала; намъ же, помощію его въ таковую высокую «степень возшедшимъ, не негодовать, или скучать «подобаетъ, но терпѣливо понести и трудолюбно «искати, съ его же помощію, добраго и безопасна«го конца сея войны. Помысли, егда отдачею на «семъ краю моря допустимъ такъ злобнаго сосѣда «паки внутрь себя, то какаго добра впредь ожидать «имѣемъ? И не посмѣется ли весь свѣтъ, что, пре«терпя уже 17-й годъ и получа такую славу, паче «же безопасность, паки подвергнемъ себя всегдаш«нему бѣдству и вѣчному стыду безъ всякой нуж«ды? Ибо съ помощію Божіею такую нынѣ войну «имѣемъ, о которой едва слышимъ, гдѣ она есть и

«яко бы во Индіи дѣлалось. Но хотя бъ, славу, честь «и прибытокъ уничтожа, учинить миръ (по мнѣнію «негодующихъ) и допустить паки такъ близко сего «сосѣда, какъ предъ тѣмъ было; то какой покой «обрящемъ? Воистину не покой, но бѣдство: ибо «уже довольно видѣть изъ вышеписанныхъ мочно, «что когда у насъ и на умѣ ничего не было, ка- «кіе помыслы и злохитрыя коварства они имѣли? «Нынѣ же, исполня все, чего они опасались, и такъ «глубоко имъ досадя, паки себя обнажимъ; поду- «май, оставятъ ли они насъ въ покоѣ, дабы всегда «могли насъ бояться? Воистину, никако: но будутъ «всегда искать такъ насъ разорить, чтобы въ вѣкъ «впредь не въ состояніи были какія знатныя дѣла «чинить, и не только чтобъ имъ насъ бояться, но «всегда бъ надъ нами быть, дабы никогда не смѣли «ничего противъ ихъ сдѣлать; и тако бы мы сами «себѣ враги и разорители были.»

Трудъ Шафирова былъ одобренъ и напечатанъ съ посвященіемъ трехлѣтнему Царевичу Петру Петровичу. Не таковъ былъ успѣхъ сочиненія Ѳеофана, который въ своей, такъ называемой, Исторіи Петра Великаго, исполняя мысль Государя, почти исключительно описывалъ дѣла Шведскія, основываясь на походныхъ журналахъ, на донесеніяхъ Главнокомандующихъ, въ особенности на Марсовой Книгѣ. Искусный проповѣдникъ, ученый богословъ, Ѳеофанъ былъ вовсе не Историкъ, и тѣмъ

менѣе могъ быть Историкомъ военнымъ, что онъ всю жизнь свою провелъ въ кельяхъ монастырскихъ, никогда не видавъ боеваго поля. Отъ того, описывая сраженія, онъ впадалъ въ неизбѣжныя ошибки; при томъ же работалъ съ очевидною поспѣшностію, на скорую руку, дѣлалъ пропуски, которые хотѣлъ дополнить въ послѣдствіи, а главное, чего не терпѣлъ Петръ, онъ говорилъ тономъ лести и неумѣстной похвалы. Угожденіе времени онъ простиралъ такъ далеко, что въ Исторіи великой войны считалъ нужнымъ описывать *свадьбу Свѣтлѣйшаго Князя*, т. е. Меншикова.

Недовольный столь слабымъ трудомъ, Петръ рѣшился самъ быть Историкомъ своего царствованія. Кабинетъ-секретарю Макарову велѣно собрать необходимые матеріалы, военные и политическіе — подлинные журналы походовъ, донесенія Полководцевъ и Министровъ, реляціи сраженій—выписать изъ нихъ все замѣчательное для Исторіи, слово въ слово, въ хронологической связи, безъ всякихъ прикрасъ, съ надлежащими объясненіями, и представить Государю. Петръ такъ заботился объ успѣшномъ ходѣ этаго дѣла, что, по заключеніи Ништадтскаго мира, распредѣливъ по днямъ свои государственныя занятія, онъ назначилъ, среди важнѣйшихъ предначертаній законодательныхъ, особенное время (субботнее утро) на *Гисторію о войнѣ*. Мало того: за полтора мѣсяца до кончины, уже страдая смертельнымъ неду-

гомъ, онъ начерталъ дрожащею рукою слѣдующія достопамятныя слова: «Вписать въ Гисторію, въ «которое время, какія вещи для войны и прочихъ «художествъ и по какой причинѣ, или принужденіямъ, «зачаты, напримѣръ, ружье, для того, что не стали «(Шведы) пропускать, тако жъ и о прочихъ.» Изъ этихъ словъ видно, что въ намѣреніи Петра было съ Исторіею Шведской войны соединить Исторію и внутреннихъ государственныхъ учрежденій. Мысль его еще яснѣе обнаруживается изъ другой подобной же записки. «Вписать въ Гисторію, отмѣтилъ онъ «въ 1722 году, что̀ въ сію войну сдѣлано какихъ «когда распорядковъ земскихъ и воинскихъ, обоихъ «путей регламентовъ (т. е. сухопутныхъ и мор- «скихъ) и духовныхъ; тако жъ строенія фортецъ, «гавановъ, флотовъ, корабельнаго и галернаго, и ма- «нуфактуръ всякихъ, и строенія въ Петербургѣ и «на Котлинѣ и въ прочихъ мѣстахъ.»

Такъ и въ области Исторіи Петръ возвышался надъ современными понятіями о предметѣ и содержаніи ея съ тою же изумительною силою, которая отличаетъ всѣ дѣла его и предначертанія. Знакомый единственно съ лѣтописями отечественными, съ записками Юлія Кесаря, съ сочиненіемъ Пуффендорфа, онъ долженъ былъ по-видимому ограничиться дѣлами политическими и военными. Геній его пробудилъ въ немъ Историческую идею во всемъ ея объемѣ, во всей ея полнотѣ, незнакомую его вѣку,

доступную и понятную только нашему времени. Мало того: онъ хотѣлъ присоединить къ своему Историческому труду то, что мы называемъ нынѣ оправдательными статьями—подлинные важнѣйшіе акты, выписки и поясненія—для большей полноты и достовѣрности. Приготовительная работа — собираніе матеріаловъ, возложенная на Макарова, вполнѣ соотвѣтствовала обширности плана. Выписывая факты изъ подлинныхъ бумагъ, отвсюду стекавшихся въ Царскій кабинетъ въ необъятомъ множествѣ, Макаровъ, по волѣ Государя, требовалъ дополнительныхъ свѣдѣній Историческихъ отъ многихъ его сподвижниковъ и сотрудниковъ, отъ разныхъ Коллегій и Канцелярій.

Доставленныя ими свѣдѣнія доселѣ хранятся въ подлинникѣ. Такъ начальникъ Преображенскаго Приказа, Князь-Кесарь Ромодановскій, сообщилъ любопытную и подробную записку о послѣднемъ Стрѣлецкомъ бунтѣ; Князь Долгорукій о грозномъ мятежѣ Булавинскомъ; Фельдмаршалъ Шереметевъ, Князь Голицынъ, Князь Репнинъ, Графъ Апраксинъ о дѣйствіяхъ своихъ во время Шведской войны; Генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ о состояніи артиллеріи въ разное время; Генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ о первоначальномъ строеніи С. Петербурга и Кронштата; Иностранная Коллегія о дѣлахъ посольскихъ; Военная о наборѣ и составѣ войскъ въ разныя эпохи. Спрашивали даже плѣнныхъ Швед-

скихъ Генераловъ о дѣйствіяхъ съ ихъ стороны. Между прочимъ Шлиппенбахъ прислалъ любопытныя свѣдѣнія о Карлѣ XII послѣ Нарвской битвы и о своихъ встрѣчахъ съ Шереметевымъ въ Лифляндіи.

Однимъ словомъ, нельзя было приступить къ дѣлу съ бо̀льшею основательностію и отчетливостію. Исполненіе столь огромнаго предпріятія было однако не по силамъ Макарова, опытнаго, искуснаго чиновника, но не писателя, не Историка. Тщетно прибѣгалъ онъ къ совѣтамъ Шафирова, славившагося въ то время ученостью; тщетно призывалъ на помощь другихъ сотрудниковъ, изъ числа которыхъ самымъ дѣятельнымъ былъ Секретарь Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Юрьевъ. Составленная имъ Исторія приняла видъ дневника, или журнала военныхъ дѣйствій и Царскихъ походовъ, журнала несвязнаго, неполнаго, нерѣдко мелочнаго въ подробностяхъ, со многими пропусками, съ нескладнымъ описаніемъ битвъ, и еще менѣе удачнымъ изображеніемъ дѣлъ внутреннихъ, оставленныхъ почти безъ вниманія. Единственнымъ, впрочемъ немаловажнымъ, достоинствомъ труда Макарова была добросовѣстность, съ которою онъ пользовался бывшими въ рукахъ его источниками. Всѣ они доселѣ хранятся въ подлинникѣ въ Государственномъ Архивѣ. Самая тщательная повѣрка ихъ убѣждаетъ, что редакторъ не доз-

волялъ себѣ ни отступленій, ни прибавленій, тѣмъ менѣе вымысловъ.

Года въ два кончилъ Макаровъ свою *Гисторію о войнѣ* и представилъ ее Императору въ Преображенскомъ, чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи его изъ Персидскаго похода, испрашивая разрѣшенія на многіе предметы, которые могли быть извѣстны только Государю, а именно: о свиданіи его съ Королемъ Польскимъ въ мѣстечкѣ Равѣ, гдѣ рѣшено было воевать Швецію совокупными силами; о числѣ Русскихъ и непріятельскихъ войскъ въ Нарвскомъ сраженіи; о секретныхъ переговорахъ съ Литовскими Послами подъ Нотебургомъ; о причинахъ несогласій съ Датскимъ Дворомъ, не дозволившихъ произвести высадку въ Швецію. Петръ, разрѣшивъ недоумѣнія своего Секретаря, съ свойственнымъ ему жаромъ и вниманіемъ прочиталъ все сочиненіе съ перомъ въ рукѣ — и не оставилъ въ немъ ни одной страницы безъ исправленія. Всѣ выраженія велерѣчивыя, въ особенности относившіяся къ Особѣ его, онъ исключилъ; неумѣстныя мелочи уничтожилъ; обороты растянутые сжалъ; нескладныя фразы исправилъ; описанія сраженій и статьи политическія совершенно передѣлалъ, или дополнилъ многими любопытными подробностями, сохранившимися въ его изумительной памяти съ такою свѣжестію, что она не измѣняла ему ни въ исчисленіи войска, ни въ названіи самыхъ мелкихъ лицъ и мѣстъ.

Эта первоначальная редакція была переписана и вторично представлена Государю въ С. Петербургѣ. Онъ не былъ доволенъ и второю редакціею, ни третьею, ни даже четвертою. Всѣ онѣ имѣли одну участь съ первою, и всѣ сохранились въ томъ самомъ видѣ, въ какокъ вышли изъ-подъ пера его, представляя Историку сокровище неоцѣненное. Немногія мѣста работы Макарова уцѣлѣли. Все важное, главное принадлежитъ самому Петру, тѣмъ болѣе, что и статьи, оставленныя имъ безъ измѣненія, выписаны редакторомъ изъ его же черновыхъ бумагъ, или изъ журналовъ, правленныхъ его собственною рукою. Слѣдовательно на это сочиненіе мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на трудъ самаго Петра, и не можемъ не удивляться странной небрежности Исторіографа Щербатова, который, издавая его въ свѣтъ въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія по волѣ Императрицы Екатерины II, далъ ему вовсе несоотвѣтствующее заглавіе *Журнала или Поденной записки* Петра *Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира*, упомянувъ, что онъ сочиненъ при Кабинетѣ Государя и правленъ его собственною рукою, но не объяснивъ: въ чемъ состояли эти исправленія; кто занимался собираніемъ матеріаловъ; откуда они заимствованы, и въ какой степени заслуживаютъ вѣроятіе? Отъ того изданіе въ свѣтъ столь важнаго труда Петрова, о которомъ думалъ онъ даже на смертномъ одрѣ, осталось въ свое время незамѣченнымъ.

Да и теперь извѣстенъ онъ безъ сомнѣнія немногимъ. Историки ссылались на него съ недовѣрчивостію, и часто оспаривали его указанія, полагая, что имѣютъ дѣло съ неученымъ и небрежнымъ Щербатовымъ, за исключеніемъ только однаго автора Исторіи Русскихъ войнъ въ XVIII ст., принявшаго такъ называемый Журналъ въ основаніе своего прекраснаго сочиненія.

Между-тѣмъ, едва ли есть памятникъ литературный, который болѣе заслуживалъ бы вниманія въ Историческомъ смыслѣ. Здѣсь самъ Петръ говоритъ съ потомствомъ о дѣлахъ своего громкаго царствованія; расказываетъ свои побѣды и неудачи; оцѣниваетъ заслуги своихъ сподвижниковъ; говоритъ о самомъ себѣ, о своихъ планахъ и намѣреніяхъ. Здѣсь онъ является на судъ безпристрастный не грознымъ Монархомъ, не Полководцемъ, или Законодателемъ, а скромнымъ Историкомъ, ожидая приговора не въ томъ, какъ онъ царствовалъ, или побѣждалъ враговъ отечества, а въ томъ, какъ хотѣлъ онъ представить свои дѣла, свои побѣды и неудачи? Однимъ словомъ, раждается вопросъ важный и любопытный: до какой степени вѣрно и безпристрастно описывалъ Петръ свои дѣянія?

Имѣвъ случай и возможность повѣрить всѣ его слова подлинными актами, доселѣ во множествѣ сохранившимися, свидѣтельствами очевидцевъ сво-

ихъ и чужеземныхъ, мы считаемъ себя въ-правѣ сказать, что самая строгая истина руководила перомъ нашего вѣнценоснаго Историка. Съ благородною откровенностію говоритъ онъ о своихъ неудачахъ подъ Нарвою, подъ Митавою, при Гроднѣ, при Головчинѣ, при Прутѣ, не скрывая ни огромности потерь, ни важности ошибокъ. Битва подъ Нарвою, по словамъ его, была «яко младенческое «играніе, а искуства ниже вида; разбитое войско «пошло въ свои границы въ конфузіи; полки можно было собрать только въ Новгородѣ; несчастіе «было такъ велико, что оно казалось гнѣвомъ Божіимъ, и вся надежда поправить его, по-видимому, «исчезла.» Столь же мрачными красками описываетъ онъ и Прутскій походъ. «Зашли въ землю, говоритъ онъ, гдѣ полки ни единаго сухаря не имѣли; «къ тому же и о непріятелѣ слишкомъ легко разсуждали; со всѣхъ сторонъ были окружены; нельзя «было ни ретироваться, ни стоять на мѣстѣ; пришло до того—или выиграть, или умереть, и если «бы Турки послушали совѣта Короля Шведскаго, «то бъ крайнюю бѣду принесло. Одно милосердіе «Божіе избавило отъ такаго отчаяннаго случая.»

Такъ сознается Петръ въ своихъ неудачахъ и ошибкахъ. Правда, извѣстія его въ подробностяхъ несогласны съ тѣмъ, что разгласили Шведскіе бытописатели о нашихъ пораженіяхъ; но мы имѣемъ неоспоримыя свидѣтельства въ защиту своего Исто-

рика. Русская армія, на-примѣръ, разбитая Карломъ XII подъ Нарвою, по словамъ Шведовъ состояла изъ 80 т. человѣкъ, и вся Европа доселѣ вѣритъ имъ. Въ Исторіи Петра исчислено не болѣе 35 т., и показаніе его вѣроятнѣе: оно подтверждается во-первыхъ подробными вѣдомостями, доставленными Макарову изъ Военной Коллегіи; во-вторыхъ журналомъ Саксонскаго Генералъ-поручика Барона Алларта, который самъ былъ подъ Нарвою, находясь въ нашей службѣ, и съ величайшею точностію записывалъ, что происходило каждый день во время осады, какіе были полки и въ какомъ составѣ. Несравненно осторожнѣе и добросовѣстнѣе былъ Петръ въ исчисленіи непріятельскихъ силъ. Когда спрашивалъ его Макаровъ, сколько было войскъ у Карла XII въ томъ же Нарвскомъ сраженіи, Государь отмѣтилъ на докладѣ: «подлинно неизвѣстно, понеже «ихъ офицеры послѣ неравно сказывали—иные 12 т., «иные болѣе, а иные только 8 т.» Шведскіе Историки до того простираютъ свое пристрастіе, что даже оспаривали у него славу побѣды при Лѣсной, *викторіи надъ Левенгауптомъ*, которою такъ гордился Петръ Великій, называя ее первою истинною своею побѣдой, матерью баталіи Полтавской, «по-«неже, говоритъ онъ, надъ регулярнымъ войскомъ «никогда такой не бывало: здѣсь была первая проба «солдатская.»

Оставляя безъ вниманія столь явное пристра-

стіе иноземцевъ, обыкновенное слѣдствіе соперничества враждующихъ сторонъ, неохотно сознающихся въ своихъ неудачахъ, мы должны бы защитить своего державнаго Историка и отъ собственныхъ, домашнихъ писателей, которые часто болѣе вѣрятъ легкомысленнымъ анекдотамъ, нежели его свидѣтельству безпристрастному и откровенному. Но здѣсь не время и не мѣсто входить въ критическія подробности и изслѣдованія. Замѣтимъ въ заключеніе еще прекрасную черту Историка-Петра. Не скрывая ни ошибокъ, ни пораженій своихъ, онъ въ тоже время съ рѣдкою скромностію говоритъ о своихъ личныхъ подвигахъ. Всегда непримиримый врагъ лести, онъ не допускалъ и въ Исторіи самыхъ справедливыхъ похвалъ своему Лицу. Такъ выраженія Макарова въ первоначальной редакціи, что въ битвѣ подъ Полтавою «Государь свою храбрость, великодушіе и воинское искусство, не опасаясь никакаго страха своей высокой Особѣ, въ вышнемъ градусѣ показалъ», Петръ замѣнилъ слѣдующими словали: «за людей и отечество не щадя своей Особы, поступалъ, какъ доброму приводцу надлежитъ.» Съ такою же скромностію онъ расказываетъ о доблестномъ подвигѣ Капитана бомбардирской роты Преображенскаго полка въ устьѣ Невы, гдѣ, предводительствуя канонирскими лодками, онъ напалъ на Шведскія суда, вооруженныя пушками, бросился въ абордажъ и въ числѣ первыхъ взошелъ на корабль непріятельскій. Одну только черту замѣтилъ Историкъ въ мужествен-

номъ Капитанѣ, именно то, что, кромѣ его да Поручика Меншикова, не было тогда никого знакомаго съ моремъ. Капитанъ этотъ былъ самъ Петръ.

Рѣчь его, всегда спокойная, безпристрастная, строго Историческая, изрѣдка одушевляется однимъ чувствомъ, которымъ исполнена была его пламенная душа — любовію къ отечеству. Съ жаромъ, съ благороднымъ негодованіемъ отзывается онъ о коварствѣ союзниковъ, вредившихъ Россіи изъ зависти къ ея могуществу. Съ замѣтнымъ удовольствіемъ, съ очевиднымъ чувствомъ національной гордости говоритъ онъ о блестящихъ подвигахъ своего воинства, еще юнаго на поприщѣ воинскаго искусства. Мысль о славѣ и величіи Россіи равно одушевляла Петра, держалъ ли онъ скипетръ Монарха, или перо Историка.

Н. Устряловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ 1808 ГОДА И ПУТЕШЕСТВІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПО ФИНЛЯНДІИ.

I.

Въ числѣ областей Финляндіи, многими особенностями въ разныхъ отношеніяхъ, отличается Остроботнія — страна, прилежащая восточному берегу Ботническаго залива. Къ тому способствуетъ какъ разнообразіе природы ея, такъ и характеръ ея жителей, составившихся изъ смѣшенія Шведовъ съ Финнами. Въ нравѣ Остроботнійцевъ замѣчаютъ живость, промышленный духъ и рѣзкость, какихъ не представляетъ народонаселеніе остальной Финляндіи. Отъ того въ общественномъ быту Остроботніи наблюдатель можетъ отыскать многія очень занимательныя черты. Это доказываетъ книга, появившаяся на Шведскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Сто воспоминаній изъ Остроботніи*, сочиненіе дамы.

Г-жа Ваклѝнъ (такъ зовутъ ее) собрала въ двухъ небольшихъ томахъ рядъ коротенькихъ расказовъ, изъ которыхъ большая часть изображаетъ дѣйствительныя событія, или случаи. Всѣ они увлекательны не только по разнообразному содержанію, но и по легкости и пріятности, съ какими написаны. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ показываетъ заглавіе, въ началѣ этой статьи выставленное, заключаютъ въ себѣ особенный интересъ для Русскихъ читателей. Вотъ два очерка Г-жи Ваклѝнъ въ переводѣ.

ЧАЙ.

Графы Шуваловъ, Каменскій и многіе другіе Генералы, командовавшіе приближавшеюся Русскою арміей, были помѣщены въ лучшихъ домахъ Улеаборга. Генералъ Алексѣевъ былъ необыкновенно-любезный кавалеръ и очень внимателенъ къ прекрасному полу. Занявъ отведенную ему квартиру, онъ тотчасъ же услышалъ, что въ одномъ этажѣ съ нимъ живетъ семейство, къ которому принадлежатъ двѣ изъ самыхъ прелестныхъ дѣвицъ въ цѣломъ городѣ.

Во время войны онъ привыкъ поспѣшно исполнять всякое намѣреніе. Вотъ почему онъ немедленно послалъ однаго изъ своихъ адъютантовъ къ ро-

дителямъ молодыхъ дѣвушекъ — и учтиво назвался къ нимъ на чай.

Хозяинъ былъ въ отлучкѣ — и жена его съ изумленіемъ услышала о такой неожиданной любезности.

При всемъ своемъ гостепріимствѣ, она, подумавъ нѣсколько, отвѣчала рѣшительно, хотя и дрожала отъ робости, что «семейство ея не можетъ принять такой высокой чести, какую Генералъ хочетъ оказать имъ; потому-что ихъ бѣдность составляетъ непреодолимое къ тому препятствіе: у нихъ нѣтъ чайнаго прибора и ничего такаго, чѣмъ бы можно угостить Генерала.»

Адъютантъ удалился съ вѣжливымъ поклономъ и принесъ Генералу отказъ. Но вскорѣ онъ опять явился къ хозяйкѣ съ новымъ предложеніемъ: «Генералъ-де непремѣнно желаетъ пить чай въ пріятномъ обществѣ этихъ дамъ, не смѣетъ однако же звать ихъ къ себѣ, а только проситъ какъ милости, чтобы ему позволили прислать къ нимъ его чай: такимъ образомъ онъ все-таки воспользуется ихъ обществомъ».

Тутъ ужъ не могло быть никакихъ отговорокъ. Въ смущеніи хозяйка то краснѣла, то блѣднѣла, но должна была согласиться.

Когда адъютантъ откланялся, старушка вошла къ дочерямъ такая блѣдная и разстроенная, что онѣ испугались. «Ради Бога, что съ вами сдѣлалось, маменька?» повторили онѣ нѣсколько разъ.

Добрая старушка долго не могла ничего отвѣчать отъ безпокойства и печали. Она сѣла и, задумчиво качаясь на стулѣ, наконецъ тихо произнесла: «что сдѣлалось со мною? покуда ничего; но, можетъ быть, черезъ часъ я потеряю все! все!» и она залилась слезами.

Съ нѣжнымъ участіемъ обѣ дочери бросились къ ней въ объятія, умоляя ее открыть имъ причину такой горести. Но когда она сказала имъ, какое ужасное посѣщеніе ихъ ожидаетъ, обѣ дѣвушки захохотали. «Ахъ, сказали онѣ, какая маменька странная! Можно ли такъ бояться самаго мирнаго визита?»

Младшая сказала: «я изъ окошка только мелькомъ видѣла Генерала; но и тутъ я замѣтила, что у него наружность пріятная и ужъ совсѣмъ не страшная.»

«Тѣмъ хуже», отвѣчала озабоченная мать, которую мало по малу ужъ успокоивали дѣтская радость невинныхъ дочерей и ихъ стараніе развеселить ее шутками.

Однако жъ она все-таки не ожидала ничего добраго отъ предстоявшаго посѣщенія. «Вы не должны показываться, дѣти мои, сказала она: вы здѣсь будете заперты на ключь и задвижку.»

«Но, милая маменька!» прервала меньшая, «вѣдь намъ можно будетъ посматривать сквозь отверстіе замка, чтобы увидѣть хоть красивый сервизъ Генерала?»

«Да и самаго Генерала, маменька!» прибавила старшая.

«Пожалуй, потѣшьте такимъ образомъ свое любопытство; только смотрите, чтобъ васъ не замѣтили. Дѣти — всегда дѣти», прибавила старушка со вздохомъ. «Я одна должна для васъ жертвовать собою, потому-что папеньки нѣтъ съ нами.» Она глубоко вздохнула.

Въ туже минуту онѣ услышали, что кто-то входитъ въ залу. Торопливо старушка замкнула комнату своихъ дочерей, взяла ключь, накинула шаль на свою полную фигуру и черезъ гостиную пошла въ залу. Здѣсь встрѣтилъ ее прежній адъютантъ, за которымъ генеральскіе слуги несли серебряный самоваръ и богатый чайный сервизъ. Все это поставили на столъ, занимавшій середину гостиной.

Добрая хозяйка, всегда вѣжливая, въ смущеніи чинилась и кланялась попеременно передъ красивымъ самоваромъ, передъ сервизомъ и передъ адъютантомъ, который послѣ многихъ изъявленій благодарности и поклоновъ поспѣшилъ за Генераломъ.

Оставшись на нѣсколько минутъ одна, старушка начала дрожать какъ осиновый листъ. Сквозь отверстіе замка тихонько шепнула она дочерямъ: «если я закричу, скорѣе выходите; Русскій, кто бы ни былъ, а все-таки Русскій, будь онъ генералъ или солдатъ.»

«Милая маменька, не бойтесь,» шепотомъ отвѣчали дочери. Когда послышался въ залѣ стукъ сабель объ полъ и вошелъ статный Генералъ Алексѣевъ самъ съ четырьмя адъютантами, хозяйка такъ оторопѣла, что даже не могла подняться съ мѣста.

Тотъ изъ адъютантовъ, который прежде приходилъ по порученію Генерала и говорилъ по-Шведски, теперь насказалъ отъ имени его множество любезностей хозяйкѣ, а она сидѣла неподвижно, уставивъ глаза въ одно мѣсто и вертя въ рукахъ ключь отъ дочерней комнаты.

Между-тѣмъ гости, нимало не чинясь, сѣли вокругъ чайнаго стола.

Генералъ подалъ знакъ своимъ офицерамъ — и они туда же перенесли старушку вмѣстѣ съ ея стуломъ.

Генералъ самъ взялъ на себя трудъ разливать чай, потому-что хозяйка, какъ по всему видно было, рѣшилась вести себя неутрально.

Гости были веселы — и много смѣшили ихъ остроты и анекдоты, которые расказывались по-Французски. Шведскій адъютантъ все объяснялъ старушкѣ, такъ-что вскорѣ и она, отъ природы будучи веселаго нрава, начала оживляться, улыбалась и толково отвѣчала на вопросы Генерала.

Между прочимъ онъ спросилъ, отъ чего не видать дочерей ея.

Она сказала, что онѣ уѣхали.

«Справедлива ли молва,» спросилъ Генералъ черезъ переводчика, «что въ Улеаборгѣ такъ много молодыхъ хорошенькихъ дѣвицъ?»

«Правда, что здѣсь много молоденькихъ дѣвушекъ, которыя недурны собой,» отвѣчала старушка и приняла храбрый видъ, «но по-моему ни одной изъ нихъ нельзя назвать красавицей».

«Однако жъ утверждаютъ, что ваши дочери, сударыня, первыя здѣсь красавицы», сказалъ Генералъ съ значительной улыбкой.

Тутъ старушка поблѣднѣла. Она не могла побѣдить своего волненія. «Нѣтъ, это не правда, вскрикнула она. Онѣ дурны, онѣ отвратительны какъ самъ чортъ.»

Однако жъ она опомнилась, когда всѣ захохотали при объясненіи ея отвѣта. Старушка немного обидѣлась, но смолчала.

Когда чай былъ готовъ, Генералъ разлилъ его въ большія чашки. Чай пили съ однимъ сахаромъ, какъ водится у Русскихъ въ походное время. На столѣ не было ни сливокъ, ни хлѣба.

Учтиво Генералъ предложилъ хозяйкѣ первую чашку. Та въ недоумѣніи смотрѣла на черное ея содержаніе. Это былъ крѣпкій цвѣточный чай, самаго высокаго и дорогаго сорта, какаго въ то время здѣсь еще и не видывали. Она не приняла чашки, вѣжливо отговариваясь тѣмъ, что *никогда не пьетъ чаю.*

Но отъ храбраго Генерала не такъ-то легко было отдѣлаться. Старушка не могла долго противиться той любезности, съ какою ее упрашивали

взять чашку. Какъ напитокъ ни былъ непривыченъ, она сказала, что онъ довольно вкусенъ; но въ самомъ дѣлѣ она изъ одной учтивости выпила большую чашку, которую Генералъ тотчасъ опять наполнилъ, не смотря на увѣренія старушки, что она болѣе пить никакъ не можетъ.

Гости, привыкнувъ употреблять много чаю, скоро осушили по второй чашкѣ. Усильными просьбами и всякими любезностями наконецъ имъ удалось уговорить и старушку также выпить еще чашку. Между-тѣмъ они пошучивали съ нею и спрашивали, «уже ли имъ никогда нельзя будетъ увидѣть, такъ же ли ея дочери дурны на ихъ глаза, какъ по ея мнѣнію?»

Но она коротко отвѣчала, что «совсѣмъ не стоитъ и думать о томъ.»

Это, по-видимому, только раздражало любопытство гостей. Они изъявили желаніе узнать, гдѣ молодыя дамы спрятаны.

«Вамъ до этаго дѣла нѣтъ!» Такъ отпотчевала ихъ мать, поспѣшно схвативъ ключь, который она оставила-было на чайномъ столѣ.

«Можетъ быть, онѣ не такъ далеко отсюда?»

сказалъ Генералъ, бросивъ на ключь значительный взглядъ.

«Почтенный Генералъ, онѣ далеко, очень, очень далеко отсюда,» увѣряла добрая старушка. Но не привыкнувъ говорить неправду и притворяться, она при этихъ словахъ покраснѣла какъ піонъ, и отъ безпокойства у нея на лбу выступили капли пота.

«Мы будемъ однако жъ надѣяться, что со-временемъ дождемся счастія увидѣть это сокровище,» сказалъ Генералъ улыбаясь. «Но напередъ вы, сударыня, должны непремѣнно выпить съ нами еще хоть одну чашечку чаю.» Увѣренный въ побѣдѣ, онъ налилъ ея чашку, не смотря на всѣ ея возраженія.

Но старушка не могла болѣе вынести. Жаръ, который бросился ей въ лице отъ крѣпкаго чаю, тревога, какую причиняла ей опасность дочерей, что ихъ увидитъ и полюбитъ какой-нибудь Русскій, страхъ, что ей надобно будетъ еще осушить чашку чаю, которую ей навязывали, все это вмѣстѣ сильно потрясло ее — и ей начало нездоровиться. По симптомамъ ей казалось, что ее отравили. Она стала кричать, чтобъ ей помогли, и воскликнула: «они меня уморятъ своимъ гадкимъ чернымъ напиткомъ».

Генералъ и его адъютанты никогда еще не отступали такъ быстро, какъ они теперь удалились въ свои покои. Они съ такою поспѣшностію оставили занемогшую хозяйку, что и не замѣтили ея дочерей, которыя вбѣжали испуганныя криками матери.

Черезъ часъ послѣ того она сидѣла здоровехонька въ кругу своихъ. Спокойна и весела, она съ юношескою живостію расказывала имъ про любезность Генерала и его серебряный самоваръ, про его учтивыхъ адъютантовъ и фарфоровый чайный сервизъ.

Еще ночью старушка во снѣ говорила о звонкихъ шпорахъ, о сабляхъ и черномъ чаѣ.

II.

Императоръ Александръ ѣздилъ по Финляндіи въ 1819-мъ году — и народное преданіе свято хранитъ память о Высокомъ Путешественникѣ. Г-жа Ваклйнъ передала нѣсколько любопытныхъ случаевъ изъ проѣзда Государя по Остроботніи. Мы возьмемъ ту Главу, въ которой описывается

ОТЪѢЗДЪ

изъ Торнео, куда Александръ прибылъ наканунѣ вечеромъ—и, за неимѣніемъ порядочнаго ужина, велѣлъ подать Себѣ чаю, но долго дожидался его.

На слѣдующее утро Государя опять не могли угостить завтракомъ. Ничего не кушавъ, Онъ отправился 1-го Сентября назадъ изъ Торнео.

Когда Онъ переправился черезъ рѣку на паромѣ и уже сидѣлъ въ коляскѣ, чтобы ѣхать далѣе, подошелъ Русскій купецъ, жившій въ Торнео, и поднесъ Императору прекрасную горячую кулебяку, начиненную лососиной и рисомъ и испеченную ночью. Государь принялъ это искреннее приношеніе милостиво и, сидя въ коляскѣ, кушалъ пирогъ съ аппетитомъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Его Величество послалъ усердному купцу драгоцѣнную золотую табакерку.

Въ Кеми Государь изъявилъ Свое удовольствіе при встрѣчѣ давно извѣстнаго Ему почтеннаго пробста и доктора богословія Кастрéна.

Въ Кеми Императоръ кушалъ у ленсмана Стольберга, и нашелъ, что наша Финляндская поленика (мамура) принадлежитъ къ числу самыхъ вкусныхъ лакомствъ въ Европѣ.

На дорогѣ къ Торнео Александръ желалъ купить для кого-то изъ свиты Своей экипажъ въ замѣнъ прежняго, который сломался. У молоденькой дѣвушки, стоявшей въ толпѣ, спросили, не продастъ ли она своей красивой одноколки; она согласилась; Императоръ велѣлъ подозвать ее и освѣдомился о цѣнѣ.

Застѣнчивая дѣвушка не посмѣла объявить доброму Государю настоящую цѣну своей одноколки. Рѣшено было, что экипажъ возьмутъ на обратномъ пути изъ Торнео. Между-тѣмъ дѣвушка раскаялась, что обѣщала продать одноколку, назначивъ ей такую низкую цѣну, тогда-какъ это былъ подарокъ отъ жениха—и потому предметъ безцѣнный. Когда пріѣхали за экипажемъ, дѣвушка попросила за него вдвое, надѣясь, что такимъ образомъ онъ останется въ ея рукахъ. Александръ улыбнулся и сказалъ: «дайте ей, что она проситъ.» Такъ она все-таки потеряла свою одноколку.

Незадолго до прибытія на станцію Пудасъ, Государь отъ усталости уснулъ въ коляскѣ. Собравшемуся тамъ народу велѣли какъ можно менѣе шу-

мѣть, чтобы не разбудить почивавшаго Монарха. Осторожно запрягали лошадей. Вотъ, опираясь на костыль, подходитъ къ коляскѣ 80-ти-лѣтняя старушка. Ее звали Келло-Лиза. Мужъ ея, старый Финскій солдатъ, былъ убитъ въ послѣднюю войну. Монаршею милостію бѣдной вдовѣ пожалована пенсія по 25 руб. сереб. въ годъ, и старушка жила въ избыткѣ, какаго прежде не знавала.

Ей хотѣлось теперь увидѣть своего Благодѣтеля, великодушнаго Царя, котораго она давно ужъ благословляла и поминала въ своихъ молитвахъ.

Старушка говорила, что она «трое сутокъ не спала и издалека пришла съ костылемъ, чтобы имѣть счастіе увидѣть Государя», и что «теперь, будучи такъ близко отъ Него, она не посмотритъ ни на какія препятствія.»

Старушка была упряма, какъ настоящая Финка. Съ нею не смѣли спорить изъ опасенія, что шумъ разбудитъ Государя.

Старая Лиза отставила костыль и начала карабкаться на одно изъ колесъ Царскаго экипажа. Когда ей, съ величайшими усиліями, удалось подняться на столько, что она могла видѣть Почивающаго, она надѣла очки, чтобы хорошенько разсмотрѣть всѣми благословляемаго Монарха. Но очки

безпрестанно тускнѣли отъ слезъ старухи, и наконецъ она не могла удержаться, чтобы не выразить своихъ чувствъ. Она сказала стоявшимъ вблизи поселянкамъ: «Tulkaat akat kattomaan, kuinka tämä on tässä nukkunnu tlewollisesti, nünknin muutkin ihmiset» (т. е. подите сюда, сестрицы, посмотрите, какъ тихо Онъ здѣсь дремлетъ, точно-какъ всякій другой человѣкъ).

Государь тотчасъ проснулся и, проведя рукою по глазамъ, увидѣлъ, что коляска окружена старухами. Привѣтливо улыбаясь, Александръ подалъ руку прослезившейся Лизѣ, которая потрясла ее по-крестьянски и сказала: «Käsi on pehmiä kuin pumpuli; eipä ole työ haittannut» (рука мягкая какъ хлопчатая бумага; работа не испортила ее).

Императоръ приказалъ переводчику своему, Поручику Мартино̀, объяснить слова старушки. Потомъ, улыбаясь, подалъ Онъ руку и другимъ старухамъ, вскарабкавшимся по колесамъ; Лизѣ же, черезъ Поручика Мартино̀, позволилъ просить какой-нибудь милости. Старуха долго не могла понять, что Государю угодно. Когда наконецъ ей успѣли объяснить дѣло, она, зарыдавъ, сказала: «какъ могла бы я быть до того неблагодарна, чтобы еще стала просить чего-нибудь, когда я пришла сюда только увидѣть, поблагодарить и благословить Божія Ангела, посланнаго на землю для того, чтобы столькимъ

тысячамъ дарить жизнь и счастіе! Нѣтъ, я пришла только поблагодарить и благословить Его, какъ умѣю!»

Простодушіе и благородство бѣдной вдовы плѣнили Государя. «Такъ, какъ эта бѣдная вдова,» сказалъ Онъ, «не поступили бы и самые богатые при Дворѣ Моемъ.» Потомъ, по волѣ добраго Монарха, отсыпали ей порядочную кучу серебряныхъ рублей—и Высокій Путешественникъ отправился далѣе, сопровождаемый благословеніями старушки и всѣхъ присутствовавшихъ.

Вездѣ, гдѣ Онъ ни проѣзжалъ, оставлялъ Онъ неисчислимые знаки благости и человѣколюбія — и видъ Его неизгладимо запечатлѣлся въ сердцахъ усердныхъ подданныхъ: съ какою кротостію Онъ всюду удостоивалъ народъ Своимъ разговоромъ; съ какою милостію подзывалъ къ Себѣ матерей и бралъ младенцевъ ихъ на руки; какое искреннее участіе принималъ въ страданіяхъ бѣдныхъ и больныхъ и приказывалъ лечить ихъ на Свое собственное иждивеніе! Никто, изъ бывшихъ тому свидѣтелями, не можетъ забыть, какъ Онъ даже въ деревняхъ являлся посреди толпившагося народа и—съ неизъяснимою кротостію сказавъ: «Я Государь» — приглашалъ поселянъ собраться около Него. Все кипѣло жизнію. Невозможно и вообразить восторга окружавшей Его толпы. Всѣ сердца пламенѣли предан-

ностію къ великодушному Александру, который заслужилъ истинную любовь и вѣчную благодарность всей націи Финской.

Послѣ отъѣзда Его было пусто и мрачно и тихо въ Улеаборгѣ, хотя нѣсколько дней ни о чемъ иномъ не говорили, какъ о неоцѣненномъ Путешественникѣ.

Я. Г.

О ПАМЯТНИКѢ КРЫЛОВУ.

По всеподданнѣйшему докладу Господина Министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ благоволилъ изъявить Всемилостивѣйшее согласіе на сооруженіе памятника Ивану Андреевичу Крылову и на повсемѣстное по Имперіи открытіе подписки для собранія суммы, потребной на исполненіе сего предпріятія.

Въ слѣдъ за тѣмъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, учрежденъ Комитетъ для открытія подписки и всѣхъ распоряженій по этому дѣлу.

Памятники, сооружаемые въ честь знаменитымъ соотечественникамъ, суть высшія выраженія благодарности народной: въ нихъ освящается и увѣковѣчивается память прошедшаго; въ нихъ преподается назидательный и поощрительный урокъ грядущимъ поколѣніямъ.

Правительство, въ семейномъ сочувствіи съ народомъ, объемля просвѣщеннымъ вниманіемъ и

гордою любовію всѣ заслуги, всѣ отличія, всѣ подвиги знаменитыхъ мужей, прославившихся въ отечествѣ, усыновляетъ ихъ и за предѣломъ жизни, и возноситъ незыблемую память ихъ надъ тлѣнными могилами смѣняющихся поколѣній.

Историческія эпохи въ жизни народа имѣютъ свои памятники. Димитрій Донской, Ермакъ, Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ, Петръ Великій, Александръ Благословенный, Суворовъ, Румянцовъ, Кутузовъ, Барклай, въ нѣмомъ краснорѣчіи своемъ, повѣствуютъ о своей и нашей славѣ: въ неподвижномъ величіи стоятъ они на стражѣ независимости и непобѣдимости народной. Но и другія дѣянія и другіе мирные подвиги не остались также безъ вниманія и безъ народнаго сочувствія. Памятники Ломоносова, Державина, Карамзина краснорѣчиво о томъ свидѣтельствуютъ. Сіи памятники, сіи олицетворенія народной славы, разбросанные отъ береговъ Ледовитаго моря до восточной грани Европы, знаменіями умственной жизни и духовной силы населяютъ пространство нашего необозримаго отечества. Подобно Мемновой статуѣ, сіи памятники издаютъ, въ обширныхъ и холодныхъ степяхъ нашихъ, краснорѣчивые и жизнодательные голоса подъ солнцемъ любви къ отечеству и нераздѣльной съ нею любви къ просвѣщенію.

Подобно тремъ поименованнымъ писателямъ, и

Крыловъ неизгладимо врѣзалъ имя свое на скрижаляхъ Русскаго языка.

Русскій умъ олицетворился въ Крыловѣ и выражается въ твореніяхъ его. Басни его — живой и вѣрный отголосокъ Русскаго ума съ его смѣтливостью, наблюдательностью, простосердечнымъ лукавствомъ, съ его игривостью и глубокомысліемъ, не отвлеченнымъ, не умозрительнымъ, а практическимъ и житейскимъ. Стихи его отразились роднымъ впечатлѣніемъ въ умѣ читателей его. И кто же въ Россіи не принадлежитъ къ числу его читателей? Всѣ возрасты, всѣ званія, нѣсколько поколѣній съ нимъ ознакомились, тѣсно сблизились съ нимъ, начиная отъ воспріимчиваго и легкомысленнаго дѣтства до охладѣвшей и разсудительной старости, отъ избраннаго круга образованныхъ цѣнителей дарованія до нисшихъ степеней общества, до людей мало доступныхъ обольщеніямъ искуства, но одаренныхъ природною понятливостью, и для коихъ голосъ истины и здраваго смысла, облеченный въ слово животрепещущее, всегда вразумителенъ и привлекателенъ.

Крыловъ, нѣтъ сомнѣнія, извѣстенъ у насъ многимъ и изъ тѣхъ, для коихъ грамота есть таинство еще недоступное. И тѣ знаютъ его по наслышкѣ, затвердили нѣкоторые стихи его съ голоса, по изустному преданію, и присвоили ихъ себѣ

какъ пословицы, сіи выраженія общей народной мудрости. Грамотная, печатная память его не умретъ: она живетъ въ десяткахъ тысячь экземпляровъ басней его, которыя перешли изъ рукъ въ руки, изъ рода въ родъ; она будетъ жить въ несчетныхъ изданіяхъ, которыя въ теченіи времени передадутъ славу его дальнѣйшему потомству, пока останется хоть одно Русское сердце, и отзовется оно на родной звукъ Русскаго языка. Крыловъ свое дѣло сдѣлалъ. Онъ подарилъ Россію славою незабвенною. Нынѣ пришла очередь наша. Недавно праздновали мы пятидесятилѣтній юбилей его литтературной жизни. Нынѣ, когда его уже не стало, равномѣрно отблагодаримъ его достойнымъ образомъ: сотворимъ по немъ народную тризну, увѣковѣчимъ благодарность нашу, какъ онъ увѣковѣчилъ даръ, принесенный имъ на алтарь отечества и просвѣщенія. Кто изъ Русскихъ не порадуется, что Русскій Царь, который благоволилъ къ Крылову при жизни его, благоволитъ и къ его памяти? Кто не порадуется, что Онъ милостивымъ, живительнымъ словомъ разрѣшаетъ народную признательность принести знаменитому современнику возмездіе за жизнь, которая такъ звучно, такъ глубоко отозвалась въ общественной жизни нѣсколькихъ поколѣній? Нѣтъ сомнѣнія, что общій голосъ откликнется радушнымъ отвѣтомъ на вызовъ соорудить памятникъ Крылову — и поблагодаритъ Прави-

тельство, которое угадало и предупредило общее желаніе.

Заботясь о томъ, чтобы вполнѣ осуществить сіе желаніе и сдѣлать исполненіе его доступнымъ всѣмъ и каждому, Комитетъ постановилъ себѣ первымъ правиломъ принимать всякое приношеніе, начиная отъ щедрой дани богатаго ревнителя отечественной славы до скромнаго и малозначительнаго пожертвованія смиреннаго добродателя. Кто захочетъ опредѣлить границу благодарности? И тѣмъ болѣе, кто возмется установить крайнюю цѣну ея, ниже чего ей и показаться нельзя? Благодарности и добровольному выраженію ея предоставляется полная свобода. Крыловъ принадлежитъ всѣмъ возрастамъ и всѣмъ званіямъ. Онъ болѣе, нежели литераторъ и поэтъ. Въ этомъ выраженіи есть все что-то отвлеченное и понятное только для немногихъ; но кругъ дѣйствія его былъ обширнѣе и всенароднѣе. Слишкомъ смѣло было бы сравнивать письменныя заслуги, хотя и блистательныя, съ историческими подвигами гражданской доблести. Но, вспомня Минина, который былъ *выборный человѣкъ отъ всея Русскія земли*, нельзя ли, безъ всякаго примѣненія къ лицамъ и событіямъ, сказать о Крыловѣ, что онъ *выборный грамотный человѣкъ всей Россіи?* Голосъ его раздался и будетъ раздаваться въ столицахъ и селахъ, на ученическихъ скамьяхъ дѣтей, подъ сѣнью семейнаго крова, въ

роскошныхъ палатахъ и въ храминахъ науки и просвѣщенія, въ лавкѣ торговца и въ трудолюбивомъ пріютѣ грамотнаго ремесленника. Пусть и голосъ благодарности отзовется отовсюду.

Памятникъ Крылова воздвигнутъ будетъ въ Петербургѣ. И гдѣ же быть ему, какъ не здѣсь? Не здѣсь родился поэтъ, но здѣсь родилась и созрѣла слава его. Онъ былъ собственностью столицы, которая дѣлилась имъ съ Россіею. Не былъ ли онъ и при жизни своей живымъ памятникомъ Петербурга? Съ нимъ живали и водили хлѣбъ-соль дѣды нашего поколѣнія, и онъ же забавлялъ и поучалъ дѣтей нашихъ. Кто изъ Петербургскихъ жителей не зналъ его по крайней мѣрѣ съ виду? Кто не имѣлъ случая любоваться этимъ открытымъ, широкимъ лицомъ, на коемъ отпечатлѣвалась сила мысли и отсвѣчивалась искра возвышеннаго дарованія? Кто не любовался этою могучею, обросшею сѣдыми волосами львиною головою, не даромъ приданною баснописцу, который также повелитель звѣрей, этимъ монументальнымъ, богатырскимъ дородствомъ, напоминающимъ намъ запамятованныя времена воспѣтаго имъ Ильи Богатыря? Кто, и не знакомый съ нимъ, встрѣтя его, не говорилъ: *вотъ дѣдушка Крыловъ!* и мысленно не поклонялся поэту, который былъ близокъ каждому Русскому.

Художнику, призванному увѣковѣчить изобра-

женіе его, не нужно будетъ идеализировать свое созданіе. Ему только слѣдуетъ быть вѣрнымъ истинѣ и природѣ. Пусть представитъ онъ намъ подлинникъ въ живомъ и, такъ сказать, буквальномъ переводѣ. Пусть явится передъ нами въ строгомъ и вѣрномъ значеніи слова вылитый Крыловъ. Тутъ будетъ и дѣйствительность и поэзія. Тутъ сольются и въ стройномъ цѣломъ обозначатся общее и высокое понятіе объ искуствѣ и олицетворенный снимокъ съ частнаго самобытнаго образца, въ которомъ рѣзко и живописно выразились черты Русской природы въ проявленіи ея вещественной и духовной жизни.

Всѣ суммы, которыя будутъ собраны по подпискѣ, до приступа къ исполненію предположенія, должны храниться въ казначействѣ Министерства народнаго просвѣщенія. Пожертвованія можно обращать прямо въ Министерство; принимаются также Гг. Губернскими Предводителями Дворянства и Градскими Главами, отъ которыхъ всѣ сборы по губерніямъ будутъ сосредоточиваться у Гг. Гражданскихъ Губернаторовъ. По вѣдомству Министерства народнаго просвѣщенія порученіе это возложено, подъ распоряженіемъ Гг. Попечителей учебныхъ округовъ, на Директоровъ Училищъ въ губерніяхъ.

Президентъ Академіи наукъ *С. Уваровъ.*

Почетный членъ Академіи наукъ Графъ *Д. Блудовъ.*

Вице-Президентъ Академіи наукъ Князь *М. Дондуковъ-Корсаковъ.*

Дѣйствительный членъ Академіи наукъ Князь *П. Вяземскій.*

Ректоръ С. Петербург. Университета *П. Плетневъ.*

Душеприкащикъ И. А. Крылова *Я. Ростовцовъ.*

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

21 *. Съ нами Богъ. *Бесѣды на Рождество Христово.* Въ 12; 347 стран. Харьковъ.

Способъ поученія, избранный авторомъ, особенно замѣчателенъ, независимо отъ другихъ совершенствъ краснорѣчія его. Торжественное и спасительное для рода человѣческаго событіе представлено сочинителемъ въ такомъ изложеніи, что ни одно обстоятельство, его сопровождавшее, не оставлено безъ изъясненія и указанія. Слушатели и читатели постепенно проходятъ умилительную исторію воплощенія Сына Божія, и вразумляются въ полной мѣрѣ при каждомъ знаменіи любви и милосердія Господа нашего. Всѣхъ проповѣдей числомъ двенадцать. Изъ нихъ пять предшествуютъ празднику; двѣ сопровождаютъ самый день Рождества, и еще пять слѣдуютъ за нимъ. Такимъ образомъ въ нихъ соединено все, что послужить можетъ къ полному и назидательному уразумѣнію разныхъ явленій, соприкосновенныхъ къ сошествію наземлю Христа Спасителя.

* За Генварь.

22. *Описаніе первой войны* Императора Александра *съ Наполеономъ, въ 1805 году*, по Высочайшему повелѣнію сочиненное Генералъ-Лейтенантомъ и Членомъ Военнаго Совѣта *Михайловскимъ-Данилевскимъ*. Съ 9-ю картами и планами. Въ 8; 290 стран. Спб.

Не прошло еще и полстолѣтія съ эпохи, достопамятной и многозначительной какъ для всей Европы, такъ въ особености для Россіи — а мы уже разсматриваемъ ее безпристрастно, спокойно, какъ ее будетъ разсматривать самое отдаленное потомство. Это явленіе неопровержимымъ служитъ доказательствомъ, какую важность въ глазахъ нашихъ пріобрѣла Исторія— наука истины, человѣковѣдѣнія и гражданственности. Высоко призваніе Историка. Созданіями своими онъ воплощаетъ идеи, священныя для человѣчества, идеи, на основаніи которыхъ зиждется мудрость, благо и миръ народовъ. Такъ мыслитъ Самодержецъ, отверзающій истокъ лучамъ истины, которой свѣтъ озаряетъ событіе, даже нерадостное для Его сердца. Въ имени *Аустерлицъ* оставалось до сихъ поръ что-то недоговоренное. Теперь съ этой тайны снятъ покровъ. Подробно и вѣрно расказываетъ сочинитель, какія причины произвели войну, куда устремлены были силы войскъ, и въ какомъ политическомъ духѣ дѣйствовалъ Императоръ Александръ; какъ отъ Баварской границы двинулись наши войска въ Моравію, и что происходило при первыхъ встрѣчахъ съ *Наполеономъ*; наконецъ изображена Аустерлицкая битва и ея послѣдствія. Расказъ автора вездѣ соотвѣтствуетъ содержанію — и послѣ всего

этаго нужно ли что прибавить для возбужденія любопытства читателя?

23. *Исторія Наполеона*. Сочиненіе *Николая Полеваго*. Томъ *первый*. Въ 12; 442 стран. Спб.

Въ имени великаго человѣка заключается, нѣкоторымъ образомъ, тайна Провидѣнія, многозначительная идея, которой постиженіе разливаетъ новый свѣтъ на человѣчество. Обнять со всѣхъ сторонъ эту идею и осуществить ея дѣйствительность историческими фактами способенъ не всякой, кто только въ состояніи составить выписку изъ разныхъ книгъ о дѣлахъ великаго человѣка. Понятное соображенію государственнаго ума темно и безсвязно въ глазахъ человѣка обыкновеннаго. Сочинитель *Исторіи Наполеона* ведетъ разсказъ о своемъ героѣ такъ, какъ удается ему вычитывать о немъ изъ множества книгъ, не прикасаясь ни воображеніемъ, ни сердцемъ къ ощущеніямъ генія. Поэтому и книга его до сихъ поръ представляетъ не исторію въ ея истинномъ значеніи, а переборъ событій, всѣмъ извѣстныхъ и нанизанныхъ имъ на новую нитку.

24. *Нумизматическіе факты Грузинскаго царства*. Въ большую 8; 202 стран. Спб.

Въ этой книгѣ содержится описаніе монетъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ исторіи Грузіи. Сочинитель, для распространенія свѣдѣній о рѣдкой своей коллекціи, употребилъ для текста три языка: Русской,

Французской и Грузинской. Мы не можемъ не признать въ этомъ трудѣ очень полезнаго матерьяла для исторіи специальной.

25. *Дмитрій Максимовичь Княжевичь.* Некрологъ. Чрезвычайное Прибавленіе отъ Издательнаго Комитета Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Въ 4; 22 стран. Спб.

Прибавленіе, здѣсь разсматриваемое, назначено для перваго тома «Записокъ Общества». Оно составлено по случаю кончины Президента Общества и содержитъ взглядъ на гражданскую и ученую жизнь Д. М. Княжевича, бывшаго Попечителемъ Одесскаго Учебнаго Округа. Кто зналъ покойнаго, тотъ безъ сомнѣнія порадуется, что дѣятельная и полезная жизнь его описана здѣсь достойнымъ образомъ. Сколько любопытныхъ и занимательныхъ подробностей авторъ сообщаетъ объ этомъ прекрасномъ, благородномъ человѣкѣ!

26. *Памятная книжка на 1845 годъ.* Въ 34; 395 стран. Спб.

Ежегодно выходитъ это во всѣхъ отношеніяхъ прелестное изданіе. Въ немъ помѣщаются мѣсяцословъ и расписаніе главнѣйшихъ лицъ по всѣмъ вѣдомствамъ Имперіи. Блестящимъ украшеніемъ книжки служатъ картинки, гравируемыя въ Лондонѣ. Въ нынѣшнемъ году ихъ приложено двенадцать. Онѣ представляютъ: 1. Николаевскій Дворецъ въ Москвѣ, 2. Ярмарку въ Тифлисѣ, 3. Церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы Л. Гв. Кон-

наго полка въ Спб., 4. Бурундукъ Кале (въ сѣверн. Дагестанѣ), 5. Бѣгъ на Невѣ въ Спб., 6. Мечеть въ Александріи, въ Египтѣ, 7. Дворецъ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны въ Спб., 8. Александровскій Дворецъ въ Царскомъ Селѣ, 9. Лагерь надъ Герменчукомъ въ Большой Чечмѣ, 10. Дворецъ Гросъ-Герцога въ Дармштатѣ, 11. Петровскій Дворецъ въ Москвѣ и 12. Монастырь Эчміадзинскій.

27. *Краткій отчетъ по учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ*, состоящимъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ и непосредственнымъ управленіемъ Ея Величества Государыни Императрицы, представленный *Статсъ-Секретаремъ Лонгиновымъ* за 1843 годъ. Въ 8; 48 стран. Спб.

Въ непосредственномъ вѣдѣніи Ея Величества состоитъ четырнадцать учебныхъ и благотворительныхъ заведеній. Число учащихся въ нихъ 5.169. На ежегодное содержаніе ихъ употребляется 392.429 р. 95 к. сереб. Между-тѣмъ къ 1-му Генваря 1844 года общій остатокъ суммъ, находящихся во всѣхъ этихъ заведеніяхъ былъ 1,189.525 р. 37 к. сереб. Такимъ образомъ, судя только по матеріальнымъ средствамъ, можно до нѣкоторой степени чувствовать, на какомъ твердомъ основаніи поставлены эти заведенія неусыпною попечительностію ихъ Августѣйшей Покровительницы.

28. *Отчетъ* Императорскаго *Казанскаго Университета и Учебнаго Округа* за 17 лѣтъ, съ 1827 по

1-ое Генваря 1844 года, по управленію Тайнаго Совѣтника *Мусина-Пушкина.* Въ 8; 448, V, 67 и III стран. Казань.

Университетъ и Учебный Округъ представляютъ въ устройствѣ и дѣйствіяхъ своихъ такую многосложность, что и ежегодные ихъ отчеты много содержатъ въ себѣ занимательнаго для соображеній наблюдательнаго человѣка. Въ какой мѣрѣ интересъ по всѣмъ частямъ долженъ былъ возрасти, когда для картины заимствованы краски изъ событій въ продолженіе 17 лѣтъ — это читатели наши сами ясно могутъ представить себѣ. Въ отчетѣ, нами разсматриваемомъ, заключены драгоцѣнные матерьялы для исторіи Казанскаго Университета по всѣмъ частямъ его дѣятельности. Попечитель Университета и Округа не можетъ не наслаждаться видомъ благосостоянія и успѣшнаго развитія учрежденій, пользовавшихся столько лѣтъ его управленіемъ.

29. *Стихіи человѣческой рѣчи,* или теорія органическихъ звуковъ. Физіологическое изслѣдованіе *Самуила Барана.* Въ 8; 50 стран. Спб.

Разложеніе рѣчи нашей на первоначальные звуки — составляетъ главную задачу брошюры. Авторъ успѣшно занялся дѣломъ, которое, какъ видно, изъ числа его любимыхъ. Результаты подобныхъ изслѣдованій еще впереди. По мѣрѣ ближайшаго знакомства съ элементами рѣчи мы подвигаемся къ уразумѣнію законовъ, на которыхъ основана ея система, такъ-что науку язы-

ковъ, называемую грамматикою, только и можно вообразить достигшею несомнѣннаго, полнаго своего развитія при несомнѣнныхъ успѣхахъ физіологіи языка.

30. *Собраніе фразъ для разговора съ Финнами.* Въ 12; 16 стран. Спб.

Одна крайность, въ какой можетъ находиться ѣдущій по Финляндіи и не разумѣющій Финскаго языка, оправдываетъ изданіе брошюры, столь ничтожной, какъ это собраніе фразъ. И съ нею впрочемъ путешественникъ не избавится отъ затрудненія. Въ Финляндіи есть цѣлыя селенія, особенно по морскому берегу, гдѣ по-Фински никто не разумѣетъ; на эти случаи надобно бы ввести въ брошюру собраніе и Шведскихъ фразъ.

31. Князь Пожарскій и Нижегородскій гражданинъ召 Мининъ, освободители Россіи отъ Польскаго ига. Картины событій смутныхъ временъ въ Россіи, съ кончины Годунова до восшествія на престолъ благословеннаго Дома Романовыхъ. *Историческое сказаніе XVII вѣка.* Три части. Въ 8; 118, 108 и 101 стран. Моск.

Если бы измаранный холстъ, гдѣ не различишь ни красокъ, ни лицъ, ни тѣней, ни перспективы, ни выраженія, назвалъ кто-нибудь картиною; то сочинитель сказанія XVII вѣка могъ бы и свою книгу смѣло назвать собраніемъ картинъ.

32. Бородинское ядро и Березинская переправа.

Полуисторическій романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе *Р. Зотова.* Въ 8; 87 стран. Спб.

Хотя это сказаніе не *историческое* подобно разсмотрѣнному подъ № 31, а только, какъ оттѣнилъ авторъ, *полу*историческое; однако же по характеру своихъ красотъ оно совершенно равняется *картинамъ событій смутныхъ временъ.* Въ немъ даже больше *смутнаго*, нежели въ періодѣ по кончинѣ Годунова.

33. *Мои записки.* II. Тимошка сказочникъ. III. Воля неволю учитъ. Въ 32; 82 стран. Спб.

Здѣсь представляется образецъ, до чего можетъ дойти литература, если заполонятъ ее люди безъ вкуса, безъ таланта и безъ уваженія къ самимъ себѣ, не только къ читателямъ. Уже ли въ жизни, такъ называемой, *народной* нечего автору видѣть, кромѣ грязнаго и низкаго?

34. Разговоръ. *Стихотвореніе Ив. Тургенева* (Т. Л.). Въ 8; 39 стран. Спб.

Вмѣсто предисловія къ *Разговору* авторъ помѣстилъ слѣдующіе шестнадцать прекрасныхъ стиховъ:

«Одинъ, передъ нѣмымъ и сумрачнымъ дворцомъ,
Бродилъ я вечеромъ, исполненный раздумья;
Блестящій пиръ утихъ; дремало все кругомъ —
И замеръ громкій смѣхъ веселаго безумья.

Среди таинственной, великой тишины
Березы гибкія шептали боязливо,
И каменные львы глядѣлись молчаливо
Въ стальное зеркало темнѣющей волны.

И спящій міръ дышалъ безсмертной красотой...
Но глазъ не подымалъ и проходилъ я мимо;
О жизни думалъ я, объ Истинѣ святой,
О всемъ, что на землѣ навѣкъ неразрѣшимо.
Я небо вопрошалъ... и тяжко было мнѣ —
И вся душа моя пресытилась тоскою...
А звѣзды вѣчныя спокойной чередою
Торжественно неслись въ туманной вышинѣ.»

Какое глубокое начало, и какъ многообъятенъ взглядъ поэта! Не говоримъ о прелести и гармоніи стиховъ, о чисто-эстетическомъ настроеніи души автора, о торжественно-спокойномъ тонѣ, о мечтательности истинно-сердечной: все это невольно поражаетъ читателя само собою. Сколько мастерства въ сближеніи самыхъ разнородныхъ предметовъ, такъ сильно чарующихъ умъ, повсюду и все вопрошающій! Эта воцарившаяся тишина послѣ блестящаго пира; эта природа, дышащая безсмертной красотою; эта дума о томъ, что здѣсь неразрѣшимо; эти вѣчныя звѣзды, торжественно несущіяся въ вышинѣ — все невольно погружаетъ васъ въ какое-то величественное созерцаніе. Нѣкогда о сочинителѣ *Разговора* сказали мы: «Пусть читатель вообразитъ легчайшіе очерки, исполненные граціозныхъ движеній,

намеки, понятные душѣ и удовлетворяющіе воображенію, звуки, не полные, не оканчивающіе начатой рѣчи, но прямо доходящіе до сердца, мельканіе тѣней, увлекающихъ за собою думы и желанія — все это чувствуешь, перечитывая стихи его (Современ. т. XXXI, стр. 107).» И теперь мы испытали тоже при чтеніи этихъ шестнадцати его стиховъ. Что касается до самаго *Разговора*, онъ не произвелъ на насъ подобнаго впечатлѣнія. Стихи и въ немъ граціозно-легки, живы, музыкальны; но въ рѣчахъ Старика и Юноши, разговаривающихъ о Любви, не достаетъ истины, полноты и убѣдительности. Метафизическое содержаніе *Разговора*, не основаннаго на дѣйствительности, отняло у автора то незыблемое основаніе, на которомъ только одномъ и тверда поэзія. Вмѣсто природы и жизни, онъ искуственно вдохновляется какою-то антитезою, имъ самимъ не почувствованною, а придуманною, сочиненною; отъ того и мысли его сбивчивы, не полновѣсны, часто ложны; а въ краскахъ совершенно нѣтъ ни живости, ни вѣрности.

35. *Избранныя Басни И. А. Крылова* (на Французскомъ языкѣ). Съ четырьмя гравированными картинками. Изданіе *И. Эйнерлинга*. Въ 8; VI и 210 стр. Спб.

Всѣмъ извѣстно предпріятіе покойнаго Графа Г. Орлова, исполненное въ Парижѣ за двадцать лѣтъ передъ симъ, предпріятіе патріотическое, которое столько же доставило славы народному Русскому Баснописцу, сколько и просвѣщенному Вельможѣ Русскому. Соединены

были всѣ изъ блестящихъ иностранныхъ талантовъ для перевода избранныхъ басень Крылова. Это изданіе можно назвать вѣнкомъ, въ который нашему поэту каждый изъ чужеземныхъ поэтовъ вложилъ свой блестящій цвѣтокъ. Нынѣ г. Эйнерлингъ напечаталъ 89 басень, переведенныхъ тогда на Французскій языкъ. При чтеніи ихъ поучительно вникать, какимъ образомъ побѣждаются трудности при переводѣ созданій великаго поэта на другой языкъ, и что, по духу языка, остается въ подлинникѣ недостижимымъ никакому усилію чужестраннаго таланта.

36. *Двѣ сказки.* I. Иванъ Царевичь и Марья Царевна. II. Мачиха и Падчерица. Сочиненіе *И. В.* Въ 12; 70 стран. Спб.

См. № 33.

37. *Замокъ Фурхштейнъ.* Сочиненіе *А. Петрова.* Въ 12; 45 стран. Моск.

Авторъ желалъ представить опытъ въ родѣ стихотворной повѣсти. Но ему не далось искуство поэзіи, отъ того и вышло что-то хуже самой обыкновенной прозы.

38. *Стихотворенія Павла Браславскаго.* Въ 12; 62 стран. Одесса.

Еще опытъ и опять неудачный. По крайней мѣрѣ

здѣсь есть стремленіе къ какой-то оригинальности содержанія.

39. Чурова домина, или сонъ на яву. *Волшебная опера* въ трехъ дѣйствіяхъ, съ превращеніями, хорами и балетами. Соч. *Князя А. А. Шаховскаго*. Музыка А. Н. Верстовскаго. Въ 12; 145 стран. Моск.

Никто не ожидаеть поэзіи отъ волшебной оперы съ превращеніями, хорами и балетами. Все очарованіе ея зависитъ отъ музыки и мимики. Князь А. А. Шаховской, какъ знатокъ театра, въ этомъ давно убѣжденъ — и потому не заботится о стихахъ и другихъ литературныхъ принадлежностяхъ. Онъ большой мастеръ заставлять зрителей безъ скуки смотрѣть на самыя скучныя для читателя сочиненія. Такова и *Чурова долина*.

40. Маленькая Лидія, или *маменькины записки*. Повѣсть для дѣтей. Въ 16; 82 стран. Спб.

Мы совѣтуемъ родителямъ болѣе всего опасаться такъ называемыхъ дѣтскихъ книгъ. Это у насъ сдѣлалось спекуляціею на оплошность и невѣжество. Для дѣтей книги можетъ составлять не всякой, а только человѣкъ съ талантомъ, съ познаніями и опытностію. До сихъ поръ постоянно и съ полнымъ успѣхомъ занимались у насъ сочиненіемъ книгъ для дѣтей двѣ дамы: Г-жа Зонтагъ и Г-жа Ишимова. Ихъ сочиненія содержатъ въ себѣ все то, что необходимо узнать и родителямъ и дѣтямъ для первоначальнаго развитія умственныхъ способностей. Два журнала Г-жи Ишимовой:

«*Звѣздочка*:» одинъ для старшаго возраста, другой для младшаго — вотъ что должно быть постояннымъ чтеніемъ образующагося молодаго поколѣнія. Тутъ объясняются и науки въ томъ видѣ, какъ онѣ нынѣ должны быть преподаваемы; тутъ помѣщается и разнообразное чтеніе, которое способно совершенствовать вкусъ, умъ, нравственность и религіозное чувство. Что же касается до книжекъ, передъ праздниками издаваемыхъ книгопродавцами и ихъ сотрудниками, подъ названіемъ: *подарковъ*, *букетовъ*, *цвѣтковъ*, *малютокъ* и проч. и проч., книжекъ, подъ которыми автору совѣстно выставить и свое имя — это все жалкая, даже вредная промышленность.

41. Избранная библіотека для юношества, обучающагося *Латинскому языку и словесности*. Томъ *первый*. Въ 8; VIII и 179 стран. Спб.

Г. Эйнерлингъ посвятилъ знанія и труды свои преимущественно составленію разныхъ учебныхъ книгъ. Предположивъ нынѣ издать избранную библіотеку для юношества, обучающагося Латинскому языку и словесности, онъ помѣстилъ въ ея первомъ томѣ *Сокращеніе Священной Исторіи*, сочин. профессора *Ломонда*. Книжка раздѣлена на двѣ части: въ первой текстъ, а во второй объясненіе фразъ. Такимъ образомъ ученикъ, даже безъ помощи учителя, можетъ узнать многое при помощи этой методы. Г. Эйнерлингъ съ особеннымъ искуствомъ исполняетъ все, что онъ придумываетъ для облегченія дѣтямъ изученія языковъ и наукъ.

42. *Учебная книга всеобщей географіи.* Съ приложеніемъ карты желѣзныхъ дорогъ въ западной Европѣ. Составлена *А. Ободовскимъ.* Въ 8; 471 и 28 стран. Спб.

И эта учебная книга составлена очень умно. Сочинитель принадлежитъ къ числу опытныхъ и свѣдущихъ педагоговъ. Прибавленіе карты желѣзныхъ дорогъ, въ наше время, такъ же необходимо, какъ указаніе путей водянаго сообщенія.

43. *Практическій курсъ гальванопластики,* составленный *Ф. З.* Въ 8; 124 стран. Спб.

Очень внятно и съ большимъ знаніемъ дѣла сочинитель объясняетъ здѣсь, какъ получать копіи съ гравированныхъ досокъ, какъ вытравливать рисунки на мѣди, какъ осаждать мѣдь на поверхности и внутри формъ, какъ серебрить, золотить, лудить, покрывать жестью и мѣдью — словомъ: у него изложены обстоятельно всѣ производства гальванопластики.

44. Наставленіе, какъ *предупреждать вредныя послѣдствія отъ хлѣба изо ржи, невызрѣвшей и смѣшанной съ спорыньею,* составленное Медицинскимъ Совѣтомъ Царства Польскаго. Въ 8; 18 стран. Варшава.

Благоразумные помѣщики должны стараться о распространеніи въ простомъ народѣ свѣдѣній, здѣсь изложенныхъ. Еще не искоренился у простолюдиновъ предразсудокъ, будто *спорынья* во ржи не только

не вредна, но и служитъ признакомъ хорошаго урожая. Самое названіе, данное ей въ Россіи, указываетъ на счастливую прибыль, какой ожидаютъ земледѣльцы отъ спорыньи. Въ напечатанномъ нынѣ *Наставленіи* исчислены вредныя послѣдствія отъ употребленія муки съ спорыньею и указаны способы, какимъ образомъ надобно имъ противодѣйствовать.

45. Новѣйшее средство *исцѣленія отъ водобоязни и бѣшенства*, происходящихъ чрезъ укушеніе бѣшеныхъ волковъ, лисицъ и собакъ. Съ приложеніемъ рисунка. Въ 8; 16 стран. Моск.

Г. Куненъ, инспекторъ и докторъ медицины, расказываетъ здѣсь, какъ онъ собственнымъ опытомъ убѣдился, что *Spirea Ulmaria* есть то растеніе, которымъ надобно пользоваться, когда кого-нибудь укуситъ бѣшеное животное.

II.

46. *Русскія достопамятности*, издаваемыя Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнымъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть *третья*. Въ 8; LV и 318 стран. Моск.

47. *Адресъ-календарь Санктпетербургскихъ жителей*, составленный по оффиціальнымъ документамъ и

свѣдѣніямъ *К. Нистремомъ.* Томъ III. *Календарь частныхъ лицъ.* Въ 12, 528 стран. Спб.

48. *Юридическая библіотека,* опытъ руководства къ познанію законовъ и къ правильному примѣненію ихъ къ случаямъ, и проч. Изданіе *Өедора Наливкина.* Тетрадь *девятая.* Въ 8; 171 стран. Моск.

—

I.

49 *. *Новороссійскій календарь на 1845 годъ,* издаваемый отъ Ришельевскаго Лицея. Въ 8; 396 и IV стран. Одесса.

Можетъ быть, немногимъ извѣстно, что первая мысль, первый планъ и первое исполненіе касательно Новороссійскаго календаря, являющагося нынѣ ежегодно, принадлежатъ покойному Д. М. Княжевичу, бывшему Попечителю Одесскаго Учебнаго Округа. Испросивъ согласіе мѣстнаго начальства, онъ упрочилъ изданіе этой необходимой для туземцевъ книги, какъ неприкосновенный капиталъ, въ пользу бѣднѣйшихъ изъ воспитанниковъ Одесскаго Лицея. Календарь Новороссійскій справедливѣе назвать должно систематическимъ,

полнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно приготовленнымъ собраніемъ современныхъ матерьяловъ для исторіи, статистики, топографіи и географіи Новороссійскаго края. Въ четырехъ особо размѣщенныхъ отдѣленіяхъ книги можно найти отвѣтъ на всякой вопросъ, какой бы вы ни задали себѣ относительно тамошняго края, государственный ли вы человѣкъ, или негоціанъ, ученый ли, или ремесленникъ. Книга эта сообщаетъ Новороссіи столь выразительную и мыслящую физіономію, что прочія области Имперіи, гдѣ нѣтъ подобнаго очертанія, не могутъ ей не завидовать. Впрочемъ мы увѣрены, что этотъ прекрасный примѣръ скоро увлечетъ за собою и другія мѣста.

50. *Краткая исторія* Петра *Великаго*, для дѣтей, украшенная 18-ю литографированными рисунками, работы *Наполеона Кюи*. Въ 12; 146 стран. Спб.

51. *Исторія Фридриха Великаго*. Текстъ *Ѳедора Кони*; рисунки *Адольфа Менцеля*. Въ 8; 742 стран. Спб.

По смыслу этихъ строкъ, составляющихъ заглавіе двухъ книгъ, читатель конечно догадался, какаго достоинства оба историческія сочиненія, посягающія на изображеніе жизни столь великихъ Государей, каковы были Петръ и Фридрихъ Великіе. По готовымъ картинкамъ можно вымышлять повѣсть, или сказку, какъ у насъ недавно сдѣлалъ извѣстный писатель съ блестящимъ дарованіемъ; но жизнь великаго человѣка — Государя, военачальника, администратора, законода-

теля — подводить подъ готовыя картинки, набросанныя прихотливымъ карандашемъ разсѣяннаго рисовальщика, значитъ обращаться съ полною, всемірною идеею хуже, нежели съ жалкимъ либретто.

52. *Хронологическое обозрѣніе Русской исторіи*, по методѣ *А. Язвинскаго*. Съ портретами, рисованными *Тимомъ* и гравированными *Нетельгорстомъ*. Въ 12; 68 стран. Спб.

Извѣстно, что по методѣ г. Язвинскаго можно выучиться не собственно-называемой исторіи, этой наукѣ размышленія и созерцанія духовной жизни человѣчества, или его представителей, а только числамъ и именамъ, на которыя дѣйствительный историкъ наводитъ краски, вдыхая въ нихъ жизнь, движеніе и жаръ. При всемъ томъ невозможно обойтися и безъ осязанія, такъ сказать, скелета исторіи. Навыкъ опредѣлять съ легкостію точные годы событій и сводить безчисленное множество историческихъ лицъ въ современныя группы удивительно облегчаетъ изученіе настоящей исторіи. Только, по нашему мнѣнію, лучше оканчивать курсъ исторіи хронологическимъ обозрѣніемъ, нежели начинать. Числа и имена, еще не связанные съ интересомъ событій, раждаютъ отвращеніе къ самой наукѣ, тогда-какъ они же, получивъ для ума и воображенія значительность, доставляютъ имъ и работу и удовольствіе при самыхъ сухихъ обозрѣніяхъ.

53. *Исторія города Углича*, сочиненная Угличска-

го уѣзднаго училища учителемъ историческихъ наукъ *Ѳедоромъ Киссель.* Въ 8; 419 стран. Ярославль.

Если судить объ этой книгѣ, какъ о современномъ произведеніи литературы, то она покажется странною. Авторъ отсталъ отъ вѣка и языкомъ и идеями. Но, принимая въ соображеніе одни историческіе факты, собранные сочинителемъ, и въ строгой послѣдовательности изложенныя событія касательно того города, въ которомъ онъ живетъ, нельзя не поблагодарить его за трудъ. Надобно признаться, что внѣ столицъ ученые наши совсѣмъ не трудятся для литературы. Между-тѣмъ все отечественное — спеціальная исторія, частности филологическія, естественныя произведенія, успѣхи гражданственности, промышленности и торговли, топографія и множество подобныхъ тому предметовъ—только тогда и представитъ надлежащій матерьялъ для науки, или словесности, когда оно будетъ обработано добросовѣстно и на мѣстѣ. Такимъ образомъ и г. Киссель трудился не безполезно, хотя могъ бы онъ и постараться сообщить изложенію своему болѣе отдѣлки.

54. *Отчетъ Общества Русскихъ врачей за 1844 годъ*, читанный, въ торжественномъ собраніи Общества 12 Сентября, Секретаремъ его *И. Брыковымъ.* Въ 8; 63 стран. Спб.

Въ прошлый годъ было шестнадцать засѣданій Общества. Читанныя въ нихъ сочиненія касались Хирургіи, Терапіи и Акушерства. Болѣе другихъ замѣчательны статьи докторовъ: Киттера, Кабата, Соколова, Баранов-

скаго, Булгакова и Рокельмана. Общество нынѣ состоитъ изъ 69 почетныхъ Членовъ, 87 дѣйствительныхъ и 34 корреспондентовъ. Знаменитый Диффенбахъ поступилъ въ 1843 году въ число первыхъ. Вотъ любопытнѣйшее изъ этаго Отчета.

56. *Тайна жизни.* Сочиненіе *П. Машкова.* Въ 16; 147 стран. Спб.

Сочиненіе, напечатанное подъ именемъ *Тайны жизни*, относится къ разряду романовъ. По крайней мѣрѣ это не ужасный романъ. Жаль только, что онъ и не занимателенъ. Въ немъ описанія мѣстъ, лицъ, характеровъ и расказъ дѣйствій подведены подъ одну краску, которая показываетъ, что у автора скудно работаетъ воображеніе. Ничто здѣсь не почувствовано; ничѣмъ авторъ самъ не былъ увлеченъ: онъ спокойно сочинялъ — и сочинилъ.

56. *Повѣсти и сказки для дѣтей.* Подарокъ къ празднику. Съ 12-ью картинками. Въ 12; 165 стр. Спб.

Въ этихъ повѣстяхъ и сказкахъ столько же интереса для дѣтей, сколько въ предшествовавшемъ романѣ для взрослыхъ.

57. *Правила словообразованія и управленія падежей*, съ руководствомъ для перевода съ Русскаго языка на Нѣмецкій. Составлено учителемъ Нѣмецкаго языка при Московской Практической Коммерческой Академіи *Адольфомъ Гаррасомъ.* Въ 8; 131 стран. Моск.

Уроки, помѣщенные въ книгѣ, изложены на Нѣмецкомъ и Русскомъ языкахъ. Изученіе перваго составляетъ главную цѣль автора, до которой и доводитъ онъ хорошо, избравъ методу ученія болѣе практическую, нежели чисто-теоретическую.

58. *Французская азбука*, съ упражненіями постепеннаго чтенія, анекдотами, мыслями и нравоученіями, повѣстями, баснями и словами, украшенная многими картинками. *Р. К — неръ.* Въ 16; 94 стран. Спб.

И здѣсь не напрасно трудился сочинитель, видимо облегчивъ своею методою сближеніе съ особенностями иностраннаго языка.

59. *Начальныя правила для обученія Англійскому языку*, въ пользу Русскаго юношества. По руководству Зейденштюкера. № I. Изданіе *Як. Лангена.* Въ 4; 217 стран. Спб

Преподаваніе начинается выучиваніемъ словъ и фразъ Англійскихъ. Съ пріобрѣтеннымъ запасомъ переходятъ къ легкимъ разговорамъ и чтенію книгъ. Способъ самый натуральный. Произношеніе обозначено Русскими буквами. Это извѣстное, непреодолимое неудобство.

60. *Географія.* Краткое физическое и математическое обозрѣніе поверхности земнаго шара, составленное для первыхъ классовъ уѣзднаго училища. *Ф. Р — мъ.* Въ 16; 64 стран. Кронштадтъ.

Изъ учебниковъ, изданныхъ прежде по этой самой части, нѣтъ ни однаго, который бы не былъ основательнѣе, легче и полезнѣе напечатаннаго вновь. Не понимаемъ, что за цѣль составленія такихъ жалкихъ обновокъ педагогической литературѣ.

61. *Врачь секретныхъ болѣзней.* Сочиненіе доктора *Альберта.* Въ 16; 68 стран. Моск.

Въ небольшей книжкѣ этой одно хорошо, что она подтверждаетъ извѣстную истину, какъ опасно лечиться по наслышкѣ, не прибѣгая къ помощи свѣдущаго врача.

62. *Памятная книжка для бумажника,* и проч., и проч. Въ 32; 54 стран. Спб.

Сочинитель расчитывалъ оказать услугу сельскимъ хозяевамъ, экономамъ, провинціальнымъ пренумерантамъ на газеты и журналы, стряпчимъ, негоціанамъ, мелочнымъ торговцамъ, рабочимъ людямъ и даже героямъ карточныхъ игръ. Вышло на повѣрку, что все, внесенное имъ въ памятную книжку, вышеозначенныя особы знаютъ наизусть точнѣе его и помнятъ крѣпче.

63. *Лука да Марья.* Народная повѣсть. Сочиненіе *Өедора Глинки.* Въ 12; 24; стран. Моск.

Нравоучительная для простаго народа повѣсть, написанная прекрасно, умно и совершенно въ томъ духѣ, какаго требуютъ наши народныя сочиненія. Этотъ но-

вый опытъ автора напомнилъ давнишнюю его же сказку, написанную имъ экзаметрами. Если онъ постояннѣе удѣлять будетъ доброму, любимому имъ, Русскому народу часть своихъ досуговъ; то необходимѣйшая отрасль литературы у насъ пополнится достойнымъ образомъ.

64. *Святочный гадатель*, или какъ увидѣть своего суженаго, своего ряженаго, съ присовокупленіемъ игры въ фанты и подблюдныхъ пѣсень. Въ 12; 25 стран. Моск.

Подобными пустяками давно угощаетъ безграмотность нашу бѣдную публику простолюдиновъ. Можно впрочемъ надѣяться, что книги, какъ на прим: предшествовавшая и *Сельское Чтеніе*, вытѣснять изъ печатнаго міра эти плоды невѣжества и празднолюбія.

II.

65. *Творенія св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ*. Повременное изданіе при Московской духовной Академіи, съ прибавленіями духовнаго содержанія. *Годъ второй. Книжка IV*. Въ 8. Моск.

66. *Библіотека для воспитанія*. Отдѣленіе *первое*. Часть *вторая*. Годъ *второй*. Изданіе *А. Семена*. Въ. 12; 286 стран. Моск.

67. *Юридическая библіотека.* Опытъ руководства къ познанію законовъ и къ правильному примѣненію ихъ къ случаямъ. Изданіе *Өедора Наливкина.* Тетрадь *десятая.* Въ 8; 131 стран. Моск.

68. *Труды* Императорскаго *Вольнаго Экономическаго Общества. 1844.* Треть *послѣдняя.* Въ 8; съ 715 по 928 и IV стран. Спб.

=

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

5 *. Воспоминаніе слѣпаго. *Путешествіе вокругъ свѣта Жака Араго.* Переводъ *П. А. Корсакова и другихъ.* Изданіе В. Межевича и И. Песоцкаго, украшенное пятьюдесятью картинками, рисованными и гравированными въ Парижѣ. Томъ I. Въ 8; XII и 345 стран. Спб.

Для любителей чтенія разнообразнаго, легкаго и пріятнаго ничего нельзя было лучше выбрать для перевода, какъ это путешествіе. Оно можетъ незамѣтно наполнить свободное время читателя, къ какому бы ни относился онъ разряду по своимъ занятіямъ и знаніямъ. Сочинитель, изъ безчисленнаго множества предметовъ, умѣлъ для книги своей выбрать только такіе, которые никого не пугаютъ спеціальностію своею. Это разговоръ общежитія, которое незамѣтно примѣняется

* За Генварь.

къ каждому изъ своихъ членовъ. Переводчики сохранили въ Русскомъ языкѣ не только ясность и правильность, но и самую игривость, столь увлекательную во Французской прозѣ.

6. Принцесса Брамбилла. *Фантастическая повѣсть Э. Ѳ. А. Гофмана.* Съ политипажными рисунками. Въ 12; 229 стран. Спб.

Нельзя не сожалѣть, когда великаго писателя переводятъ безъ уваженія къ его генію. Гофманъ представляетъ собою изумительное явленіе глубокомыслія, чуднаго юмора и оригинальной поэзіи. Все это нераздѣльно имъ внесено въ каждое его твореніе. Но что въ немъ видитъ читатель или переводчикъ дюжинный? слова, иногда смѣшныя, а чаще непонятныя, завязку и развязку, удовлетворяющую ребяческое любопытство. Такъ понятное и передается такъ. Что же геніальнаго найдетъ тутъ иностранный читатель? Ничего.

7. *Наружныя лекарства*, ихъ свойства, дѣйствія на человѣка и употребленіе для практикующихъ врачей и хирурговъ. Сочиненіе *Ф. В. Гана.* Перевелъ съ Нѣмецкаго *Іосифъ Виноградовъ.* Въ 8; 594 и XXVIII. стран. Моск.

Переводчикъ, занимающійся преподаваніемъ лекцій въ Фельдшерской Школѣ, употребляетъ сочиненіе Гана какъ руководство. Оно дѣйствительно составлено хорошо, хотя и не полно въ отношеніи къ фармакологіи. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ.

II.

8. *Руководство къ частной патологической анатоміи Карла Рокитанскаго*, доктора медицины и проч. Перевели съ Нѣмецкаго *Дмитрій Минъ и Адольфъ Циммерманъ*. Часть *вторая*, содержащая болѣзни дыхательныхъ, пищеварительныхъ, мочевыхъ и половыхъ органовъ. Въ 8; 226 стран. Моск.

9. Частная фармакологія, или *наука о лекарствахъ*, составленная докторомъ *І. Ф. Зобернгеймомъ*, для академическаго и практическаго употребленія. Съ Нѣмецкаго, 5-го изданія, перевелъ *Михаилъ Вейсбергъ*. Въ двухъ частяхъ. Часть *вторая*, *четвертая* тетрадь. Въ 8; 190 стран. Моск.

I.

10 *. *Лудовикъ XV и Французское общество XVIII столѣтія*. Историческій очеркъ. Въ 12; 169 стран. Спб.

Мы должны были отнести эту брошюру въ разрядъ переводовъ; потому-что, за исключеніемъ немногихъ пропусковъ, все въ нее взято изъ книги Капфига о Лудовикѣ XV и вѣкѣ его. Изданія въ этомъ

* За Февраль.

пестромъ видѣ странно поражаютъ внимательнаго читателя, когда онъ отъ книги ожидаетъ чего-нибудь цѣлаго и гармоническаго.

11. *Спящая красавица.* Съ Французскаго. Украшена 16 картинами. Въ 16; 27 стран. Моск.

Сказка очень давно извѣстна всѣмъ, особенно въ Русской литературѣ, гдѣ она красуется очаровательными стихами *Жуковскаго.* Новому ея переводчику, видно, неизвѣстно было это обстоятельство: иначе зачѣмъ бы еще разъ переводить дурною прозою то, что уже есть въ прекрасныхъ стихахъ?

12. Леди Анна, или сирота. *Дѣтская повѣсть.* Съ Англійскаго. Съ картинками, рисованными *Р. Жуковымъ.* Въ 12; 191 стран. Спб.

Въ числѣ немногихъ хорошихъ повѣстей, для дѣтей изданныхъ, Леди Анна займетъ не послѣднее мѣсто. Въ ней и расказъ живъ и событіе занимательно, не говоря уже о нравственномъ достоинствѣ, которымъ часто впрочемъ прикрываются и самыя ничтожныя сочиненія, если искать въ нихъ таланта автора.

13. *Дѣтскій театръ.* Двѣ Комедіи: I. Волшебница, 2. Негритянка. Соч. *Елиз... Клев...* (На Французскомъ и Русскомъ языкѣ). Въ 16; 142 стран. Спб.

Изъ Дѣтскаго Театра молоденькія читательницы и читатели навѣрное выйдутъ безъ замѣтнаго удоволь-

ствія; потому-что они увидятъ на сценѣ такія явленія, которыя придуманы и сочинены, а не схвачены въ жизни. Такимъ образомъ ничто не возбудитъ ихъ участія и не станется ни въ сердцѣ, ни даже въ памяти.

14. *Курсъ миѳологіи* для руководства въ учебныхъ заведеніяхъ обоего пола. Составленъ по курсамъ гг. *Ноэля*, *Шапсаля*, аббата *Готье* и проч. Въ 12; 197 стран. Спб.

Еще книга, изданная на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Если изъ миѳологіи достаточно знать, какое лице въ какой было должности у языческихъ Грековъ и Римлянъ, то конечно и этотъ курсъ можно пустить въ дѣло. Но пора бы изъ науки о миѳологическихъ сказаніяхъ составить что-нибудь связное, строго-историческое и проникнутое единствомъ мысли, облеченной то въ аллегорію, то въ эмблемматическія картины. Самая исторія нѣкогда представляла собою сборъ несвязныхъ анекдотовъ и повѣстей. Изъ нея теперь образовали органическое цѣлое, очистивъ отъ постороннихъ веществъ: такъ надобно поступить и съ миѳологіею.

15. *Объ Англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ*, съ примѣненіемъ его къ хозяйственнымъ обстоятельствамъ другихъ странъ, въ особенности Германскихъ. Сочиненіе *А. фонъ Векерлина*, съ примѣчаніями для Русскихъ хозяевъ *И. Я. Вилькинса*. Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ 8; 467 стран. Моск.

Книга раздѣлена на двѣ части: въ одной говорится о нынѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйства въ Англіи, а въ другой о системахъ его въ разныхъ странахъ. Если бы г. Вилькинсъ, знатокъ всего этаго дѣла, не обагатилъ сочиненія своими примѣчаніями, оно осталось бы безъ примѣненія и только исторически удовлетворяло бы любознательность читателей. Теперь же они многое изъ книги могутъ примѣнить у себя къ дѣлу.

II.

16. *Всемірная исторія К. Ѳ. Беккера.* Переводъ съ Нѣмецкаго, изданный *Николаемъ Гречемъ.* Отдѣленіе *второе*: *Средняя исторія.* Часть *четвертая.* Въ 8; 408 стран. Спб.

=

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

7 *. *О подражаніи Христу,* четыре книги *Θомы Кемпійскаго,* переведенныя съ Латинскаго языка *Графомъ М. М. Сперанскимъ.* Изданіе *четвертое,* дополненное противъ третьяго изданія избранными мѣстами изъ другихъ твореній Θомы Кемпійскаго, переведенными также Графомъ М. М. Сперанскимъ. Въ 16; XIII, XV и 493 стран. Спб.

8. Воспоминаніе о прошедшемъ, или *признательность общества офицеровъ къ доброму начальнику.* Драматическій отрывокъ. Въ трехъ дѣйствіяхъ. Изданіе *второе.* Въ 8; 22 стран. Спб.

9. *Параша Лупалова.* Сочиненіе *Графа де Местра.* Переводъ съ Французскаго. *Второе* изданіе. Въ 16; 179 стран. Спб.

10. *Сокращеніе странствованій Телемака,* согласно сочиненію *Фенелона,* изданіе классное для употребленія въ гимназіяхъ, кадетскихъ корпусахъ и пансіо-

* За Генварь.

нахъ, *И. Эйнерлинга* и проч. Изданіе *пятое.* Въ 8; XX, 224 и 32 стран. Спб.

11. *Общая реторика, Н. Кошанскаго.* Изданіе *девятое.* Въ 8; 106 стран. Спб.

12. Учебный дѣтскій атласъ новой и древней Россіи, и проч. *Новое* изданіе *И. Эйнерлинга.* Въ 16; 37 и 55 стран. на 61 картѣ Спб.

13. Курсъ чистой математики, составленный, по порученію Беллявена, профессорами математики: *Аллезомъ, Билли, Пюиссаномъ и Будро.* Съ Французскаго перевелъ, значительно измѣнилъ и пополнилъ *П. Погорѣльскій.* Изданіе *пятое.* Въ 8; 182 стран. Моск.

II.

14. Переписка и расказы Русскаго инвалида. Сочиненіе Генерала отъ Инфантеріи *И. Н. Скобелева.* Изданіе *четвертое,* исправленное и дополненное. Съ 33-мя картинками, рисованными Р. К. Жуковымъ. Часть *вторая,* содержащая въ себѣ *Расказы и вечеръ Чесменскихъ инвалидовъ.* Въ 12; 239 стран. Спб.

*

15 *. Извѣстіе о первопечатныхъ Московскихъ и

* За Февраль.

Петербургскихъ вѣдомостяхъ, изданныхъ при Петрѣ Великомъ. *С. П — аго.* Изданіе *второе.* Въ 8; 15 стр. Спб.

16. *Собраніе куплетовъ* изъ новѣйшихъ водевилей, съ приложеніемъ пѣсень, арій и хоровъ изъ оперы *Аскольдова могила.* Въ 12; 104 стран. Моск.

17. *Русская хрестоматія для дѣтей.* Составилъ *А. Галаховъ.* Изданіе *третіе.* Въ 8; 412 стран. Моск.

18. *Дѣтское зеркало.* Нравоучительная книжка для дѣтей перваго возраста (съ 18-ю картинками). Изданіе *второе.* Въ 16; 167 стран. Спб.

19. *Дѣтскія комедіи, повѣсти и басни.* Собраны *П. Ф.* Въ 16; 225 стран. Спб.

20. *Наставникъ Русской грамотѣ,* или руководство къ обученію малолѣтныхъ дѣтей, въ самомъ скоромъ времени, чтенію правильному и свободному. Изданіе *второе.* Въ 8: 119 стран. Спб.

ПЯТЬ ГЛАВЪ

изъ новаго романа *П. Кулѣша:*

ЧЕРНАЯ РАДА *

Помянухъ дни древнія, поучахся во всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ, въ твореніи руку Твоею поучахся. *Пс. CXLII, 5.*

ГЛАВА I,

СЛУЖАЩАЯ ВСТУПЛЕНІЕМЪ.

Тымъ и сталось по всёму свѣту стра-
шéнная казацькая сила,
Що у васъ, панове молодци, була
воля й дума едина.
Изъ народной пѣсни.

Хотя утѣсненіе православной вѣры воспитало въ Малороссійскомъ народѣ самую глубокую ненависть къ Полякамъ, однако жъ не оно довело Малороссіянъ до того отчаяннаго и повсемѣстнаго возстанія, которое вспыхнуло по всей Украинѣ, едва раздался губительный для Поляковъ громъ пушекъ

* Такъ называлось собраніе Малороссійскаго народа въ 1663 г. для избранія гетмана.

Хмѣльницкаго при Желтыхъ Водахъ и подъ Корсунемъ. Довело до этаго Малороссіянъ крайнее угнетеніе козаковъ и простаго народа [1] отъ Польскихъ и нашихъ, недавно ополячившихся пановъ. Ибо паны, владѣя верховною властію въ королевствѣ, мимо королевской воли отнимали у козаковъ, для своей корысти, права и земли, пожалованныя имъ за воинскія заслуги королями, и по мѣрѣ того, какъ козаки возставали за свои стародавнія владѣнія и вольности, они считали себя тѣмъ болѣе въ правѣ ограничивать и стѣснять это воинское сословіе Украйны. Наконецъ, около половины XVII столѣтія, до того взяли они козаковъ въ свои руки, что, вмѣсто давнихъ двадцати, тридцати и сорока тысячь, число ихъ, по войсковому реестру, было только *шесть* тысячь (прочіе обращены въ крестьянство). И эти бѣдныя шесть тысячь не только не имѣли своего гетмана, но не смѣли сами избирать вольными голосами и полковниковъ. Коронный, или Польскій, гетманъ по своей волѣ назначалъ въ козацкое войско полковниками католическихъ пановъ, которые, въ свою очередь, не позволяли козакамъ избирать изъ среды себя сотниковъ, а поставляли ихъ изъ «своей руки», выбирая для сего своихъ единоплеменниковъ. Со временъ короля Баторія обыкновенно каждому реестровому козаку отпускалось изъ казны тридцать злотыхъ въ годъ жалованья. Теперь эти деньги не доходили уже до козаковъ: онѣ оставались въ рукахъ полковыхъ старшинъ, и

козаки такъ были порабощены, что не смѣли и требовать своего жалованья. Этаго мало: они должны были еще работать своимъ начальникамъ какъ крѣпостные люди и безусловно покоряться всякой ихъ прихоти. Вздумается, напримѣръ, полковнику послать изъ Запорожья *въ города̀* *, въ подарокъ какому-нибудь пану, ястреба, орла, или собаку — бѣдный козакъ долженъ ѣхать [2] съ этимъ подаркомъ черезъ дикія поля, съ опасностью погибнуть отъ Татаръ, которые обыкновенно рыскали, какъ голодные волки, по степямъ, ища поживы. Достанетъ ли козакъ у Татарина добраго коня — полковникъ беретъ его себѣ, такъ, какъ охотникъ птицу, которую убьетъ ему соколъ. Поймаетъ ли козакъ *языка* ** Татарскаго — полковникъ пошлетъ съ языкомъ къ коронному гетману какаго-нибудь любимаго *жолнѣра* ***, а козацкая отвага остается безъ награды. Такія несправедливости терпѣли козаки отъ своей старшины, неся тяжелую пограничную службу. А дома была имъ бѣда другаго рода. Жиды, по милости своихъ протекторовъ Поляковъ, завладѣли всѣми отраслями промышленности. Козаку не вольнѐ было держать никакаго напитка — не только меду, водки, пива, но даже и браги. Сверхъ того онъ долженъ былъ платить откупщикамъ за

* Т. е. въ заселенную осѣдлыми обывателями Украйну.

** Во время войны стараются захватить въ плѣнъ кого-нибудь изъ противной арміи, чтобы освѣдомиться у него о непріятельскихъ дѣйствіяхъ. Такой плѣнникъ называется *языкомъ*.

*** *Жолнѣръ* — Польскій солдатъ.

привозъ на рынки разныхъ хозяйственныхъ произведеній, а потомъ за право продажи и покупки. Пробовали иные козаки доставлять пропитаніе своимъ семействамъ чумакованьемъ: ходили, съ позволенія старшины, на рыбную ловлю за пороги; но этотъ промыселъ не слишкомъ былъ для нихъ выгоденъ. Поляки выстроили надъ Днѣпромъ, повыше пороговъ, крѣпость Кодакъ. Эта крѣпость была, можно сказать, заставою Украйны: она препятствовала козакамъ уходить къ Запорожцамъ въ Сѣчь [3], препятствовала также и Запорожцамъ пересылаться съ Украинцами и подготовлять межъ ними тайныя партіи для общаго возстанія; и-такъ, раздѣляя порохъ отъ огня, она держала оба въ бездѣйствіи. Чрезъ эту же крѣпость лежала и большая торговая дорога. Ее нельзя было миновать козацко-чумацкому обозу, ибо по-межъ степными комишами, чагарняками, терновниками и байраками могъ дѣлать повороты только легкій конь Татарина, да конь отважнаго козака, привыкшій терпѣливо сносить и трудъ и безводье. И-такъ военные чумаки должны были платить въ Кодакѣ комисару «десятую рыбу», а, воротившись домой, полковнику за его позволеніе —дай, сотнику—дай, асаулу—дай, писарю—дай, такъ-что женѣ и дѣтямъ бѣднаго труженика останется изъ его полнаго воза очень немного. Все это вмѣстѣ, одно къ другому, довело козаковъ до крайней бѣдности и заставило ихъ смотрѣть на пановъ, какъ на единственную причину всѣхъ ихъ бѣдствій.

Если бъ въ Малороссіи уцѣлѣло древнее южно-Русское дворянство, можетъ быть, козаки не были бъ безглавымъ тѣломъ, имѣя надъ собою Русскихъ старшинъ православнаго исповѣданія. Но въ концѣ первой половины XVII вѣка наши паны превратились, почти безъ исключенія, въ католиковъ, слѣдовательно перестали быть Русскими [4]. Въ слѣдъ за Острожскими, Вишневецкими, Корецкими, Рожинскими, Четвертинскими, сдѣлавшимися, изъ крѣпкихъ столповъ православія, ревностными поборниками католицизма, дворянство наше, обольщаемое личными выгодами и угрожаемое опасностью лишиться должностей и имѣній, отдѣлилось отъ козаковъ и народа, и приняло вмѣстѣ съ вѣрою Польскій образъ дѣйствія въ отношеніи къ православнымъ.

Былъ еще, кромѣ козаковъ и поселянъ, одинъ классъ народа въ Малороссіи — городскіе простолюдины, мѣщане. Они, по видимому, должны бы составлять среднее сословіе въ Украйнѣ и служить народу опорою. Но принятый Польскимъ правительствомъ обычай отдавать дворянамъ города и уѣзды на *старо̀ства* произвелъ въ Малороссіи особаго рода временное помѣщичье право, изнурительное для мѣщанъ и ранговыхъ * поселянъ. Старо̀сты, заботясь только о

* Ранговыми помѣстьями назывались земли, отдававшіяся во владѣніе государственными сановниками до тѣхъ поръ, пока они считались въ своихъ должностяхъ.

временной своей пользѣ, поступали съ мѣщанами какъ съ неключимыми рабами, тѣмъ болѣе, что сами были католиками (ибо рѣдкій православнаго исповѣданія дворянинъ могъ получить такое мѣсто). А Жиды, захвативъ въ свои руки промышленность и покупая золотомъ потворство пановъ, высасывали у мѣщанъ послѣдніе достатки и позволяли себѣ самыя крайнія дерзости. И–такъ мѣщане, неся одинакое иго съ козаками, также чувствовали, что причина ихъ бѣдствій заключается въ неограниченномъ могуществѣ пановъ и смотрѣли на нихъ съ ненавистью, какъ на своихъ притѣснителей.

О крестьянахъ и говорить нечего. Почти всѣ имѣнія въ Малороссіи были на откупѣ у Жидовъ и у мелкой шляхты, которые, имѣя въ виду одну цѣль — деньги, вымышляли безконечные налоги и поборы. Сами жъ *держàвцы*, или помѣщики, на Украйнѣ не жили, и потому объ обидахъ своихъ крестьянъ мало знали, а хоть и знали, то ослѣплены были золотомъ своихъ откупщиковъ и поссесоровъ, которые, по словамъ лѣтописи, «ихъ же саломъ по ихъ кожѣ мазали: отнявши у крестьянъ, панамъ давали, что и самому пану вольно было бы взять съ крестьянина, и не такъ бы жаль было крестьянину. А то какое–нибудь *ледащо* *, какой–нибудь Жидъ обогащается, по нѣскольку цуговъ

* Ледáщо — негодяй.

коней справляетъ, вымышляя великіе чинши, поволовщины, дуды, осыпъ, мѣрочки сухія, плату съ *жерновъ* и всякія средства для завладѣнія чужимъ имуществомъ, пока натрапили на однаго человѣка, у котораго отняли пасику, а та пасика надѣлала бѣды всей землѣ Польской [5].»

Такъ терпѣли отъ пановъ всѣ низшія сословія наши. Не говорю уже о православномъ духовенствѣ, стѣсняемомъ, обижаемомъ, уничтожаемомъ на каждомъ шагу. Мудрено ли послѣ этаго, что, едва пронеслась по Малороссіи вѣсть о погибели войскъ и самихъ гетмановъ Польскихъ при Желтыхъ Водахъ и подъ Корсунемъ, вся чернь Малороссійская заволновалась? Козаки вспомнили свои древнія права и вольности, отнятыя у нихъ дворянствомъ; мѣщане вспомнили свои деньги, обогатившія пановъ и Жидовъ; крестьяне (межъ которыми было много преждебывшихъ козаковъ и козацкихъ дѣтей) вспомнили всѣ притѣсненія, налоги и побои отъ шляхты и арендаторей; всѣ вообще православные вспомнили неистовства католиковъ и уніатовъ, ругавшихся надъ нашею вѣрою и попиравшихъ нашу святыню, *думая тѣмъ службу приносить Богу*. И-такъ, кромѣ собственно козацкаго ополченія, стали составляться полки изъ мѣщанъ, земледѣльцевъ, пастуховъ, винокуровъ, броварниковъ * и наемщиковъ. Эти пол-

* *Бро́варъ* — пивоварня; *броварникъ* — работникъ въ пивоварнѣ.

ки не были приводимы потомками древнихъ знаменитыхъ фамилій, ибо всѣ знатнѣйшіе дворяне окатоличившись стояли за Поляковъ: этими полками управляло одно стремленіе къ освобожденію отъ тяжкаго ига; оно давало имъ единодушіе, сливало ихъ въ нераздѣльное тѣло, направляло ихъ къ единой цѣли [6].

Во главѣ ихъ стояли имена, говорящія сами о своемъ происхожденіи: Гира, Кулакъ, Небаба, Кривоносъ и тому подобныя. Не знатность породы, не превосходство образованности возвышали ихъ на степень полковниковъ: одна личная храбрость, одинъ природный умъ, могущество простаго краснорѣчія собирали вокругъ нихъ бурныя толпы и заставляли имъ повиноваться.

Едва зашумѣлъ и заволновался южно-Русскій народъ, и вдругъ все не-православное, все не-Русское зашевелилось по всей Украйнѣ, собрало гнусные свои пожитки, для которыхъ сосало кровавый потъ изъ народа, столпилось въ купы, какъ стадо свиней, окруженное волками, и, ощутивъ опасность своего положенія, снялось и потянулось въ Польшу. Тогда исчезли изъ Малороссіи всѣ тѣ, что сдѣлались изъ Кочерги Кочержинскими, изъ Чобота Чоботинскими, изъ Проскуры Проскуринскими: католики не покинули въ жертву народу недавно порожденныхъ дѣтей своихъ. За ними убрались и

другія ненавистныя для Малороссіянъ твари, противныя Христу, но неразлучныя донынѣ съ тѣми, что съ такою ревностью вводили въ Малороссіи ложно-понятую вѣру Христову. Бѣгствомъ изъ Украйны ополяченныхъ нашихъ дворянъ отдѣлилось отъ южно-Русскаго народа все, негодное къ продолженію народной Русской жизни, какъ отдѣляется пивоваромъ отъ чистаго напитка пѣна, когда зашумитъ и заклокочетъ котелъ; осталось только то, что исповѣдывало православную вѣру, говорило южно Русскимъ языкомъ и соблюдало предковскіе обычаи. И-такъ возстаніе Хмѣльницкаго было не только возстаніемъ православія противъ католичества, угнетеныхъ противъ жестокаго господства пановъ [7], но и возстаніемъ народнаго Русскаго духа противъ духа Польскаго [8], стремившагося его уничтожить.

Для ума и воображенія историка это было восхитительное явленіе въ дѣяніяхъ рода человѣческаго. Польша стремится покорить все въ своихъ владѣніяхъ единому духу, сплавливаетъ съ собою, посредствомъ обычневъ, языка и вѣры, Литву, ополячиваетъ мало по малу Подолье и Волынь, начинаетъ окрашивать въ ту же краску и Малороссію. Уже дворянство наше подражаетъ въ обычаяхъ Полякамъ, какъ народу господствующему, усвоиваетъ себѣ языкъ и письменность Польскую, наконецъ принимаетъ и самую вѣру католическую, а вмѣстѣ

съ тѣмъ перестаетъ любить Русскую землю какъ родину [9], и заодно съ природными Поляками гнететъ своихъ единоземцевъ. Духовенство наше также ущерблено и почти уничтожено во всеобщемъ мнѣніи [10]. Даже богатѣйшіе мѣщане, для спасенія своихъ имуществъ, дѣлаются католиками. Казалось, пройдетъ еще десятокъ-другой лѣтъ, и въ Малой Россіи не услышишь слова Русскаго, не увидишь церкви православной, а все заговоритъ по-Польски и поклонится папѣ. Вдругъ падаетъ искра тяжкой обиды въ полное мужества и энтузіасма сердце Хмѣльницкаго. Гнѣвъ и мщеніе, взволновавъ его душу, пробудили въ ней и другія, высокія чувства. Онъ взываетъ къ своему порабощенному народу; народъ встрепенулся отъ вдохновеннаго слова вождя, ощутилъ дремавшую въ себѣ силу воли, извергнулъ изъ себя злаго духа, свирѣпствовавшаго въ его внутренности — и изъ земли католической, ополяченной, въ нѣсколько мѣсяцевъ стала земля чисто православная, чисто Русская. Торжественный моментъ въ нашей исторіи! Въ спокойномъ, прозаическомъ ходѣ романа, я не рѣшаюсь выразить этой слишкомъ живой, восторженной эпохи Малороссіи: я поведу расказъ далѣе и постараюсь изобразить ту суматоху, которая наступила въ Малороссіи, когда народъ, свергнувши съ своей выи старую аристократію, начиналъ чувствовать тяготу новой, изъ него образовавшейся, и долго не могъ съ нею ужиться. Но сперва считаю

необходимымъ означить кратко ходъ событій до того смутнаго года, когда начинается моя драма.

Богданъ Хмѣльницкій принадлежитъ къ числу величайшихъ вождей народныхъ. Онъ, кромѣ воинскаго искуства, въ высшей степени обладалъ труднымъ искуствомъ управлять умами своихъ подчиненныхъ. Онъ одинъ могъ совладать съ народомъ, возрожденнымъ имъ изъ неключимаго рабства, съ этимъ разнузданнымъ конемъ, вырвавшимся на волю — и какъ только не стало Хмѣльницкаго, не стало и единодушія въ Малороссіи. Вмѣсто этаго мощнаго душою воина-политика, котораго единою цѣлью было благо освобожденной имъ Малороссіи, выступаютъ на сцену люди или ничтожные, или своекорыстные, и составляютъ въ народѣ враждующія партіи. Народъ теряетъ уваженіе къ недавнообразовавшейся изъ него аристократіи, повинуется внушенію всякой отважной головы; тревога безустанно кипитъ по всей Малороссіи. Поляки пользуются этимъ замѣшательствомъ — и, привлекши на свою сторону сперва Выговскаго, а потомъ Юрія Хмѣльницкаго и Тетерю, удерживаютъ подъ своею протекціею весь правый берегъ Днѣпра. Но лѣвый, гдѣ нынѣ Черниговская и Полтавская губерніи, остается неизмѣнно подъ властью Московскаго Царя. Здѣшніе козаки, предводимые своими полковниками Золотаренкомъ и Самкомъ, нѣсколько разъ разбиваютъ и прогоняютъ гетмановъ Юрія Хмѣль-

ницкаго и Тетерю, передавшихся Полякамъ; наконецъ отдѣляются совершенно отъ за-Днѣпрской Малороссіи, желаютъ избрать себѣ особаго гетмана—и тутъ-то начинается рядъ происшествій, которыя предпринялъ я описать въ этой книгѣ.

*

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *Довело до этаго (возстанія) Малороссіянъ крайнее угнетеніе козаковъ и простаго народа*, и пр.

Въ письмѣ къ королю изъ Бѣлой Церкви, въ 1649 году, Богданъ Хмѣльницкій, выражая причины своего возстанія, подробно исчисляетъ притѣсненія, претерпѣнныя Украинцами отъ пановъ. «Теперь опять, говоритъ, тягче Турецкаго ига отягощены мы игомъ пановъ старостъ Украинскихъ; не токмо на добрахъ нашихъ, но и на вольныхъ тѣлахъ насиліе претерпѣваемъ. Грабятъ у насъ насиліемъ старинныя поля, или выработанныя нивы, отчизны, гумна, мельницы, лѣса, пруды и что только понравится имъ козацкое; берутъ десятину

съ пчелъ, отнимаютъ скотъ и послѣднихъ лошадей, на которыхъ служимъ войску; а жаловаться нельзя: просьбы принимаютъ за гордыню, жалобы и слезы за бунты. Козаками наполнены темницы. Комисары войска нашего не заступники, а предатели наши. Горьки намъ предательства пановъ нашихъ Украинскихъ, и пр. (*Ист. Мал.* Маркевича, III, 49).

2. *Вздумается, напримѣръ, полковнику послать изъ Запорожья въ города, въ подарокъ какому-нибудь пану, ястреба, орла, или собаку — бѣдный козакъ долженъ ѣхать*, и пр.

Запорожцы до временъ Хмѣльницкаго составляли часть реестровыхъ козаковъ, хотя все войско козацкое называлось *войскомъ Запорожскимъ*. Только отдаленность ихъ жительства и дикіе луга съ Днѣпровскими островами и камышами способствовали имъ скрывать у себя разнаго рода бѣглецовъ, умножать такимъ образомъ число свое и затѣвать вмѣстѣ съ городовыми козаками возстаніе на притѣснителей Украйны. Въ *Заключеніи Коммиссіи съ войскомъ Запорожскимъ подъ Кураковымъ, на урочищѣ, называемомъ Медвѣжьи Лозы*, въ 1625 году, ясно сказано: «Изъ числа шести тысячь реестровыхъ, по тысячѣ или болѣе, сколько панъ гетманъ (коронный) почтетъ нужнымъ, должны, имѣть пребываніе въ низовьяхъ за порогами, и по

обязанности своей, состоящей въ донесеніяхъ о непріятелѣ, въ недопущеніи его къ переправамъ и въ удержаніи того мѣста, должны они служить республикѣ».

Передъ возстаніемъ Павлюка въ 1637 году на Запорожьи образовалась самостоятельная вольница изъ козаковъ и другихъ выходцевъ Малороссійскихъ. Почему, послѣ пораженія козаковъ при Кумейкахъ, дана была въ 1638 году на Переяславскомъ сеймѣ комисару, полковнику Мелецкому, инструкція, которою назначено «всѣмъ козакамъ собраться на Запорожьи для вписанія каждаго въ войсковой реестръ, такъ-чтобы каждый козакъ изъ находящихся на Запорожьи принадлежалъ опять къ своему прежнему полку; послѣ чего эти козаки, внесенные въ списокъ, должны явиться въ полки къ своимъ полковникамъ. Остальная же часть *простой* черни и свободныхъ людей, какая бы ни находилась по домамъ на Запорожьи, должна возвратиться изъ Запорожья домой; а панъ комисаръ долженъ смотрѣть, чтобъ на Запорожьи никто не оставался, кромѣ стражи. А на стражѣ старшина Иліяшъ долженъ оставить два полка, Чигиринскій и Бѣлоцерковскій, на три мѣсяца, а послѣ, на другіе три мѣсяца, придутъ другіе два полка, Каневскій и Корсунскій, и ихъ смѣнятъ, ибо такимъ образомъ король, паны коронные гетманы и вся республика желаютъ, дабы каждый годъ каждому полку при-

шлось прожить на Запорожьи». (*Ист. Мал.* Маркевича. III, 27, 37).

3. *Она препятствовала козакамъ и крестянамъ уходить къ Запорожцамъ въ Сѣчь*, и пр.

Само собою разумѣется, что одно укрѣпленное мѣсто не могло заградить широкаго степнаго пути на Запорожье; но оно было главнымъ пунктомъ пограничной Польской стражи, разставленной на всѣхъ путяхъ къ Сѣчи, для перехватыванья бѣглецовъ и возмутителей.

4. *Слѣдовательно перестали быть Русскими.*

См. ниже примѣчаніе 7-ое. «Я дворянинъ *Польскій*», говоритъ воевода Кисель.

5. *А та пасика надѣлала бѣды всей землѣ Польской.*

Намекъ на Богдана Хмѣльницкаго, у котораго Поляки отняли Суботовское имѣніе съ пасикою и мельницею, за что онъ искалъ суда у вельможъ Польскихъ (управлявшихъ государствомъ), но, не получивъ удовлетворенія, взялся за оружіе и подалъ сигналъ ко всеобщему возстанію Малороссійскаго народа.

6. *Оно давало имъ единодушіе, сливало ихъ въ нераздѣльнее тѣло, направляло къ единой цѣли.*

Озадаченный этимъ необыкновеннымъ явленіемъ, одинъ современный Польскій лѣтописецъ (Коховскій) пишетъ: «Удивительное дѣло: когда другіе ведутъ войну; то, собравши деньги, медленно набираютъ войско; ново-набранные уходятъ; офицеры расточительностью, солдаты грабежемъ разоряютъ убогихъ; а когда велятъ итти на сраженіе, неучъ-солдатъ больше повредитъ, нежели поможетъ. У бунтовщиковъ же (т. е. у козаковъ), напротивъ, нѣтъ ни контрибуцій, ни наборовъ, не бьютъ въ бубны на вербунки; полковники не заботятся о дисциплинѣ, о коняхъ и провьянтѣ; всѣ летятъ толпою — и, что всего дивнѣе, голота, обогатившись грабежемъ, пируетъ какъ жирные щуры на чужомъ хлѣбѣ...»

7. *Угнетенныхъ Украинцевъ противъ жестокаго господства пановъ.*

Удивляюсь, какъ наши историки, цитующіе при своихъ книгахъ такъ много источниковъ, не вычитали изъ этихъ источниковъ, что возстаніе Хмѣльницкаго было не столько возстаніемъ одного племени противъ другаго, одной религіи противъ другой, сколько возстаніемъ низшихъ сословій Рѣчи Посполитой противъ пановъ. Эта мысль весьма ясно высказана во многихъ мѣстахъ Малороссійскихъ

и Польскихъ современныхъ лѣтописей; но они какъ будто съ умысломъ уклоняются отъ нея, заблаговременно приготовившись изображать героевъ дворянскаго происхожденія. Какъ-таки не обратить вниманія на то, что ни одно дворянское имя не встрѣчается во главѣ партій козацкихъ? Вездѣ видимъ только Небабъ, Нечаевъ, Морозенковъ и т. п. А гдѣ паны: Проскуры, Рогозинскіе, Хорошки, Трипольскіе, Борейки, Братковскіе? Всѣ въ Польскомъ войскѣ? Что жъ это значитъ? Не возстаніе ли низшихъ сословій противъ пановъ? Воевода Кисель въ оправдательной рѣчи своей къ Польскому сенату не безъ основанія говоритъ: «Я дворянинъ Польскій, происходящій изъ фамиліи Русскихъ князей, Свѣтольдичей, и ничего общаго съ партіею козацкою не имѣю, ибо *тамъ нѣтъ дворянина* *».(Коховскій). Современная лѣтопись, называемая для отличія отъ другихъ *Лѣтописью самовидца* **, говоритъ объ этомъ какъ нельзя яснѣе: «Въ то время знатнымъ людямъ всякаго состоянія была великая туга и поруганія отъ гультайства, то есть, отъ броварниковъ, винокуровъ, могильниковъ, будниковъ, наемщиковъ, пастуховъ, такъ-что хоть иной знатный человѣкъ и не хотѣлъ бы связываться съ тѣмъ козацкимъ вой-

Въ послѣдствіи уже нѣкоторые шляхтичи, чтобы владѣть своими имѣніями, вступили въ козацкую службу, какъ наприм. Даніилъ, Константинъ и Ѳедоръ Выговскіе, двоюродные братья Ивана Выговскаго, младшій Хмѣлецкій, Гуляницкій, Верещака, Мразовецкій, Юрій Немиричь. (Коховскій).

* Иные называютъ ее лѣтописью *Романовскаго*

скомъ, но для того только, чтобъ избавиться отъ поруганій и нестерпимыхъ бѣдъ въ побояхъ, напояхъ и кормахъ необычайныхъ, принужденъ былъ вступать въ то козачество». Мѣсто и предметъ не позволяютъ приводить еще больше подтвержденій моей идеи о воінахъ козацкихъ. Скажу только, что историки наши уклонились отъ нея, погасили сами для себя факелъ, который проливаетъ истинный свѣтъ на отличительныя черты обѣихъ враждующихъ партій, и чрезъ то исторія ихъ представляетъ лица безъ характеровъ, дѣйствія безъ натуральныхъ и побудительныхъ причинъ, картины безъ колорита и безъ жизни. Словомъ, исторія ихъ не есть исторія въ истинномъ своемъ значеніи. Она содержитъ или сборъ матеріаловъ или повтореніе вымысловъ какаго-нибудь лѣтописца, непонятаго историческою критикою.

8. *Но и возстаніемъ народнаго Русскаго духа противъ духа Польскаго.*

«Гдѣ только было имя Русское, всѣ собирались вмѣстѣ». (Коховскій).

9. *А вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ любить Русскую землю, какъ свою родину.*

Оно съ того времени любило ее только, какъ источникъ доходовъ, а душою было предано Польшѣ.

Хорошо это высказалъ въ рѣчи своей къ Польскому сенату воевода Адамъ Кисель (который, замѣтьте, не былъ еще и католикомъ): «Вмѣняю себѣ въ честь благочестивую вѣру; но теперь радъ бы былъ, если бъ всѣхъ бунтовщиковъ (т. е. козаковъ) посадили на колъ, и бунтъ искоренили, ожидая изъ Украинскихъ имѣній немалыхъ доходовъ, которыхъ я теперь лишенъ». (Коховскій).

10. *Духовенство наше также ущерблено и почти уничтожено во всеобщемъ мнѣніи.*

Католики Польскіе всѣми мѣрами старались заграждать нашимъ духовнымъ путь къ наукамъ. Князь Константинъ Острожскій прилагалъ особенное стараніе о заложеніи школъ и образованіи духовныхъ, «бо за тымъ, говоритъ онъ, ижъ (что) наукъ нѣтъ, великое грубіянство въ нашихъ духовныхъ умножилося». (Артикулы при письмѣ его къ Ипатію, епископу Владимірскому. См. *Ист. Мал.* Маркевича, III, 9.)

═

ГЛАВА II.

Только Богъ Святый знае,
Що Хмѣльницкій думае-гадае.
Изъ народной пѣсни.

Паволочь теперь незначительное мѣстечко, въ Кіевской губерніи, въ Сквирскомъ уѣздѣ, при впа-

денія рѣчки Паволочки въ Раставицу. Въ-старину, и именно въ ту старину, которой я коснулся въ первой Главѣ, это былъ сильно-укрѣпленный городъ. Двѣ рѣчки, сливаясь вмѣстѣ, образовали полуостровъ съ высокимъ, утесистымъ со стороны воды мысомъ. На полуостровѣ лежалъ собственно городъ, на мысѣ возвышался замокъ. Правда, замокъ тотъ былъ не то, что феодальныя твердыни на скалахъ Рейна въ Германіи: это былъ просто острогъ, огороженный дубовымъ толстымъ частоколомъ, съ четырьмя грубо-срубленными башнями по угламъ и одною надъ воротами со стороны города; однако жъ пусть бы попробовало какое-нибудь войско перейти подъ его выстрѣлами плотину, лежащую черезъ рѣку у подошвы мыса! Вода обнимала городъ съ восточной, южной и западной сторонъ; съ сѣвера отъ рѣки до рѣки насыпанъ былъ высокій валъ съ глубокимъ рвомъ, наполненнымъ внизу водою, и перебранный сверху частоколомъ. Дорога изъ сѣверныхъ городовъ въ Паволочь загораживалась высокою деревянною башнею съ амбразурами для пушекъ и ружей, съ дубовыми воротами, съ подъемнымъ мостомъ на цѣпяхъ и съ рогатками, разставленными съ наружной стороны рва, чтобъ останавливать нечаянныя нападенія на неподнятый еще мостъ. Я былъ недавно въ Паволочи. Отъ замка не осталось ни одного бревна, только утесъ печально возвышается надъ узкою плотиною и шумящими колесами мельницы. На валу также не осталось и слѣдовъ частоколу; ровъ засу-

нулся, и то мѣсто, гдѣ стояла башня съ подъемнымъ мостомъ и передовыми рогатками, гладко и пусто, такъ-какъ будто тамъ ничего и не было никогда, кромѣ широкой дороги. Грустно было мнѣ смотрѣть на такое запустѣніе Паволочи; но тѣмъ живѣе представлялись моему воображенію тѣ времена, одушевленныя борьбою народныхъ силъ, когда люди такъ сильно стремились къ своимъ цѣлямъ, такъ горячо любили свое родное, такъ глубоко ненавидѣли чуждое; съ такою энергіею, съ такимъ самопожертвованіемъ брались за предпріятія, которыя теперь кажутся намъ волшебными сказками; такъ вѣрны были до конца жизни своимъ желаніямъ!

Когда, зажмуря глаза, я перестаю глядѣть на то, что есть, и начну припоминать себѣ то, что было, — въ головѣ моей образуется особый міръ; передо мною проходятъ козаки съ своими рѣзкими, сильными характерами, съ своею рѣчью, чудною для теперешняго слуха, съ своими обычаями и поступками, не имѣющими теперь ничего подобнаго себѣ. Такъ, напримѣръ, почти за двѣсти слишкомъ лѣтъ, я вижу Паволочь въ полномъ убранствѣ старины Украинской. Всѣ подробности, всѣ мелочи укрѣпленій представляются мнѣ такъ ясно, что я готовъ нарисовать ихъ.

Вотъ ночь. Въ городѣ тихо. Только слышно,

какъ перекликаются замковые окличники: *Бéрдо!* * — *Не спи твéрдо!* Этотъ обычный кликъ переходитъ изъ замка отъ поста къ посту по восточному берегу города, доходитъ до вала и до башни, съ башни переходитъ на *Иванову* могилу, виднѣющуюся за городомъ, гдѣ всегда стоитъ на *чáтахъ* ** конный козакъ, отъ Ивановой могилы опять возвращается на валъ, идетъ по западному берегу въ замокъ и такъ кружитъ цѣлую ночь, какъ будто чародѣйское слово, отъ котораго зависитъ спокойный сонъ жителей. На темномъ небѣ ярко блестятъ звѣзды. Красный мѣсяцъ началъ показываться изъ-за дальняго лѣса. Въ это время поднятый мостъ опустился, заскрыпѣли вальки, по которымъ ходитъ цѣпь, отворились дубовые ворота, густо убитые гвоздями, и два человѣка выѣхали на коняхъ въ поле.

Въ Паволочи мостъ ночью ни для кого не спускался, и ворота ни для кого не отворялись, безъ особеннаго приказанія полковника. Для кого жъ бы полковникъ далъ такое приказаніе? и еще такой полковникъ, какъ Паволочскій? Паволочскій полковникъ, по фамильному своему имени называвшійся Чепурный ***, по происхожденію извѣстный въ войскѣ подъ именемъ Поповича, а отъ Богдана Хмѣльницкаго прозванный по одному обстоятельству Шрамкомъ,

* Wer da?

** На сторожѣ.

*** Чепурный значитъ — красивый.

верховые козаки обскакали по-за Ивановою могилою и посмотрѣли бы, много ли за гетманомъ ѣдетъ гостей, чтобъ знать, чѣмъ угощать ихъ.... Таковъ былъ Паволочскій полковникъ. Никогда при немъ не вступало въ Паволочь болѣе сотни чужаго войска, если не считать того случая, когда послѣ несчастной Берестечской битвы прибылъ сюда Хмѣльницкій [1] и въ слѣдъ за нимъ Джеджелѣй и другіе полковники, которыхъ гетманъ встрѣтилъ въ Паволочи со слезами. Но то было иное время. Тогда еще у козаковъ была *воля и дума едина*, какъ говорится въ современной пѣснѣ. Теперь не то настало. За Днѣпромъ Самко и Васюта спорятъ о гетманствѣ; на этой сторонѣ Днѣпра ополяченный Тетеря безпрестанно *кокшаклуетъ*, какъ говорили тогда, съ Ляхами. У всѣхъ какое-то тревожное ожиданіе; у всѣхъ взаимная недовѣрчивость. Полковникъ Шрамко оглядывается на всѣ стороны; держитъ въ Паволочи сильный гарнизонъ; не повѣряетъ никому ключей отъ городской башни, даже испытанному въ вѣрности асаулу Якову Лобасу, даже ни одному изъ сыновей своихъ. Чуть только ночь — ворота запираются, асаулъ Яковъ Лобасъ приноситъ пану полковнику ключи, и Шрамко, ложась спать, кладетъ ихъ подъ изголовье. А изголовье Шрамково не доступно для измѣнической руки женщины: онъ давно уже вдовецъ; два жъ сына его, которые спятъ въ передней свѣтлицѣ, вѣрны ему какъ сабля. Значитъ, нужно, чтобъ эти два ѣздока выпущены бы-

ли въ такую пору ночи изъ города не иначе, какъ по волѣ самаго полковника. Только въ такомъ случаѣ онъ самъ бы провожалъ ихъ до башни, и самъ бы замкнулъ за ними ворота; но его не видно у воротъ. Ворота отомкнулъ и замкнулъ за выѣхавшими асаулъ Яковъ Лобасъ. Что-то это значитъ? Кто эти два всадника, для которыхъ сдѣлано такое исключеніе изъ непреложныхъ правилъ Шрамка? Напрасно спрашивать: недаромъ выѣхали они въ такую пору и въ такомъ глубокомъ молчаніи, что даже не сказали прощальнаго слова провожавшему ихъ асаулу, можетъ быть, изъ боязни, чтобъ не узналъ ихъ по голосу козакъ, расхаживающій съ кéлепомъ * на плечѣ по плоской кровлѣ башни. Только, когда проѣзжали сквозь ворота, одинъ изъ нихъ пожалъ руку асаулу Лобасу съ такимъ движеніемъ, какъ будто говорилъ: «надѣюсь на тебя.»

Хотя въ полѣ было темно еще, однако жъ можно было разсмотрѣть, что одинъ всадникъ былъ молодой козакъ, на добромъ конѣ, въ полномъ вооруженіи; не доставало ему только *спи́са* **; но козакъ безъ надобности не любитъ возиться съ длиннымъ древкомъ; стальной наконечникъ копья у него спрятанъ гдѣ-нибудь въ торокахъ, а древко онъ достанетъ, гдѣ мало будетъ одной сабли и пистолетовъ.

* *Кéлепъ* — бердышъ, аллебарда, состоящая изъ топора и молота.

** *Спись* — копье.

Другой былъ старикъ, съ сѣдою бородою; но борода въ тѣ времена была не диво; носили бороды тогда городскіе бургомистры, магистратскіе *райцы* * и солиднѣйшіе мѣщане, ѣздившіе верхомъ не хуже козаковъ; а дивно то, что этотъ всадникъ былъ въ священнической рясѣ. Священники совершали свои поѣздки обыкновенно въ повозкѣ, или въ рыдванѣ, если позволялъ достатокъ; ѣхать верхомъ было не ихъ дѣло. Этотъ же священникъ не только сидѣлъ на конѣ съ такою свободою, какъ будто во всю жизнь иначе не ѣздилъ, но еще объ его стремя билась и сабля; а когда вѣтеръ распахивалъ рясу, виднѣлись за поясомъ въ серебряной оправѣ пистолеты. По торокамъ, наполненнымъ запасными одеждами, видно было, что эти люди держатъ путь не близкій.

Долго ѣхали они молча. Попъ ** наконецъ прервалъ молчаніе, но не разговоромъ, а чтеніемъ однаго изъ псалмовъ Давида. Глядя на небо, усѣянное звѣздами, и въ тишинѣ ночи почувствовавъ, видно, сильнѣе присутствіе Бога во всей вселенной, онъ не умѣлъ лучше выразить своего чувства, какъ повтореніемъ вдохновенныхъ стиховъ Царя Пророка: *Небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе руку его*

* Совѣтники, отъ слова *ráять* — совѣтовать.

** Употребляю это слово вмѣсто слова священникъ, придерживаясь современной лѣтописи.

возвѣщаетъ твердь. День дни отрыгаетъ глаголъ и и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ....

— Сынъ мой, сказалъ онъ, поучайся Слову Божію: въ этой наукѣ найдешь ты всѣ науки. Всѣ наши знанія несовершенны, а въ этой наукѣ всѣмъ нашимъ знаніямъ конецъ. Если кто считаетъ себя мудрымъ, а не знаетъ слова Божія, вся его мудрость есть безуміе; если кто считаетъ себя храбрымъ, а не надѣется на помощь Божію — ничтожна его храбрость. Не на лукъ мой уповаю, и мечь мой не спасетъ меня. *Не спасется царь многою силою, и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея. Ложь конь во спасеніе; во множествѣ силы своея не спасется!* Кто больше меня бывалъ въ войнахъ и опасностяхъ? Отъ *Кумейковщины* * до *Выговщины* ** не было ни однаго добраго бою, въ которомъ бы и моя рука и голова чего-нибудь не значили. Иногда казалось, вотъ явная погибель! но вспомнишь святыя слова: *падетъ отъ страны моея тысяща, и тма одесную мене, ко мнѣ же не приблизится* — и

* Такъ называлась продолжавшаяся цѣлый день и проигранная козаками битва съ Поляками между Кумейками и Мошнами въ 1637 году при гетманѣ Павлюкѣ, или *Павлѣ Михновичѣ Бутѣ*, какъ называетъ онъ себя въ универсалахъ.

** Такъ называлась война между Выговскимъ и Пушкаремъ въ 1658 году. Эти названія заимствованы мною изъ хронологическаго перечня событій, найденнаго мною въ библіотекѣ Мотренинскаго монастыря, писаннаго уставомъ и доведеннаго до 1749 года, подъ заглавіемъ: *Лѣтописецъ*.

идешь смѣло, и Богъ выноситъ изъ огня и сѣчи невредимаго, не безъ того конечно, чтобъ не было гдѣ-нибудь царапины.... Охъ! не одна пуля во мнѣ сидитъ; но видно я еще нуженъ на что-то людямъ, если Богъ держитъ меня на свѣтѣ! Если бъ мнѣ только успѣть въ томъ, что задумалось, тогда хоть бы и къ батьку Хмѣльницкому. О, крѣпко, крѣпко пригорнулъ бы онъ меня за это къ сердцу! такъ, можетъ быть, какъ пригорнетъ иная мать того, кто полюбилъ и осчастливилъ на этомъ свѣтѣ ея дѣтей-сиротокъ!.... Охъ, Украйна, Украйна! что за чудная твоя доля!

— Да, чудная! отвѣчалъ его спутникъ, или, лучше сказать, бѣдная! Всякая сволочь можетъ свободно расхаживать по ней и говорить: «это моя земля!» Сегодня, однако жъ, я утеръ носа одному ледащу. Я не говорилъ вамъ, батюшка, объ этомъ, потому-что передъ выѣздомъ въ-дорогу было не до расказовъ.

— Ну, ну! что тамъ, козаче? Ты, Петро, всегда былъ слишкомъ скоръ на отвѣты. Смотри, чтобъ иногда не проговорился.

— Я желалъ бы, батюшка, чтобъ всякій козакъ такъ проговаривался, какъ я сегодня; тогда бъ скоро не осталось на Украйнѣ ни однаго Ляха, или Жида. Зашелъ я въ кузню, чтобъ взять пары двѣ

запасныхъ подковъ для дороги; смотрю—какая-то шляхта заѣхала перековать коня. Шапка перекривлена на бокъ; усы закручены вверхъ; на всѣхъ посматриваетъ такъ, какъ будто равнаго ему молодца и въ свѣтѣ нѣтъ. Не люблю я такой фигуры отъ природы.....

— Подлые хвастуны! сказалъ, не вытерпѣвши до конца расказа, воинственный попъ: храбры только въ корчмахъ за столомъ! тамъ ажъ горятъ до войны; а только придется до дѣла, то вся война ихъ въ томъ, что окопаются по уши валами, да и добывай ихъ оттуда, какъ лисицу изъ норы. Подъ Зборовымъ, примѣрно, досидѣлись подлые трусы до того въ окопахъ, что стали ѣсть мышей и всякую гадость, а вытти въ поле и дать бой по-рыцарски не отважились.

— Не люблю я такой фигуры отъ природы, продолжалъ Петро. Идучи мимо, я нарочно толкнулъ его въ бокъ локтемъ.

— Что жъ онъ?

— А онъ: «Галганъ, хлопъ негодзивый*!»

— И ты ему смолчалъ?

Gałgan, chłop nigodziwy — негодяй.

— Я смолчалъ? Нѣтъ, батюшка, не-даромъ вы говорите, что я скоръ на отвѣты. Я ему сказалъ, ставши противъ его носа: «А къ твоему имени не нужно прибавлять никакой брани.

— Что жъ онъ!

— А онъ, говоритъ: «Ляхъ панъ, а вы мужики! Скоро, говоритъ, мы запряжемъ васъ по-прежнему въ плугъ.»

— А ты жъ ему на это?

— А я ему сказалъ: «Скорѣй у такихъ хвастуновъ, какъ ты, ушей не будетъ, нежели запряжете вы насъ въ плугъ.»

— Что жъ онъ?

— А оно, поганое, расхорохорилось, да за саблю, да ко мнѣ.

— Ну!

— Ну, а я, разумѣется, не попятился; не давши ему взмахнуть и четырехъ разъ, хвать—и отнесъ ему ухо. Завизжалъ вражій Ляшокъ какъ щенокъ, да скорѣй на коня, да только его и видѣли.

Незнакомцы наши держали путь свой по направленію къ сѣверовостоку. Можно бы подумать, что они ѣдутъ въ Кіевъ; но въ Кіевъ ѣзжалая дорога изъ Паволочи лежала тогда на Трилѣсы и на Фастовъ; а они, оставивши Трилѣсы вправѣ, переправились въ бродъ выше Фастова черезъ рѣчку Унаву—и, обогнувши полемъ Фастовъ, переправились опять на правую сторону Унавы и углубились въ густую степь, въ которой едва замѣтно вилась помежъ озерами и болотами слабо пробитая въ травѣ дорожка. Иногда они совсѣмъ теряли ее изъ виду, но, взъѣхавши на высокій кряжъ земли, обозрѣвали окрестность и снова пускались въ путь съ увѣренностію. По всему видно было, что они избѣгали всякой встрѣчи и желали, чтобъ путь ихъ оставался никому неизвѣстнымъ. Цѣлую ночь и часть наступившаго потомъ дня ѣхали они, не останавливаясь ни на минуту. Наконецъ увидѣли вдали уединенно-стоящую посреди степи хатку съ колодеземъ, замѣтнымъ по высокой присохѣ, которая съ своимъ коромысломъ рисовалась на небѣ въ видѣ Польской буквы ł.

— Не мѣшало бъ намъ тутъ отдохнуть, да подкрѣпиться немного, сказалъ священникъ. До Хмарищъ еще далеко; а кони крѣпко подбились.

— Да, не мѣшало бы, батюшка, отвѣчалъ его спутникъ: если только здѣсь никого лишняго нѣтъ.

— Кто сюда заѣдетъ, въ такую глушь?

— Заѣдетъ такой, какъ мы.

— Ну, если бъ такой, какъ мы, то слава Богу; а то бѣда, если забралась сюда какая-нибудь погань, у которой языкъ самая сильная часть тѣла.

— Не мудрено и то, сказалъ молодой козакъ, когда они въѣхали на возвышенность. Смотрите, двѣ дороги перекрестились возлѣ этой хатки.

— Точно. Я вспомнилъ это мѣсто: оно мнѣ очень знакомо. Эта перекрестная дорога ведетъ изъ Василькова въ Макаровъ и въ Полѣсье. Отъ Тетери часто шляются посланцы къ Радзивилу и къ другимъ пузанамъ въ Литву. Чего добраго! можетъ быть, на эту пору нечистый какъ разъ втеребилъ въ эту хатку какую-нибудь этаго сорта сволочь. Поѣзжай впередъ и осмотри. Твоя фигура не такъ примѣтна. Въ случаѣ чего, то можно объѣхать долиною и миновать эту дрянь, не говоря худаго слова.

Въ самомъ дѣлѣ, попъ могъ опасаться за свою наружность: кто только разъ его увидѣлъ бы, тотъ не забылъ бы его во всю жизнь. Его лице, выразительное само по себѣ, было все въ рубцахъ, оставшихся послѣ сабельныхъ ударовъ, и это при сѣдой бородѣ его и священническомъ костюмѣ давало

его наружности такую рѣзкую особенность, что всякой встрѣчный невольно обратилъ бы на него вниманіе.

Когда спутникъ его ускакалъ впередъ, онъ приблизился къ хатѣ на такое разстояніе, что можно было слышать человѣческій голосъ, потомъ остановился, сошелъ съ коня и, облокотившись на сѣдло, такъ-что почти вся фигура его была закрыта, ожидалъ возвращенія своего товарища. Прошло нѣсколько минутъ; тотъ не показывался. Попъ началъ уже обнаруживать нетерпѣніе, какъ онъ вышелъ, вскочилъ поспѣшно на коня, и едва отъѣхалъ на ружейный выстрѣлъ, какъ изъ-за хаты показалось на коняхъ четыре, или пять человѣкъ, одѣтыхъ по-Польски.

— Забѣгайте впередъ! поймаемъ проклятаго хлопа! кричали они по-Польски Однако жъ никто не смѣлъ, видно, отдѣлиться отъ толпы, и гнались за козакомъ всѣ разомъ.

— О, вражій же хлопецъ, Петро! говорилъ попъ, садясь на коня. Выбралъ же время играть въ скачку съ Ляхами!

— Видите, батюшка! говорилъ козакъ, указывая на своихъ преслѣдователей. На эту погань вездѣ наткнешься, въ какое мѣсто ни поди.

— Постой, постой, вражій сынъ! прикрикнулъ на него попъ. Дай лишь мнѣ разогнать ихъ; я тебя научу, какъ батьку слушать! А ну сюда! сказалъ онъ, взявшись за винтовку, висѣвшую у него возлѣ сѣдла. А! вертитесь, трусы! Храбры только въ пяти на однаго! Но если хотите, я и одинъ разметаю васъ, какъ пухъ, по полю.

Съ этимъ словомъ онъ выѣхалъ впередъ и навелъ на нихъ длинный стволъ своей винтовки. Поляки также схватились за ружья и стали заѣзжать одинъ другому въ тылъ, какъ бы для того, чтобъ чрезъ плечо другаго вѣрнѣе прицѣлиться. Но какъ никто не хотѣлъ стоять впереди, то всѣ они заметались и разсыпались въ стороны, оставя козакамъ свободный проѣздъ.

— Ироде! обратился тогда попъ къ своему спутнику, грозно насупивши брови. Долго ли еще учить мнѣ тебя, какъ школьника? Или ты хочешь, чтобъ я бросилъ тебя, какъ ни къ чему не годную вещь, и одинъ занялся своими дѣлами? Такъ пропадай же, ледащо! вонъ съ глазъ моихъ, чтобъ и духъ твой не пахнулъ!

— Батюшка! сказалъ козакъ, едва смѣя глядѣть на разгнѣваннаго своего спутника. Если бъ вы

знали, какъ это случилось, то вы бъ совсѣмъ не сердились на меня.....

— Ну, какъ бы это ни случилось, прервалъ тотъ, смягчившись, а что сдѣлано, то сдѣлано. Эти люди насъ уже видѣли; скрываться отъ нихъ больше нечего. Заѣдемъ, отдохнемъ.

— Не знаю, дадутъ ли намъ отдохнуть эти собаки, сказалъ козакъ. Смотрите, они опять собрались въ купу.

— Эй ты, баба! возразилъ воинственный попъ. Да это такая пошлая сволочь, что, если бъ нужно, я легъ бы спать передъ ихъ глазами посреди степи; держалъ бы только въ рукѣ свою винтовку, и готовъ побожиться, что они также не смѣли бъ подступить ко мнѣ, какъ волки къ огню, разведенному пастухами посреди поля.

Съ этимъ словомъ онъ слѣзъ съ коня, разуздалъ, закинулъ ему повода на шею, а самъ пошелъ въ хату съ такою беззаботностью, какъ будто у себя дома. Молодой товарищъ его былъ осторожнѣе: прежде-нежели сдѣлалъ все это по примѣру своего спутника, онъ оглядѣлся во всѣ стороны и, какъ видно, только по необходимости долженъ былъ сообразоваться съ его поступками. — Боюсь, чтобъ эти поганые Ляшки не удрали намъ какой-нибудь

штуки: говорилъ онъ, медленно ворочаясь возлѣ своей лошади. Конечно, мы съ ружьями; но если они завладѣютъ конями, то это не слишкомъ выгодная война!

— Не бойся, дурню! говорилъ старикъ, который уже сидѣлъ въ хатѣ и просунулъ въ окно дуло своей винтовки. Смотри, вонъ они вдали крутятся на коняхъ и машутъ выметами, да не смѣютъ подъѣхать близко: знаютъ, что сейчасъ попотчую изъ винтовки! Ступай-ка сюда; тутъ все для насъ приготовлено, какъ будто я изъ Паволочи нарочно посылалъ впередъ вѣстоваго, чтобъ былъ готовъ обѣдъ къ полудню.

Вошедши въ хату, молодой козакъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ на столѣ изобильный завтракъ, состоявшій изъ ветчины, жареннаго гуся и порядочной фляги съ какимъ-то напиткомъ. Хата была совершенно пуста. Видно было, что въ ней никто не живетъ.

— Ну, говори теперь, голова, какъ это случилось, что ты задрался съ Поляками, сказалъ ему попъ, взявшись за гуся, который лишился еще одной только ноги. Да смотри, бреши искусно, чтобъ оправдался; а не оправдаешься, то не дамъ тебѣ и понюхать этаго обѣда.

— Нѣтъ надобности мнѣ брехать, батюшка, отвѣчалъ тотъ: для враговъ нашихъ нѣтъ ничего постыднѣе, какъ сказать объ нихъ правду.

— Истина! воскликнулъ попъ, довольный этою остротою. Ну, за это жъ заслуживаешь чарки горѣлки. Выпей и продолжай далѣе. Вишь, Ляхи, какую славную настоянку съ собою возятъ!

Козакъ выпилъ, отеръ усы и продолжалъ. — Тутъ, батюшка, исторія такая, что хоть самому Божьему человѣку раскажи, да и пусть разноситъ по всему свѣту. Слушалъ бы ее охотно и Запорожецъ и всякой козакъ.

— Ну, ну! говорилъ старикъ, посматривая между-тѣмъ въ окно.

— Исторія о безухомъ Ляхѣ.

— Какъ? о томъ, что чванился въ кузницѣ?

— О томъ самомъ.

— А, да это просто чудо! ну, расказывай!

— Иду я въ сѣни и слышу говоръ: цвенькаютъ по-Польски. Дверь отворена. Я и заглянулъ въ хату. Сидитъ пять пьяницъ; морды красныя, глаза

веселые, и межъ ними мой безухій; уши подвязаны платкомъ.—До дябла! говоритъ; обступили меня козаки въ Паволочи: кто ты таковъ?—Гмъ, до дябла! какое вамъ дѣло, хлопы! и началъ ихъ крошить; десять галгановъ повалилъ уже, какъ прибѣгаетъ самъ полковникъ Шрамко. До дябла! Что тутъ, что тутъ такое? Вы, панове, знаете Шрамка, морда страшная какъ у чорта; но я, до дябла! я и его не испугался; выпалилъ ему изъ пистолета прямо въ морду...

— Да вретъ же онъ, вскричалъ старикъ.

— Разумѣется, вретъ, въ томъ-то и штука. Это-то меня и раздосадовало. Я прямо вхожу въ хату, а они такъ разболтались, что и не видятъ меня; вхожу и говорю: панове! Они всѣ вздрогнули и обратились ко мнѣ. Въ Паволочи, говорю, жаловался мнѣ кузнецъ, что одинъ панъ не заплатилъ ему за подкову, а оставилъ ухо. Такъ кузнецъ ухо прибилъ гвоздемъ надъ входомъ въ кузницу, не купитъ ли кто изъ проѣзжихъ. Не нужно ли кому изъ васъ? У всѣхъ ли васъ цѣлы уши?

— Ха, ха, ха! засмѣялся старый попъ. Молодецъ Петро, право, молодецъ! за это я все тебѣ прощаю. Ну, что жъ Ляхи?

— До дябла! закричалъ тотъ, у кого на голо-

вѣ шапка горѣла. Панове, co to gałgan gada? * Видя, что я одинъ, они всѣ за сабли. Я бъ, конечно, не попятился и тутъ; но вдругъ вспомнилъ о васъ: скорѣй изъ хаты, да на коня. А они за мною. Вотъ и вся исторія.

— *Шутка-шутка*, *а хвостъ на бокъ*, сказалъ попъ, выслушавши расказъ своего спутника. Не въ добрую минуту мы выѣхали изъ Паволочи: боюсь, чтобъ эти Полячки не надѣлали намъ пакости.... Впрочемъ, *что будетъ*, *то будетъ*, *а будетъ то*, *что Богъ дастъ*, какъ говорилъ батько Хмѣльницкій. Положимъ, что они и провѣдаютъ... Что жъ?...

Тутъ онъ задумался, и только движеніемъ рукъ своихъ выражалъ то, что роилось въ головѣ его. Теперь, взглянувши на него, вы не узнали бъ въ немъ того отважнаго весельчака, котораго, за нѣсколько минутъ назадъ, такъ забавляла трусость Поляковъ. Суровое лице его, съ характеристическими рубцами и бѣлою бородою, выражало теперь какую-то важную думу, такъ-что всякой, кто присмотрѣлся бы къ нему внимательнѣе, сказалъ бы, что этотъ человѣкъ размышляетъ не о доходахъ своихъ, не о семейныхъ обстоятельствахъ, а что на немъ лежатъ, можетъ быть, интересы цѣлаго народа.

* Что этотъ негодяй говоритъ?

— Что-то не видать уже нашихъ пріятелей, сказалъ, взглянувши въ окно, молодой козакъ.

— Не видать? Пойди-ко, обойди вокругъ хаты, не крадутся ли они къ намъ съ другой стороны. Только нѣтъ, у такихъ трусовъ и на это не достанетъ отваги.

Козакъ вышелъ, и возвратившись чрезъ нѣсколько минутъ сказалъ — нѣту, и слѣдъ простылъ. Я нарочно садился на коня и объѣзжалъ по взгорьямъ; нигдѣ не видно; только къ Василькову замѣтна вдали пыль по дорогѣ. Слава Богу, отдѣлались-таки мы отъ этихъ собакъ.

— Не такъ отдѣлались, какъ ты думаешь, возразилъ старикъ. Я готовъ бы лучше вытти съ ними *на грець*, * если бъ они имѣли столько смѣлости, и всѣхъ ихъ перестрѣлять, какъ зайцевъ, нежели это слышать... Сдѣлалось такъ, какъ хуже и ожидать было нельзя... Досадно!... А впрочемъ, да будетъ воля Божія! Не напрасно Богъ посылаетъ въ душу великія намѣренія; не безъ причины Онъ

* Выходить *на грець* значило у козаковъ выходить на единоборный бой. Обыкновенно, передъ началомъ битвы, смѣльчаки просили у начальника позволенія показать *лыцарство козацьке*, выѣзжали въ поле изъ стана, стрѣлялись съ непріятелями и рубились саблями. Это лучше всего можно понять изъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ.

[illegible]

[illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

[illegible]

родными, и пріятелями, и всѣмъ, что мило на землѣ человѣку. За это получимъ сугубую награду отъ Бога.

Молодой козакъ ничего не отвѣчалъ; но его взоръ показывалъ, какъ сильно дѣйствуютъ на него эти наставленія.

Нѣсколько минутъ они оба молчали.

— Ну, нечего сказать, началъ снова попъ, перемѣнивши опять свой важный тонъ на шуточный, гуси славные!

— Умѣютъ жарить вражьи Ляхи! прибавилъ козакъ.

— Умѣютъ отростить себѣ брюхо. Въ старые годы, когда они владѣли еще безъ боязни Украйною, бывало, пріѣдетъ какой-нибудь Ляшокъ изъ Польши худой какъ щепка; поживетъ года два — смотри, пузанъ такой, что на коня не сядетъ! Правда, поуменьшили мы имъ жиру съ батькомъ Хмѣльницкимъ; не смѣли носа выткнуть изъ-за Вислы... А теперь опять нечестивцы протягиваютъ руки, чтобъ захватить въ свою власть Украйну; опять думаютъ откармливаться здѣсь кровавымъ нашимъ потомъ, но не удастся!...

Едва наткнулся онъ на эту мысль, тотчасъ оставила его природная веселость его нрава, и онъ, облокотясь на столъ, погрузился въ глубокую задумчивость. Молодой козакъ, видно, также вполнѣ раздѣлялъ его чувства; молча глядѣлъ онъ на него, какъ бы вычитывая въ его лицѣ сердечныя его думы.

— Отсюда не далеко уже до Кіева, сказалъ тотъ наконецъ. До заката солнца мы будемъ въ Хмарищахъ. Панъ Черевань вовсе не ожидаетъ такихъ гостей.

*

ПРИМѢЧАНІЕ.

1. *Послѣ несчастной Берестечской битвы прибылъ сюда Хмѣльницкій.*

«Хмѣльницкій, говоритъ одна современная записка, три дня стоялъ тогда въ Паволочи. На третій день пріѣзжаетъ изъ обозу Хмѣлецкій, освѣдомляется с гетманѣ, однако жъ съ боязнью, и проситъ мѣщанъ Паволочскихъ расположить къ нему Хмѣля. Какъ только къ нему явился; Хмѣльницкій спросилъ: А таборъ гдѣ? А тотъ, пожавши плечами, сказалъ: уже таборъ у чорта въ зубахъ; мы ушли изъ табора. — Зачѣмъ? — За тѣмъ, что

козаки не хотѣли биться! — А корòгвы (знамена)? — Пропали и корогвы! — А гарматы (пушки)? а шкатулка съ червонцами? — Объ этомъ не знаю. — Тогда началъ рвать на себѣ волосы и браниться Хмѣльницкій. На это время пріѣхалъ другъ его Джеджелѣй, съ которымъ онъ здоровался рыдая; потомъ пріѣзжаетъ и Гладкій, но всѣ полковники безъ войска, только съ сотнею, или съ полуторостами козаковъ; одинъ Пушкаренко привелъ съ собою козаковъ около шести сотъ. Прочаго войска не было, потому-что всѣ пошли въ разсыпную». (Starozytnosci Historyczne Polskie. I, 276).

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

ВЕЧЕРЪ.

Заря вечерняя на небѣ догораетъ;
Прохладой дышитъ все; день знойный убѣгаетъ;
Безсонный соловей одинъ вдали поетъ.
Весенній вечеръ тихъ; клубится и встаетъ
Надъ озеромъ туманъ; межъ листьями играя,
Чуть дышитъ майскій вѣтръ, рядъ бѣлыхъ волнъ качая;
Спитъ тихо озеро. Къ крутымъ его брегамъ
Безмолвно прихожу, и тамъ, склонясь къ водамъ,
Сажуся въ тишинѣ, отъ всѣхъ уединенный.
Наяды рѣзвыя играютъ предо мной —
И любо мнѣ смотрѣть на кругъ ихъ оживленный,
Какъ, на поверхности лобзаемы луной,
Наяды рѣзвыя нагія выплываютъ,
И долго хохотъ ихъ утесы повторяютъ.

Салтыковъ.

1842.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXXVII ТОМА.

КОНЕЦЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАГО ТОМА.